Министерство образования и науки
Российской Федерации

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

ВЕСТНИК

Московского института лингвистики

№ 2 / 2011

Учредитель: НОУ ВПО «Московский институт лингвистики»
Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-37854

Редакционный совет

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор.
Виноградов В.А., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Гриценко Е.С., доктор филологических наук, профессор.
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор.
Егоров М.А., доктор филологических наук, профессор.
Караулов Ю.Н., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Коттхофф Хельга, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.
Красных В.В., доктор филологических наук, профессор.
Поляков Ф.Б., доктор филологических наук, профессор, Венский университет, Австрия.
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор.
Слышкин Г.Г., доктор филологических наук, профессор.
Тарасов Е.Ф., доктор филологических наук, профессор.
Тер-Минасова С.Г., доктор филологических наук, профессор.
Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор.
Шоре Элизабет, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.

Редакционная коллегия

Терентий Л.М. – ректор НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», кандидат политических наук, *главный редактор*.
Багрова А.Я., кандидат педагогических наук, доцент.
Бгатов А.П., кандидат исторических наук, доцент.
Дмитрюк С.В., кандидат филологических наук, *выпускающий редактор*.
Кирилина А.В., доктор филологических наук, профессор, *заместитель главного редактора.*
Кирсберг И.В., доктор философских наук, профессор.
Климачев В.В., кандидат экономических наук, доцент.
Рыжук Н.С., кандидат филологических наук, доцент.
Сазанов А.В., доктор исторических наук, профессор.
Усачев Е.В., проректор по внешним связям МИЛ.
Хаимова В.М., кандидат филологических наук, доцент.
Шишканов И.В., кандидат филологических наук, доцент.

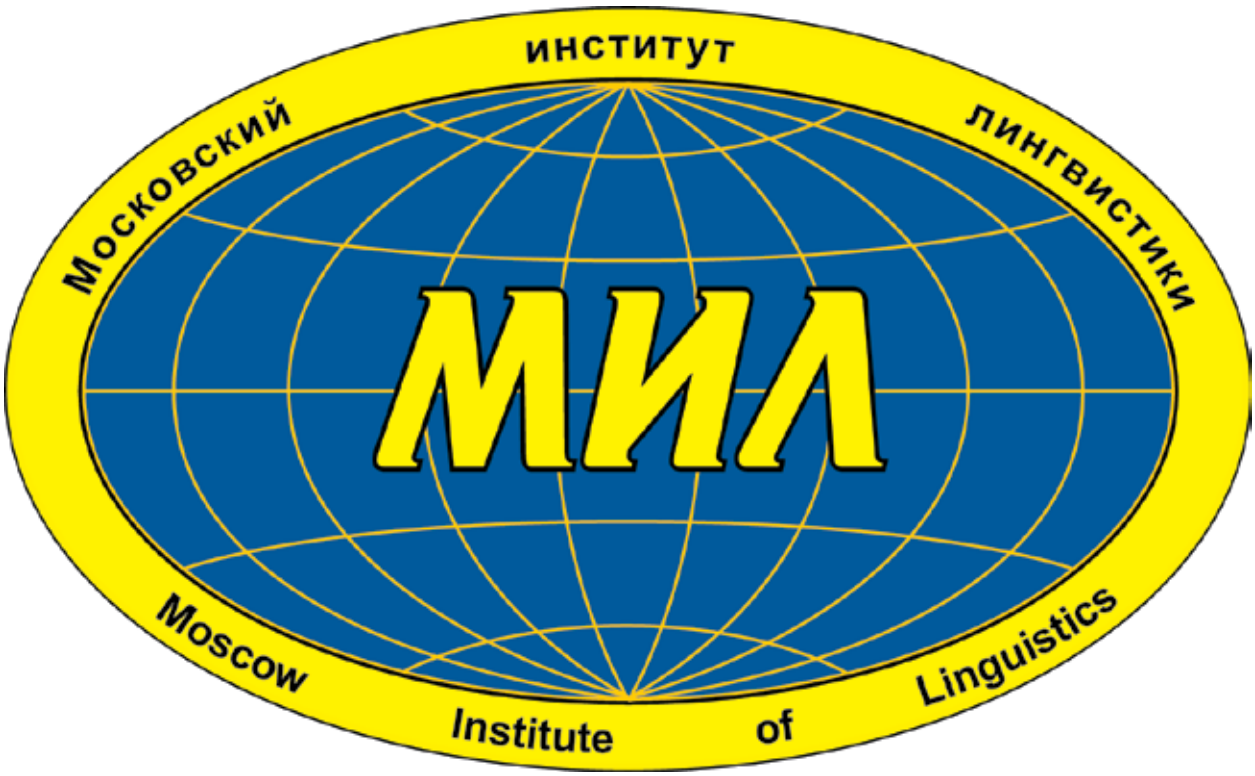
Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Выходит 1 раз в полугодие.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Адрес редакции: Москва, ул. Новомосковская, д.15а
e-mail: vm@inyaz-mil.ru

Москва 2011
© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2011
ISBN 978-5-904360-08-5
ISSN 2222-9283

ISBN 978-5-904360-08-5
9 785904 360085

Подписано в печать 21.12.2011. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Зак № 0211. Усл. печ. л. 11,7. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии «Канцлер»
150008, г. Ярославль, Столярная улица, д. 14


Московский институт лингвистики
МИЛ
Moscow Institute of Linguistics

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
А.О. Баринова. Концептуализация этничности в научной коммуникации: опыт хедлайн-анализа.....6
А.Д. Брагина. Развитие поликультурных ценностных ориентаций личности будущего переводчика.....10
И.А. Бубнова, Л.М.Терентий. Интенциональный профиль закрытых дипломатических переговоров.....14
И.В. Зыкова. Метафорический концепт как конструкт фразеологической семантики....22
И.К. Кардович. О когнитивном анализе текста.....30
А.В. Кирилина. Контакт языков в немецком языковом пространстве.....36
Л.А. Комлева. Системный потенциал концепта «спортивный фанат» в русской и английской лингвокультурах.....46
Е.А. Путрина. Экспериментальное исследование гендерных стереотипов языкового сознания.....54
Н.С. Рыжук. Партитивные семантические связи как средство отражения в языке процессов категоризации.....60
Е.Г. Свинчукова. Диаспорное языковое сознание русскоязычных жителей Казахстана.....70
В.В. Убушаева. Научный стиль в британском английском XX века: пунктуационное оформление двух однородных членов предложения.....80

ТУРИЗМ: НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО
Ю.С. Путрик, П.И. Караневский. Проблемы и тенденции развития терминологии в сфере туризма.....86

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ
В.В. Атаман. Государственное регулирование как важный фактор экономической политики Норвегии.....94
Е.Е. Веселкова. Режим наибольшего благоприятствования для развития международного инвестиционного сотрудничества.....106
В.В. Климачев. Роль и положение международных финансовых центров в глобальной финансовой системе.....114
О.В. Сонин. Теоретические концепции региональных интеграционных процессов.....126

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
И.В. Шишканов. Шестая международная научно-практическая конференция «Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке».....141
И.В. Шишканов. Конференция «Полифония большго города – 2: проблемы, решения, перспективы».....146

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....150

ИНФОРМАЦИЯ.....151

CONTENTS

LINGUISTIC RESEARCHES
Anastasia O. Barinova. Conceptualization of Ethnicity in Scientific Communication: HeadlineAnalysis....6
Anzhelika D. Bragina. Development of Polycultural Value Orientations of Future Interpreters....10
Irina A. Bubnova, Liviu M. Terentyi. Intentional Profile of Private Diplomatic Talks....14
Irina V. Zykova. Metaphoric Concept as a Building Element of Phraseological Semantics....22
Irina K. Kardovich. About Cognitive Text Analysis....30
Alla V. Kirilina. Language Contacts in the German Language Space....36
Lyudmila A. Komleva. System Potential of Concept "Sports Fan" in Russian and English Linguistic Cultures....46
Elena A. Putrina. Experimental Research of Gender Stereotypes in Language Consciousness....54
Natalia S. Ryzhuk. Natural Language Categorization Reflected in Part-Whole Semantic Relations....60
Elena G. Svinchukova. Language Consciousness of Russian Diaspora in Kazakhstan....70
Valentina V. Ubushaeva. British English Scientific Style of the 20th Century: Punctuation of Two Homogenous Members of the Sentence....80

TOURISM: SCIENTIFIC SPACE
Yuri S. Putrik, Petr I. Karanevskiy. Issues and Tendencies in the Development of Tourism Terminology....86

MANAGEMENT: SCIENTIFIC ANALYSIS
Valeri V. Ataman. State Regulations as an Important Factor of Economic Policy of Norway....94
Evgeniya E. Veselkova. The Most Favored Nation Treatment for the Development of the International Investment Collaboration....106
Vadim V. Klimachev. The Role and Status of International Financial Centres in Global Finance System....114
Oleg V. Sonin. Theoretical Concepts of Regional Integration Processes....126

SCIENTIFIC INFORMATION
Iliya.V. Shishkanov. Conference «Polyphony of a Big City»....141
Iliya.V. Shishkanov. Conference «Society – Language – Culture: Key Problems of Interaction in the XXI Century»....146

NOTES ON CONTRIBUTORS....150

INFORMATION....151

А.О. Баринова

УДК 81

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ ХЕДЛАЙН-АНАЛИЗА

В статье на материале авторефератов диссертаций на соискание учёной степени доктора наук рассматриваются основные научно-теоретические взгляды на проблему этничности в начале XXI века. Проведенный хедлайн-анализ позволяет выявить основные аспекты конструирования этничности, в том числе становление этнического самосознания в современном глобализующемся мире.

Ключевые слова: хедлайн-анализ, этнос, этничность, этническая идентичность, этнокультурный, этнополитический.

Anastasia O. Barinova

CONCEPTUALIZATION OF ETHNICITY IN SCIENTIFIC COMMUNICATION: HEADLINE ANALYSIS

The paper is conducted on the basis of dissertations presented for the degree of Doctor of Philosophy and therefore, considers various scientific views upon the ethnicity issue at the beginning of the XXI century. The paper investigates the discursive construction of ethnic identity and highlights the importance and rapid growth of ethnic self-actualization in modern globalizing world.

Key words: headline analysis, ethnicity, ethnic identity, ethnic culture, ethnic politics, ethnology.

Наука как социокультурный феномен и социальный институт всегда включена в социальный процесс и развивается в русле основных идеологических моделей общества. В современном мире, характерными чертами которого являются миграционные процессы, этническое и культурное смешение, формирование полиэтничных государств, изучение этнических особенностей различных народов, в том числе этнических меньшинств, пропаганда этнической толерантности и политика мультикультурализма важны для снижения расовой, этнической и культурной дискриминации, предотвращения национальных конфликтов и военных столкновений. Специалисты различных областей гуманитарного знания проявляют интерес к категории этничности, происходящим этнопроцессам, их исторической, культурной, философской и лингвистической составляющим. Данные исследования разнохарактерны, многодисциплинарны и междисциплинарны. Лингвистический анализ современных российских научных работ, выполненных в рамках данной проблематики, позволяет не только выявить основные научно-теоретические взгляды на проблему этничности, но и проследить, как реализуется мировоззренческая функция науки в конструировании явлений социальной реальности.

Материалом данного исследования послужили авторефераты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук, выполненные в период с 2007 по 2011 годы и опубликованные на сайте ВАК Минобрнауки РФ [Официальный сайт]. Обращение к авторефератам докторских диссертаций преследовало две цели: 1) получить наиболее полную картину современных научных исследований в разных областях, имеющих фундаментальный характер; 2) сузить масштаб исследования, так как имеющиеся ресурсы не позволяют отследить все без исключения научные работы, осуществляемые в данной проблематике. Подобное исследование можно считать разновидностью хедлайн-анализа, основополагающим принципом которого служит тезис о том, что заголовки отражают концептуализацию дискурсивной действительности и представляет собой концентрированное выражение семантических смыслов всего дискурса [Данюшина 2010].

При проведении анализа были отобраны авторефераты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук, в темах которых содержатся имена существительные и имена прилагательные с компонентом «этн-» (например, «этнос», «этнический» и т.п.), а также различные сложные слова, образованные путем сложения основ с компонентом «этно-» (этнокультурный, этнополитический и т.п.). В результате было получено 62 диссертационные работы, в той или иной степени затрагивающих проблему этничности и различные ее аспекты. Все отобранные работы принадлежат к области гуманитарных и общественных наук, при этом наибольшее количество (35%) принадлежит сфере исторических наук с акцентом на этнографической, энтологической и антропологической тематике (72%). Второе место по числу представленных работ занимают педагогические науки (19%) с примерно равным количеством исследований в области педагогики и методики преподавания. Далее в убывающем порядке по числу представленных авторефератов следуют философские науки (14,5%), политические и филологические науки с одинаковым количеством работ (9,6%), а также психологические (8%) и социологические науки (3%). В других областях знаний работ, содержащих в названии слова с компонентом «этн-» выявлено не было.

Преобладание исторических наук свидетельствует об интересе к этническому концепту в диахронии, в частности, к проблемам этнических меньшинств, проживающих на территории многонациональной Российской Федерации, их историческому прошлому и культурному наследию, проблемам воспитания и образования в полиэтничном государстве. Результаты анализа свидетельствуют о малой разработанности данной проблемы в других областях, в том числе в филологии.

На следующем этапе исследования был проведен дистрибутивный анализ всех фраз, содержащих слова с компонентом «этн-», путем составления таблицы. При этом в левую колонку вносились слова, предшествующие ключевой единице «этн-», в среднюю – деривaты формы «этн-», а в правую колонку – слова, находящиеся в подчинительных отношениях к ключевой лексеме и следующие непосредственно за ней.

Интересен тот факт, что в перечне отобранных 64 слов лексемы «этничность» обнаружено не было (хотя дважды зафиксировано сочетание «этническая идентичность»). Это дает возможность предположить, что интерес вызывает не столько этничность как категория или концепт, сколько различные составляющие данной категории (культурные, политические и т.п.). Об этом свидетельствует большое количество прилагательных (14 различных лексем и 44 примера употребления), образованных путем сложения основ, содержащих компонент «этно-», которые составляют 68% от всех отобранных слов. Лидирующую позицию занимает прилагательное «этнокультурный», что, на наш взгляд, свидетельствует о ключевой роли культурных представлений в концептуализации этничности. Слово «этнокультурный» встречается в 18 фразах и сочетается с такими словами как «стиль», «аспект», «толерантность», «компетентность», «образованность», «парадигма», «дисперсия», «деятельность», «идентичность», «развитие», «наследие», «взаимодействие», «представления», «традиция», «трансформации». При этом такие фразы, как «этнокультурные аспекты» и «этнокультурная компетентность» – зафиксированы несколько раз. Широкая сочетаемость прилагательного «этнокультурный» свидетельствуют о высокой степени релевантности данного понятия для современного общества, его динамичности и семантической емкости.

Далее по частоте встречаемости следуют прилагательные:

- *этнополитический* (консенсус, процессы, исследования, развитие) – 5 примеров,
- *межэтнический* (отношения, коммуникации) – 3 примера,
- *этносоциальный* (структура, история),
- *этноязыковой* (картина мира, многообразие),
- *полиэтнический* (среда, школа),
- *этноориентированный* (методика),
- *этнопедагогический* (подход, направленность),
- *этноконфессиональный* (ситуация, группа),
- *этнорегиональный* (система образования),
- *этнографический* (знание, изучение),
- *этнокастовый* (общество),
- *этноментальный* (основы),
- *этнодуховный* (идентичность).

Исходя из этого перечня, к концептуальным признакам этничности можно отнести культурный, политический, социальный, языковой, педагогический, конфессиональный, этнографический, кастовый, ментальный и духовный компоненты.

Прилагательное этнический зафиксировано в 13 фразах и сочетается со следующими существительными: «самосознание», «идентичность», «Бурятия», «культура», «субкультура», «фактор», «конфликты», «особенности», «меньшинства».

Таким образом, этнический компонент присутствует в различных ценностно-культурных и нравственных аспектах жизнедеятельности общества.

В целом, анализ сочетаемости прилагательного этнический и сложных прилагательных с компонентом «этно-» в атрибутивной функции, позволяет сделать вывод, что они часто употребляются для обозначения понятий, имеющих нейтральную и положительную оценку, за исключением сочетания «этнические конфликты», встречающегося в названиях исследований всего один раз.

Левосторонняя сочетаемость не является типичной для вышеупомянутых прилагательных, т.к. они выполняют атрибутивную функцию во фразах, т.е. имеют правостороннюю сочетаемость с определяемыми существительными, а также часто употребляются в самом начале названий исследовательских работ. Тем не менее, некоторые из отобранных и вышеупомянутых фраз сочетались со словами «оптимизация, сохранение, особенности, условия, становление, развитие, преемственность, достижение» («развитие этнокультурной компетентности, преемственность этнических культур», «становление этнокультурной образованности», «достижение этнополитического консенсуса»), что свидетельствует о происходящих в обществе социальных процессах, направленных на интеграцию, консолидацию и взаимодействие различных этнических групп, и характере проводимых научных исследований.

В процессе исследования названий научных работ было выявлено всего лишь 8 примеров употребления лексем с компонентом «этно», являющихся именами существительными: этнобытование, этнос, этнография, этножурналистика и этноправосудие. Последние два слова

можно рассматривать как индикатор высокой степени актуальности данной категории для современного общества и ее высокой смыслообразующей активности. Существительное этнос зафиксировано в 4 названиях работ в области философских наук. Два примера имеют левостороннюю сочетаемость со словами «самосознание» (этноса) и «картина мира» (этноса), в то время как другие из представленных существительных употребляются в номинативных конструкциях и не имеют прямых или косвенных дополнений (за исключением фразы «этнография детства»), т.е. в целом, не представляют большого интереса для исследования.

В рамках контекстуального анализа названий исследовательских работ, можно сделать вывод, что прилагательное этнический и сложные прилагательные и существительные с компонентом «этно-» хотя в целом и обладают нейтральной семантической просодией, т.к. употребляются главным образом в нейтральных контекстах, но в нескольких названиях научных работ можно наблюдать употребление прилагательных этнический и этнополитический в негативном контексте, что свидетельствует о потенциальной конфликтогенности категории: «Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов (конец XIX – начало XXI веков)»; «Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических государствах европейской периферии»; «Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект)».

Таким образом, современный научный дискурс отражает не только характер происходящих социальных процессов, их взаимосвязь, но и условия их протекания. Разнообразные этнические и этнокультурные процессы оказываются самым тесным образом связанными с тенденциями мировой глобализации и интеграции, ср: «Этнокультурная дисперсия ассирийцев в глобализующемся мире», «Модели концептуализации этнических субкультур в глобально/локальном контексте»; «Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России»; «Этническое самосознание личности в эпоху интенсификации интерграционных процессов (на материале исследований народов Дагестана)».

Преобладание исследований в области исторических наук может свидетельствовать о возрождении национальной этничности и этнокультур (многие ученые-этнографы говорят о пробуждении интереса к национальным культурам самих этнических меньшинств в национальных республиках [Е.В. Самушкина, В.А. Тураев, М.С. Инкижекова и др.]), при этом внимание уделяется не только исследованию прошлого, но и настоящего – особенностям, сохранению и преемственности этнокультур («Диаспоры Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI вв.»; «Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI вв.»; «Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов (конец XIX – начало XXI вв)»; «Природная и социальная среда как факторы сохранения этнической культуры алтайцев: конец XIX – начало XXI вв.»; «Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX – начале XXI вв.)»).

В исследованиях, проведенных в области педагогики, делается акцент на этнопедагогической направленности воспитания и этноориентированной методике обучения, что отражает современные потребности многоэтничного, мультикультурного российского общества.

Таким образом, в российском научном дискурсе категория этничности конструируется посредством обращения к этнокультурным аспектам (истории, традициям, наследию и т.п.), при этом акцент делается на развитии этносов, изучении их специфики, этнокультурном воспитании, формировании этнокультурной компетенции и толерантности, и в целом, становлении этнического самосознания в глобализующемся мире.

Литература

Официальный сайт высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/

Данюшина Ю.В. О методе хедлайн-анализа в исследовании бизнес-дискурса / Ю.В. Данюшина // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 8. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С. 413–420.

А.Д. Брагина

УДК 371

РАЗВИТИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА

Статья посвящена формированию поликультурных ценностных ориентаций как актуальной проблемы современного языкового образования. Полученные в ходе исследования данные акцентируют важность обращения к мультикультурной природе профессиональной подготовки будущих переводчиков и рассмотрению аксиологической сущности данного феномена. Главная особенность статьи заключается в том, что она показывает необходимость воспитания у студентов толерантного отношения к инокультурному опыту, поликультурности как ценностной доминанты сознания и ее актуализации в рамках традиционных педагогических методов и технологий.

Статья предназначена для преподавателей, аспирантов, учителей, педагогов дополнительного образования.

Ключевые слова: ценности, поликультурные ценностные ориентации, профессиональное языковое образование, будущие переводчики, диалог культур, компетенция.

Anzhelika D. Bragina

DEVELOPMENT OF POLYCULTURAL VALUE ORIENTATIONS OF FUTURE INTERPRETERS

The article is devoted to the formation of polycultural value orientations as one of the urgent problems of modern language education. The research findings emphasize the importance of serious attitude to multicultural nature of future interpreter professional development as well as to the analysis of its axiological essence.

The principle feature of the article is the necessity of student tolerant attitude to the experience of other countries, polyculture as the valuable dominant of consciousness and its actualization within the framework of traditional pedagogical methods and technologies.

The article is written for lecturers, post-graduate students, teachers and further education lecturers.

Key words: values, polycultural value orientations, professional language education, future interpreters, dialogue of cultures, competence.

В современном отечественном образовании в связи с реализацией гуманистической парадигмы возникла необходимость в новых философско-педагогических идеях наиболее полно отражающих сущность профессионального развития личности будущего специалиста, что особенно ярко проявляется в условиях информационной эпохи. Ведь смыслом и целью профессионального образования является постоянно развивающаяся личность, которая в повседневной деятельности руководствуется идеалами и идеями, имеющими общецивилизационное значение, но близкими каждому человеку. Следует отметить, что характерными особенностями начала XXI века является повсеместное усиление взаимодействия и взаимозависимости стран и народов. Новые социокультурные реалии мотивировали разработки единой образовательной стратегии, что отражено в документах ООН, Совета Европы, ЮНЕСКО и т.д. В результате возможно создание некоего глобального социума, бесконфликтно сочетающего всевозможные национальные культуры, базирующегося на общих фундаментальных ценностях. Искреннее стремление к взаимодействию с мировым сообществом, реализация в сфере обучения и воспитания результатов научных исследований, современных образовательных технологий, всесторонний анализ личности участников целостного образовательного процесса, определение собственной мировоззренческой позиции российского педагога, реализующего методологические и социокультурные установки в условиях высшей школы, актуализировали идеи поликультурности (Г.А. Аванесов, З.Т. Гасанов, Е.М. Громова, Л.П. Костикова, В.В. Сафонова, А.А. Сыродеева, П.В. Сысоев и др.). Все нарастающее понимание необходимости заботы об общественной сплочённости и государственной стабильности в рамках этнокультурного множества также дает толчок для мультикультурной ориентации. Интеграция в мировое культурное пространство и процесс построения открытого демократического общества ставят перед российской системой высшего профессионального образования новую цель-поликультурное развитие личности будущего специалиста в сфере иностранного языка, обладающего общепланетарным мышлением, т.е. способного рассматривать себя не только как представителя национальной культуры, проживающего в конкретной стране, но и в качестве гражданина мира, субъекта диалога (полилога) культур, осознающего свою роль, значимость и ответственность в общечеловеческих масштабах. Изучение иностранного языка как способа постижения мира, приобщения к ценностям культуры различных этносов служит отправной точкой для рассмотрения актуальной проблемы становления поликультурной личности студента-лингвиста, под которой понимается «личность, воспринимающая себя в качестве субъекта полилога культур, имеющая активную жизненную позицию, обладающая развитым чувством эмпатии и толерантности, эмоциональной устойчивостью, способная к продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества» [Агранат 2009: 6]. Установлено, что, в целом, поликультурная ориентированность личности студента языкового вуза определяет его отношение к структурным изменениям, происходящим в социуме, в профессии, характеризует ее устремленность к наиболее полному постижению культурно-языковой картины мира. Готовность будущих переводчиков к осуществлению эффективного кросс-культурного диалога в условиях профессиональной деятельности и возлагающих тем самым на себя нелегкую миссию по налаживанию и укреплению поликультурно-ориентированных взаимоотношений между субъектами взаимодействия представляется весьма значимой. Ценностные ориентации, являющиеся стержнем профессионального становления личности совершенствуются, определяют перспективу ее развития, связывают исторические эпохи и поколения, устанавливают преемственность лучших традиций в образовании. Ценности утверждаются в жизни не случайно, они зависят от экономических, социальных, политических отношений в обществе, служат опосредующим звеном между официальной доктриной образования и мировоззрением участников

учебно-воспитательного процесса. Выделяясь из палитры общесоциальных значений, ценности характеризуют в целом содержание профессионального «Я» будущего специалиста. Но не всегда в сознании человека ценностные ориентации упорядочены и согласованы в той мере, чтобы профессиональный путь был не тернистым. Механизм действия и развития ценностных ориентаций связан с решением конфликтов и противоречий в мотивационной сфере и в наиболее общей форме выражается в процедуре выбора между необходимостью и желанием. Сегодня доподлинно известно, что поликультурная личность проявляет достаточную осведомленность в знании родной и чужой культурной среды и, по свой сути, адаптивна. Она представляет собой сложное структурное новообразование, состоящее из когнитивного, аффективного и конативного компонентов, которые одновременно могут выступать и критериями ее сформированности. Яркими показателями поликультурной направленности личности являются: глубокие знания о современных тенденциях развития мировой цивилизации, процессах глобализации, о культуре как социальном феномене, политико-культурном разнообразии современного мира; осознание собственной этнокультурной принадлежности, осведомленность в особенностях функционирования различных культурных групп, нормах и традициях межличностного взаимодействия; эмпатийность, толерантность, эмоциональная стабильность, высокий уровень конфликтоустойчивости, гуманистическая направленность личности в целом.

Важным условием обеспечения эффективности образовательного процесса в языковом вузе является признание фактов, свидетельствующих о том, что в ходе обучения иностранному языку осуществляется не только формирование лингвистических компетенций и освоение страноведческой информации, но также передача ценностно-содержательного облика того этноса, язык которого изучается. Знания культуры страны, ментальности народа изучаемого языка играют определяющую роль в профессиональной деятельности будущих переводчиков и, тем самым, влияют на иноязычную коммуникативную компетенцию. Знание другого языка является ключом к пониманию народа, говорящего на этом языке, ведь он служит не только средством общения и выражения мысли, но и способствует аккумуляции ценностей культуры. В языке отражается опыт народа, его история, материальная и духовная культура, анализ которых помогает понять различия национальных культур и их взаимодополняемость. Приоритетное место в языковом образовании должно занимать развитие способности к участию в межкультурной коммуникации. Современный подход к подготовке лингвистов-переводчиков заключается в культуросообразности, а не знаниево-центрированной направленности. По мнению Л.П. Костиковой «в условиях современного поликультурного мира и интенсивных межкультурных и поли-языковых контактов становится необходимым вводить в процесс преподавания обучение основам мировой, глобальной культуры, включающей в себя ценности как ведущих на данный момент макрокультур, так и культур миноритарных [Костикова 2009: 58].

Следует отметить, что Россию с начала 90-х годов XX столетия принято называть обществом переходного типа, в котором воспитание толерантности, стремления к межэтническому взаимодействию является серьезной культурологической и ценностной проблемой. Анализ целостного учебно-воспитательного процесса в вузе показывает ведущую роль ценностей в формировании поликультурного облика студентов-переводчиков, их умении вносить свой вклад в естественное и необходимое культурное разнообразие мира. Это особенно важно сейчас, когда «смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и, как всегда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждение интереса и уважения к ним, преодоление в себе чувства раздражения и избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [Тер-Минасова 2000: 9]. Способы развития ценностных качеств личности могут базироваться на уже известных теориях, отражающих культурно-историческую динамику трансляции опыта. Так, сравнительные исследования стилей

воспитания в разных социокультурных стратах человеческого общества позволили Маргарет Мид сформулировать концепцию трёх типов движения культуры в обществе [Мид 1998: 53]. Первый тип – традиционный, в котором передача культуры происходит жёстко по вертикали – от старших к младшим, второй тип культуры характерен усвоением, как по вертикали, так и по горизонтали – младшие поколения учатся не только у старших, но и у равных себе по возрасту. Третий тип, называемый М. Мид «постфигуративным», характеризуется тем, что поколение детей в состоянии научить поколение отцов. Данный тип приобретения культуры свойствен индустриально развитым странам, вступившим в информационную эпоху с характерным для них быстрым устареванием информации. В современном российском обществе, особенно на неформальном уровне, в большей степени используется именно третий тип передачи культуры, так как молодое поколение, ранее своих отцов адаптируясь в быстро меняющемся социуме, в состоянии научить их этому. Однако факт перемещения знаний от детей к взрослым не означает отмирания традиционного института образования и воспитания. Это обстоятельство со всей отчётливостью обнаруживает непреходящее значение ценностей культуры, которые традиционно передаются «по вертикали», так как имеют иерархическую структуру.

Усиление роли поликультурного обучения обусловлено еще и тем обстоятельством, что оно способно не только не допустить духовной, нравственной катастрофы, но и дать миру новые ценности. По мнению Thomas, H. именно поликультурное образование обеспечило «стремительное развитие общества в последние десятилетия и предопределило быструю смену культурных ценностей, когда каждое новое поколение создает свои новые нормы, формирует новые интересы и вкусы, часто отличающиеся от предшествующих поколений» [Thomas 1988: 83]. Профессионал, действительно создающий себе «памятник нерукотворный», в первую очередь будет должным образом озабочен об оставлении культурного наследства как «единственного гаранта его вечной духовной жизни» [Гершунский 1997: 109]. В связи с этим современная педагогика высшей школы определяет поликультурную направленность будущего специалиста в области иностранного языка в качестве ценностного приоритета профессионального мировоззрения. Стремление к тесному плодотворному взаимодействию с общечеловеческой цивилизацией, преодоление раскола в системе идеалов и ценностей, явственно просматриваемого в современном социуме, не может быть реализовано без участия лингвистического сообщества, осуществляющего благородную миссию по развитию поликультурных ценностных ориентаций в консолидирующемся мире.

Литература

Агранат Ю.В. Формирование поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы при обучении иностранному языку в вузе. Автореф. канд. дис. – Хабаровск, 2009. – 23 с.

Библер В.С. Культура. Диалог культур /Опыт определения // Вопросы философии. М., 1989. – №6. – С.31–42.

Булынин А.М., Брагина А.Д. Становление и развитие ценностной парадигмы педагогического образования (теоретико-исторический аспект). Монография. – Ульяновск: Издатель Качалин А.В., 2010. – 220 с.

Гершунский Б.С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры. – М.: МПСИ, 1997. – 120 с.

Костикова Л.П. Лингвокультурология как один из компонентов системы поликультурного образования // Психолого-педагогический поиск №1(9), 2009. – С.55 – 64.

Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация.– М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

Thomas H. Interkulturelles Lernen im Schuleraustausch. Saarbrucken u. Fort Lauderdale, 1988.

И.А. Бубнова, Л.М. Терентий

УДК 81’23:007

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ЗАКРЫТЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

В работе представлены итоги исследования дипломатического дискурса в аспекте разграничения открытых и закрытых дипломатических переговоров; подробно охарактеризованы результаты изучения интенционального профиля закрытых дипломатических переговоров, завершившихся достижением поставленных в общении целей.

Ключевые слова: психолингвистика, дипломатический дискурс, типы дипломатического дискурса, интенциональная структура.

Irina A. Bubnova, Liviu M. Terentyi

INTENTIONAL PROFILE OF PRIVATE DIPLOMATIC TALKS

The article is devoted to the main results of diplomatic discourse analysis aimed at detection of its forms, specific characteristics and intentional structure of successful diplomatic negotiations.

Key words: psycholinguistics, diplomatic discourse, types of diplomatic discourse, intentional structure.

С точки зрения происходящих в современном обществе изменений одним из наиболее интересных и, как ни парадоксально, наименее изученных, является дипломатический дискурс, в процессе которого часто в прямом смысле решаются судьбы стран и народов.

Исход дипломатической коммуникации решается не на вербальном, а на более глубоком уровне – интенциональном, поэтому особое значение приобретает установление и описание интенциональных основ речевой деятельности дипломатов.

Структуры дипломатического дискурса анализировалась нами с позиций психолингвистики, что как раз и предполагает подход к общению как к речемыслительной деятельности людей, которая:

а) ориентирована на реализацию основной цели общения, достигаемой/не достигаемой в процессе «обмена» знаниями и образами, входящими в содержание их языковых сознаний;

б) происходит в ситуации, характеризующейся определенными специфическими чертами.

Анализ выявил следующее. Дипломатический дискурс как один из видов институционального общения, является особым видом коммуникативной деятельности, которая может реализовываться в двух своих формах – публичного (открытого) дипломатического дискурса и непубличного (закрытого) дипломатического дискурса. Эти формы отличаются между собой по целям коммуникации, способам их достижения, контекстам существования и специфике их основного адресата.

Публичная форма дипломатического дискурса: выступления послов в стране их пребывания, пресс-конференции высших государственных чиновников либо послов, заявления МИД, а также выступлениях дипломатов на заседаниях Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи ООН и т.д., распространяемые с помощью масс-медиа, по своим основным характеристикам во многом совпадает с политической коммуникацией.

Непубличная (закрытая) форма дипломатического дискурса – это переговоры различных уровней, имеющие форму обмена мнениями между равными, подготовленными и обладающими нужной информацией партнерами, с целью решения определенной проблемы. Данная черта, характерная для дипломатической коммуникации, сближает ее с научным дискурсом.

Помимо равенства участников, относящихся к закрытому сообществу, близость этих дискурсивных практик определяется еще несколькими факторами.

Во-первых, любые переговоры есть тщательно спланированный процесс, основанный на научных теориях и практических технологиях, разработанных в разных областях науки.

Во-вторых, стратегии непубличной формы дипломатического дискурса, подобно научным стратегиям, группируются по стадиям переговорного процесса в определенные классы, а их выбор в целом определяется промежуточными целями каждого этапа переговоров, представляющего собой своеобразную форму исследовательского процесса.

В-третьих, в основных чертах жанровая система непубличной формы дипломатического дискурса совпадает с системой жанров научной коммуникации. Участники дипломатического общения могут обладать несколькими статусно-ролевыми характеристиками, следуют определенному своду норм и правил поведения, в основе которого лежат принципы, сходные с постулатами общения, разработанными в лингвопрагматике, и употребляют своеобразные, свойственные только данным видам общения, формулы речи.

В-четвертых, как и в научной коммуникации, в системе ценностей непубличной формы дипломатического дискурса особое место занимает проблема истинности/ложности.

Однако именно в области общих для этих видов дискурсивных практик ключевых

концептов *истина, знание, исследование* и в оппозитивных концептах *правда, заблуждение, ложь, фантазия, вранье*, выступающих для *истины* системным контекстом, заключается основное различие между непубличным дипломатическим и научным дискурсами. Главная цель научного дискурса – познание *истины*. Для непубличного дипломатического дискурса концепт *правда* оказывается не менее, а во многих случаях и более важным, чем концепт *истина*.

Теоретическое моделирование структурно-смыслового пространства непубличного (закрытого) дипломатического дискурса, в основе которого лежат главные положения психолингвистической теории речевой деятельности, показало, что специфика его организации и функционирования определяется внутренними характеристиками двух когнитивных моделей – модели предметно-референтной ситуации и коммуникативной модели (ситуации-темы и ситуации общения, по А.А. Леонтьеву).

Модель предметно-референтной ситуации основана на совокупности различных наборов знаний человека говорящего и является частью его информационного тезауруса (когнитивного уровня структуры языковой личности), где хранятся смысловые, операциональные и общекультурные составляющие значений слов, в которых отражены результаты рефлексии и эмоционально-оценочных переживаний опыта, полученного в ходе истории его индивидуальных деятельностей.

Модель/фрейм общения, активизирующийся в сознании одновременно с моделью предметно-референтной ситуации, относится к прагматическому уровню структуры языковой личности и во многом определяется иерархией личных мотивов и целей.

Поскольку любая деятельность происходит в определенном лингвокультурном сообществе, модели одновременно увязаны и с типичными для культуры эталонами, обусловленными укорененными в ткани культуры жизненными установками народа, т.е. его национальным архетипом мироустройства. Третьим фактором, влияющим на содержание когнитивных моделей, и, следовательно, на поведение личности в коммуникации, является социум, причем здесь важными оказываются как ценности гражданского общества, так и ценности той референтной группы, с которой идентифицирует себя человек.

Таким образом, в целом процесс общения как когнитивная трансакция между его участниками определяется спецификой интеллектуального, эмоционального и социально-культурного развития говорящих/слушающих, т.е. наполнением всех уровней структуры языковой личности, и системы связей данной структуры с ее индивидуальным образом мира.

Особенностью непубличного дипломатического дискурса является то, что в нем принимают участие языковые личности с идентичными историями деятельностей. Более того, их профессиональная подготовка предполагает глубокое знание языка и национальной специфики представителей того лингвокультурного сообщества, с которым они вступают в контакт. Поэтому главными факторами, определяющими течение процесса коммуникации и степень его успешности, должны становиться:

а) индивидуально-психологические характеристики личности: индивидуальный когнитивный стиль, тип установки на общение, зависящий от степени развития чувства эмпатии, которое лежит в основе способности личности действовать кооперативно, и способность к рефлексии, аналитические способности и тип мышления в целом;

б) уровень «врастания» в национальную культуру, та степень, в которой индивидуальный образ мира, а, следовательно, поведение личности, определяется национальным архетипом мироустройства;

в) степень развития чувства гражданской самоидентификации, которое формируется в социуме в процессе всей жизнедеятельности личности и предполагает присвоение индивидуальным сознанием не только ценностей своей культуры, но и цен-

ностей своего государства и, соответственно, определяет потребность защищать его национальные интересы.

Теоретические положения, выдвинутые в работе, были проверены экспериментально в ходе анализа ряда документов, относящихся к дипломатическому дискурсу периода «разрядки» напряженности.

Материал исследования составили:

1. Стенограммы переговоров между СССР и США, имевшие место в 1969–1972 годах XX века, в которых участвовали главы государств обеих стран: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин и Президент США Р. Никсон. Помимо этого, с советской стороны в переговорах в ряде случаев принимали участие Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А.Александров и ряд других государственных чиновников высшего ранга, в том числе Посол СССР в США. Американская сторона, кроме Президента США Р.Никсона, была представлена государственным секретарем США У. Роджерсом, помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером, сотрудниками аппарата национальной безопасности США, а также Послом США в СССР Дж. Бимом.

2. Записи бесед между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном.

3. Записи бесед между Министром иностранных дел СССР А.А. Громыко и помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером (в некоторых из них принимали участие Посол СССР в США А.Ф. Добрынин и специальный помощник Г. Киссинджера У. Лорц).

4. Аналитические записки, подготовленные помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером для Президента США и Послом СССР в США А.Ф. Добрыниным для Политбюро ЦК КПСС.

5. Записи бесед Посла СССР в США А.Ф. Добрынина с Президентом США и его помощником по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером.

6. Стенограммы телефонных разговоров между Послом СССР в США А.Ф. Добрыниным и помощником Президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером.

В данном случае мы имеем дело с тем видом дипломатического общения, которое в целом можно отнести к непубличному/закрытому типу дипломатического дискурса. Несомненно, какие-то элементы публичности присутствовали в данном виде коммуникации в тот период, однако они абсолютно отличаются от публичной дипломатии, широко распространенной и характерной для настоящего времени. Это «камерная» публичность, рассчитанная не на широкую аудиторию, на массы, а на профессионалов и участников переговоров, от которых в значительной степени зависели принимаемые решения.

Во-вторых, несмотря на существующие различия в стилях работы, на которые прямо указывает в своем «Обращении к читателям» Г. Киссинджер, участники переговоров и с той, и с другой стороны руководствовались, прежде всего, национальными интересами своих стран. «*Мы с Добрыниным не были философами, занятыми поисками некой абстрактной истины. Мы были дипломатами, стремившимися отстаивать интересы своих стран*» [Советско-американские…2007].

В-третьих, решения с советской стороны принимались коллегиально. Данная особенность, как представляется, не входила в непримиримое противоречие с русским «образом мира», с традициями, сложившимися веками. Это был именно своеобразный «русский» коллективизм (по Н.В.Уфимцевой), обращенность внутрь своей референтной группы и ответственность перед ней и, соответственно, перед гражданами всей страны. Несмотря на то, что такой процесс был

достаточно сложным, в то же время коллегиальное рассмотрение вопросов позволяло в наиболее полной степени реализовать именно интересы государства, включающие в себя и национальные цели, и институциональные интересы. Что касается личных персональных особенностей дипломатов, то умение доказать и отстоять свою позицию, несомненно, играло важную роль. Однако неукоснительное следование правилу коллективного принятия решений не давало возможности отдельной личности действовать автономно и было, как можно сейчас предполагать, своеобразной страховкой государства от самоуничтожения, которое могло быть спровоцировано изменением ценностных ориентаций, гражданской и национальной самоидентификации одного человека, сконцентрировавшего власть и право принятия решений в своих руках.

В-четвертых, основная тяжесть подготовки переговоров, а часто и самих переговоров, ложилась на профессионально подготовленных сотрудников, которых отличали незаурядные способности. Более того, это были люди, которые пользовались безусловным уважением и доверием как руководства страны, так и своих партнеров. Так, Г. Киссинджер замечает: «*За четыре года… у нас сформировались особые отношения. Добрынин и я представляли страны, которые были политическими и идеологическими противниками. Будучи Послом в США, Добрынин был избран членом центрального комитета КПСС. Свою карьеру он начинал на посту заведующего Международным отделом ЦК. Таким образом, он являлся заметной фигурой как в формировании, так и в проведении внешней политики Советского Союза. …. Я всегда помнил об этом во время наших бесед с Добрыниным. Я никогда не забывал и того, что Добрынин – умнейший человек, с выдающимися аналитическими способностями. …Я уважал его человеческие качества. …. В телеграммах Добрынина чувствуется такая проницательность и широта взглядов, которая редко встречается в среде дипломатов*» [Советско-американские... 2007].

В целом же можно констатировать, что для всех участников дипломатических контактов конца шестидесятых и начала семидесятых годов XX столетия, несмотря на существующие различия, обусловленные образованием, условиями социализации, личностными особенностями, было характерно чувство принадлежности к своей стране, т.е. гражданская идентичность, лежащая в основе чувства коллективной ответственности – одно из базовых образований в ядре образа мира, что должно было проявляться в интенциональной структуре дискурса.

Кратко суммируя сказанное выше, следует отметить, что эмпирический материал исследования составили различные виды дипломатического дискурса. Сюда были включены стенограммы официальных переговоров, проходивших в закрытой обстановке, в которых принимали участие, как минимум, двое собеседников, общавшихся в форме диалога, причем, как правило, их точка зрения имела форму развернутого выступления. Кроме этого рассматривались неофициальные разговоры, проходившие в жанре «вопрос – ответ», а также аналитические записки, представляющие собой детальный анализ определенных ситуаций, подготовленный для руководства государства. Независимо от количества участников переговоров, во всех случаях коммуникативная ситуация предполагала рассмотрение какой-то проблемы и изложение своей позиции по рассматриваемым вопросам, а в ситуацию общения непосредственно либо опосредованно была вовлечена аудитория, что также учитывалось при проведении анализа.

Материалы, которые можно отнести к публичному типу дипломатического дискурса конца 60-х – начала 70-х годов, нами не анализировались, поскольку данный тип дипломатической коммуникации в ее современном виде оформился позднее, в период распада Советского Союза. Что касается рассматриваемого нами этапа, то характерной чертой дипломатии советской эпохи являлось выражение официальной точки зре-

ния государства и отсутствие личных оценок и мнений как в публичных выступлениях руководителей страны, так и в выступлениях дипломатов любого ранга.

Мы считаем, что выборочная совокупность проанализированного материала, выступившая в качестве модельного объекта исследования, является репрезентативной, так как она воспроизводит все качественные особенности объекта-оригинала, т.е. любого общения, которое по своим характеристикам может быть отнесено к дипломатическому дискурсу, типичному для отношений между СССР и США в эпоху «разрядки напряженности».

Исследование интенциональной структуры успешного дипломатического дискурса, т.е. такого типа дипломатического общения, в ходе которого была реализована его основная цель – защита интересов своей страны, показало, что эффективность дипломатической коммуникации определяется наличием целого комплекса интенциональных направленностей, характерных для каждого из ее участников. При этом каждая из выделяемых интенциональных направленностей представляет собой сложную структуру и включает в себя несколько интенций, относящихся к различным уровням совместной деятельности: предметно-деятельностному, процедурному либо эмоциональному, и ориентирована на реализацию одной из целей говорящего и, соответственно, на организацию деятельности на каждом конкретном уровне.

Во всех выявляемых интенциональных направленностях к предметно-деятельностному уровню относятся интенции, связанные с содержательным аспектом взаимодействия и отражающие стремление коммуникантов к уточнению своей позиции и позиции своих партнеров, внесение различных предложений, а также интенции, направленные на уточнение взаимопонимания.

Процедурный уровень взаимодействия представлен интенциями, целью которых является организация и общее планирование переговорного процесса, координация совместной деятельности, а также выражение главной целевой установки переговорщиков – установки на кооперативное общение. К данному уровню относятся такие интенции как, выдвижение определенных предложений, высказывание пожеланий, подтверждение понимания, т.е. предоставление «обратной связи».

Поддержанию позитивной атмосферы переговоров служат интенции третьего – эмоционального – уровня: выражение отношения друг к другу и оценка предпринятых партнерами действий. Эти интенции интересны тем, что, в полном соответствии с теоретическими подходами к общению, в подавляющем большинстве случаев превалирует оценка деятельности партнеров в конкретной ситуации, но не в целом.

При анализе успешного дипломатического дискурса с участием руководителей государств выявилось, что основной характеристикой интенциональной структуры дискурса данного типа является доминирование интенциональной направленности на своих партнеров. Комплементарной к интенциональной направленности на партнеров является интенциональная направленность на совместную деятельность. Появление данной интенциональной направленности носит закономерный характер, т.к. именно она, давая участникам общения возможность выделить те общие интересы, которые могут служить основой для совместной работы, оптимизирует ход общения.

Интенциональная направленность на обсуждаемую проблему дополняет интенциональную структуру успешного дипломатического дискурса с участием руководителей государств. Ведущими здесь становятся интенции предметно-деятельностного, т.е. содержательного уровня общения: глобальный анализ ситуации, разъяснение целей и задач своего государства, уточнение уже достигнутых соглашений.

Одной из отличительных особенностей интенционального профиля дискурса, в котором ведущую роль играют лидеры стран, является наличие значительного чис-

ла интенций, входящих в интенциональную направленность на свою страну, защиту ее интересов. Весьма высок в данном случае и удельный вес интенциональных направленностей на внешнее окружение, фокусировка партнеров на аспектах международной деятельности, объединяющей страны-переговорщики, на их совместной ответственности перед остальным миром.

Интенциональный рисунок успешной коммуникации профессиональных дипломатов качественно отличается от интенциональной структуры дискурса с участием лидеров государств. Главное отличие дискурса данного вида заключается в равной значимости двух интенциональных направленностей – направленности на партнера по коммуникации и направленности на действительность, которые в совокупности определяют деловую и практическую ориентированность коммуникативного взаимодействия.

Вторая характерная особенность такого взаимодействия – это почти полное отсутствие в эксплицитной форме интенций эмоционального уровня. Отношение партнеров друг к другу чаще выражается неофициально, в форме шуток, однако их содержание не допускает двоякого истолкования и совершенно явно свидетельствует об уважении не только к своему партнеру, но и к той стране, которую он представляет.

Еще одна специфическая черта успешного дискурса профессиональных дипломатов, которая явно выявляется в ходе анализа – это незначительный вес интенций, входящих в интенциональные направленности на свою страну, на внешнее окружение, совместную деятельность и ответственность перед миром. Очевидно, что эта особенность – одно из основных отличий общения профессионалов от общения политических лидеров, даже если речь идет об их участии в дипломатической коммуникации. Любой дипломат-профессионал, какую бы страну он ни представлял, прежде всего отстаивает интересы своего государства и нацелен на достижение реальных соглашений, а поэтому многие аспекты, на которых акцентируют внимание политики, не вербализуются в ходе профессиональной коммуникативной деятельности, хотя и являются ее основной целью.

Результаты теоретического моделирования, подтвержденные затем на экспериментальном материале, позволяют утверждать, что интенциональные направленности, отражаемые в поверхностной структуре высказываний участников общения, опосредованы содержанием прагматического уровня структуры языковой личности, ее системой мотивов, потребностей и целей, зависящей, в свою очередь, от содержания глубинного слоя образа мира.

Тот факт, что языковое сознание участников дипломатического общения в исследованный нами период оставалось целостным, а модели поведения отражали их культурную принадлежность, подтверждает, что этнические константы того лингвокультурного сообщества, с которым идентифицировала себя личность, были полностью присвоены ее сознанием. Именно они являлись теми «пристрастными смыслами» в ядре образа мира, которые детерминируют содержание всех уровней структуры языковой личности.

С другой стороны, исследование показало, что, несмотря на различия в этнических архетипах мироустройства, успешный дипломатический дискурс – это *мы-дискурс*, причем на уровне его интенциональной структуры интенциональные направленности и наборы соответствующих интенций у партнеров по коммуникации, вне зависимости от их культурной принадлежности, оказываются практически одинаковыми. Принимая во внимание различные архетипы мироустройства, под влиянием которых проходило формирование личностей участников, можно говорить о том, что в данном случае речь идет об интериоризированных сознанием социальных ценностях, на которые было ориентировано коммуникативное поведение участников переговоров.

Таким образом, полученные в работе данные позволяют утверждать, что ведущую

роль в достижении успеха в дипломатическом общении играет степень сформированности двух одинаково важных характеристик языковых личностей его участников:

а) полностью сформированного чувства этнической принадлежности, в значительной степени определяющего смысловое содержание лексических единиц, которые входят в состав когнитивного уровня структуры языковой личности;

б) развитого чувства гражданской самоидентификации, формируемого через различные социальные институты и обусловливающего содержание и иерархию смысложизненных ориентаций, т.е. одну из основных составляющих прагматического уровня в структуре языковой личности.

Обе характеристики относятся к личностным смыслам, а, следовательно, входят в ядро индивидуального образа мира и являются его базовыми отрефлексированными чертами, которые в значительной мере определяют течение дипломатического общения.

Литература

Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. – Т. 1. 1969 – 1972. – В 2-х книгах. – Книга 1 /1969 – 1971 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Государственный департамент США. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 752 с.

Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. – Т. 1. 1969 – май 1972. – Книга 2. Январь – май 1972.- Министерство иностранных дел Российской Федерации. Государственный департамент США. – М.: Международные отношения, 2007. – 624 с.

И.В. Зыкова

УДК 81.2

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ КАК КОНСТРУКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Цель настоящей статьи – рассмотрение роли метафорического концепта в процессе фразеологизации. В работе показано, что в основе фразеологической семантики лежит целый комплекс взаимообусловленных метафорических концептов, вместе составляющих единую сложнопроизводную метафорическую структуру. Особое внимание уделяется вопросу о том, какие факторы могут служить показателями культурной детерминированности этой структуры.

Ключевые слова: метафорический концепт, фразеологическая семантика, вербальная коммуникация.

Irina V. Zykova

METAPHORIC CONCEPT AS A BUILDING ELEMENT OF PHRASEOLOGICAL SEMANTICS

The present paper is aimed at considering the role of the metaphoric concept in phrase-formation processes. The results of the research show that the phraseological semantics is generated by a number of interconnected metaphoric concepts rather than one metaphoric concept. Taken together they constitute an integrated metaphoric network that underlies semantics of phraseologisms. Particular attention is paid to the factors that serve as indicators of cultural specifics of this network.

Key words: metaphoric concept, phraseological semantics, verbal communication.

Одно из центральных мест в исследованиях языковой семантики отводится сегодня теории концептуальной метафоры. Основоположниками теории концептуальной метафоры или теории метафорических концептов являются американский лингвист Дж. Лакофф и американский философ М. Джонсон [Lakoff, Jonson 2003]. Метафорический концепт определяется ими как одна из форм концептуализации, в которой один концепт, обычно абстрактный, представлен посредством другого концепта, обычно конкретного. Таким образом, метафорический концепт состоит из двух концептов – концепта-источника (the source domain) и концепта-цели (the target domain) между которыми устанавливаются отношения тождества, т.е. концепт-цель (concept A), репрезентируясь через концепт-источник (concept B), приравнивается ему (CONCEPT *A* IS CONCEPT *B*). Особое внимание Дж. Лакофф и М. Джонсон обращают на то, что метафорический концепт – это фундаментальная когнитивная операция, посредством которой человек познает мир, постоянно соотнося новый эмпирический опыт со старым. Существование метафорического концепта не ограничено языковыми рамками. Однако именно язык, по мнению ученых, позволяет обнаружить действие этого когнитивного процесса, выявить особенности его протекания. Например, анализ таких языковых выражений, как Your claims are *indefensible*. He attacked *every weak point* in my argument. His criticisms were *right on target*. I *demolished* his argument. I've never *won* an argument with him. свидетельствует о типичном для англоязычного сообщества восприятии такой коммуникативной ситуации, как спор. Спор воспринимается как война, отождествляется с войной. Иначе говоря, в основе данных языковых выражений лежит метафорический концепт СПОР – ЭТО ВОЙНА (ARGUMENT IS WAR) [Lakoff, Johnson 2003: 4].

Метафорический концепт – это особый механизм не только организации знания о мире, но и репрезентации этого знания в языковых формах различных уровней, т.е. в словах, фразеологизмах, тестах. Считаем, что в формировании фразеологизмов как особых образных средств естественного языка этот механизм задействован константно. Как указывает В.Н. Телия, основная нагрузка фразеологизмов в номинативном инвентаре языка состоит в пополнении ими недостающих в нем средств наименования свойств и качеств «непредметных» сущностей на основе их моделирования по типу существующего в наличном бытии мира, посредством обозначений физически воспринимаемой реальности. В процессе фразеологической номинации, согласно ученому, происходит объединение двух отображений действительности – реального и гипотетического, человеческое сознание оперирует двумя сущностями – той, которая сообщает о реальности, и той, свойства которой используются для иносказания об этой реальности [Телия 1981]. Таким образом, мы исходим из предположения о том, что *метафорический концепт это основной конструкт построения фразеологической семантики*.

Хотя уже накоплен определенный опыт концептологического изучения фразеологизмов и получены весьма значимые результаты, многие из разряда важных и актуальных вопросов до сих пор остаются до конца нерешенными или вообще не попадают в исследовательское поле фразеологии. К числу таких вопросов мы относим следующие: вопрос о сложности концептуального устройства фразеологической семантики, вопрос о многомерности концептуального основания фразеологического значения и иерархии, составляющих это основание концептуальных структур, вопрос о сочетаемости исходных и целевых концептов, участвующих в процессе фразеологической номинации, вопрос о взаимосвязанности и взаимной обусловленности различных концептуальных структур в

процессах порождения фразеологической семантики, вопрос об универсальности концептуальных «методик» построения фразеологического значения в различных языках и о наличии в них культурно обусловленного концептуального компонента.

Одним из путей решения указанных вопросов является изучение концептуального устройства фразеологизмов, обозначающих вербальную коммуникацию. Отметим, что в основе содержания указанных фразеологизмов лежит концепт ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, являющийся, как мы предполагаем, сложнопроизводным метафорическим концептом, или скорее – сложнопроизводной метафорической структурой.

Концепт КОММУНИКАЦИИ, или концепт КАНАЛА СВЯЗИ, как метафорический концепт – the CONDUIT metaphor – был впервые выделен и описан М. Редди в 1979 году. В своем исследовании М. Редди разрабатывает две модели метафоры КОММУНИКАЦИИ: большую и малую («“major framework” of the conduit metaphor» и «“minor framework” of the conduit metaphor»). Большая модель метафоры КОММУНИКАЦИИ, согласно М. Редди, состоит из четырех основных категорий («four categories»): 1) язык функционирует как канал, по которому перемещаются мысли от одного человека к другому, например: *You know very well that I **gave** you that idea*; 2) когда люди пишут и говорят, они вкладывают свои мысли и чувства в определенные слова, например, *You **burden** your words **with** rather terribly complex meanings*; 3) слова осуществляют перемещение этих мыслей и чувств, содержа их в себе и доставляя таким образом их другим, например: *Your writing must **transfer** these ideas to those who need them*; 4) когда люди слушают и читают, они извлекают эти мысли и чувства снова из слов, например: *John says that he cannot **find** your idea anywhere **in** the passage*. В большой модели метафоры КОММУНИКАЦИИ мысли и чувства представлены как всегда содержащиеся в чем-то: либо в головах людей, либо в словах, произнесенных людьми. В малой же модели метафоры КОММУНИКАЦИИ представление о словах как вместилищах исключается. Малая модель позволяет мыслям и чувствам свободно попадать, будучи ни чем не скованными или полностью освобожденными, в некое внешнее пространство между коммуникантами. В этом случае канал языка представляет собой «не закрытые каналы от человека к человеку, а индивидуальные ходы/пути, позволяющие ментальному содержанию попасть *в* и выйти *из* этого внешнего пространства». Малая модель метафоры КОММУНИКАЦИИ, по М. Редди, включает в себя три категории: 1) мысли и чувства выпускаются при говорении и письме во внешнее «мыслительное пространство» («“idea space”»), например: *Interesting ideas just seem to **pour out** of that man*; 2) мысли и чувства материализуются (овеществляются) в этом внешнем пространстве так, что существуют независимо от какой-либо потребности человека обдумывать или чувствовать их, например: *That concept has been **floating around** for centuries*; 3) эти материализованные (овеществленные) мысли и чувства могут попадать или не попадать обратно в головы людей, например: *It was a notion I didn't **catch** right away* [Reddy 1993: 169–171; 189–201].

Таким образом, на основе тщательно проведенного лингвистического анализа М. Редди устанавливает факт наличия в английском языке некоего предпочтительного образца метафорической концептуализации процесса коммуникации. Работа ученого имела широкий научный резонанс. Она положила начало не только концептуальным исследованиям феномена языка на материале различных языков, но и привлекла внимание исследователей к проблеме метафорической репрезентации в различных языках особенностей функционирования человеческого сознания, естественного интеллекта. По мнению М. Тернера, заслуга М. Редди заключается в том,

что он создал методологическую основу изучения специфики метафорической концептуализации действительности посредством языка [Turner 1996: 42].

Следует отметить, в настоящее время исследования метафорического концепта ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (или КАНАЛА СВЯЗИ) ведутся в двух основных направлениях. Одни исследования направлены на выявления концептуальных «примитивов» данного метафорического концепта, установление всех тех концептуальных структур, которые участвуют в формировании метафоры ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. В частности, М. Тернер в своей работе *The Literary Mind* указывает на то, что одна из главных метафор, на основе которой формируется метафорический концепт КАНАЛА СВЯЗИ, – это метафора ДЕЯТЕЛИ – ЭТО МАНИПУЛЯТОРЫ (ACTORS ARE MANIPULATORS). М. Тернер отмечает, что концепт ДЕЯТЕЛИ – ЭТО МАНИПУЛЯТОРЫ является фундаментальной общей метафорой. Манипулирование включает разные действия человека – хватание, толкание (отталкивание), бросание, притягивание, встряхивание и т.п. Будучи общей, данная концептуальная метафора служит основанием для возникновения многочисленных частных (или специфических) метафор, каковой является метафора КАНАЛА СВЯЗИ. Процесс коммуникации, по мнению ученого, понимается главным образом через целый ряд последовательных действий человека, а именно: говорящий – <u>помещает</u> физический объект (значение) во вместилище и <u>посылает</u> вместилище другому человеку – слушающему; слушающий – <u>получает</u> вместилище, <u>открывает</u> вместилище, <u>извлекает</u> объект из вместилища, и в результате <u>приобретает</u> этот объект, а приобретение отождествляется со знанием. Многочисленные языковые выражения, как указывает М. Тернер, являются веским доказательством того, что именно различные манипуляции человека с объектом лежат в основе представлений о разных аспектах процесса коммуникации [Turner 1996].

Другие исследования посвящены рассмотрению тех концептуальных областей, в которых метафора ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (или КАНАЛА СВЯЗИ) выступает в качестве порождающего концептуального начала (или основания). Так, М. Джонсон отмечает, что обыденные представления о действиях сознания и мысли исходят преимущественно из представлений о письменной и устной формах языка. Представление о том, что мысли – это языковые формы, записанные в сознании, лежит в основе таких выражений, как “Let me make a *mental note* of that”, “She is an *open book* to me – I can *read* her every thought”, The public *misread* the President’s intentions”, “Do you think I’m some kind of mind*reader*?”. Устная форма языка, как указывает М. Джонсон, также является богатейшим концептуальным источником (source domain) для метафорической репрезентации мышления как говорения. Об этом свидетельствуют такие выражения, как, например: “She doesn’t *listen to* her conscience”, “I *hear* what you mean”, “I can barely *hear* myself think”, “That *sounds* like a good idea”. Ученый также отмечает, что тщательное поэтапное обдумывание или размышление (careful step-by-step thinking) представляется как тщательное прописывание букв, например: “Our theory of embodied meaning is *spelled out* in Chapter 3”, “Do I have to *spell it out* for you?”, “He always *follows the letter* of the law”. М. Джонсон делает вывод о том, что метафорический концепт ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ является главным концептом-источником для такой целевой концептуальной области (target domain), как ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Это также подтверждается и такими выражениями, как: “Liberals and conservatives *don’t speak the same language*”, “He can’t *translate* his good ideas into practice”, “What is the *vocabulary* of basic philosophic ideas?”, “I wouldn’t *read too much* into what he’s saying” [Johnson 2008: 49–50].

Таким образом, изучая данный концепт, одни исследователи склонны относить его к правому полюсу метафорической репрезентации действительности в языке (т.е. к целевым концептам – target domains) ([см. Kovecses 2010: 25]), другие – к левому полюсу (т.е. к исходным концептам – source domains) (см. [Беляевская 2008: 89]). В настоящей работе ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ является целевой областью фразеономинации. В связи с этим основная наша задача – выявить устройство этого концепта, специфику его структурированности для того, чтобы раскрыть когнитивные механизмы построения семантики фразеологизмов, обозначающих различные аспекты вербальной коммуникации.

В ходе анализа английских и русских фразеологизмов, обозначающих вербальную коммуникацию, было обнаружено, что процесс фразеологизации основан не на одной, как считалось ранее, а на нескольких последовательных когнитивных операциях, в результате которых образуется некое множество различных, но связанных между собой концептуальных структур – главным образом метафорических концептов. Как показало наше исследование, рассматриваемый концепт состоит не из отдельных концептуальных составляющих (концептуальных метафор), как принято его рассматривать, таких, как СЛОВА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩА, МЫСЛИ – ЭТО ОБЪЕКТЫ, КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ПОСЛАНИЕ и прочее. ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ это сложнопроизводная метафорическая структура, создаваемая целым комплексом взаимосвязанных метафорических концептов, которая может быть представлена следующим образом:

КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО СОБЫТИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВО ВРЕМЕНИ → КОММУНИКАНТ (ГОВОРЯЩИЙ/ПИШУЩИЙ) – ЭТО ДЕЯТЕЛЬ → СЛОВА – ЭТО ОБЪЕКТЫ → СЛОВА – ЭТО ДВИЖУЩИЕСЯ ОБЪЕКТЫ → СЛОВА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩА (ЗАПОЛНЯЕМЫЕ) → СЛОВА – ЭТО ЦЕННЫЙ РЕСУРС → **концептуальная метонимия**: СОДЕРЖИМОЕ ВМЕСТО ВМЕСТИЛИЩА → СОДЕРЖИМОЕ – ЭТО ОБЪЕКТ → СОДЕРЖИМОЕ – ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ → СОДЕРЖИМОЕ – ЭТО ЦЕННЫЙ РЕСУРС → КОММУНИКАНТ (СЛУШАЮЩИЙ/ЧИТАЮЩИЙ) – ЭТО ДЕЯТЕЛЬ-РЕЦИПИЕНТ.

Следует особо подчеркнуть, что главной особенностью данного построения является тот факт, что оно осуществляется на базе не одного вида когнитивной операции – метафоризации, многократно реализуемой, а также на основании и такой когнитивной операции, как метонимизация. Мы считаем, что метонимические концепты выступают в роли концептуальных посредников в формировании концептуальных метафор. Причем в этой своей посреднической функции они могут служить порождающим началом как для однократных (разовых) метафорических концептов, так и для целой серии взаимосвязанных концептуальных метафор, о чем непосредственно и свидетельствует само устройство ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.

В результате исследования было установлено, что в процессе формирования семантики английских и русских фразеологизмов, обозначающих вербальную коммуникацию, происходит сначала актуализации одного или нескольких звеньев сложнопроизводной метафорической структуры ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, а затем их конкретизация за счет других метафорических структур. Конкретизация отдельных звеньев ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ может быть эксплицитной или имплицитной (латентной). Например, в английском фразеологизме *talk in circles* (‘*разг.* рассуждать нелогично, запутаться в рассуждениях, прийти к тому, с чего начали’ [БАРФС]) происходит актуализация звена СЛОВА – ЭТО ДВИЖУЩИЕСЯ ОБЪЕКТЫ, а затем его эксплицитная конкретизация до концептуальной метафоры СЛОВА – ЭТО ТРАНСПОРТ. Параллельно актуализируется также и звено

СОДЕРЖИМОЕ – ЭТО ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ и конкретизируется до концептуальной метафоры СОДЕРЖИМОЕ – ЭТО ТРАНСПОРТ. Одновременно по инференции оформляется идея путешествия и в других звеньях, а именно в таких звеньях, как КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО СОБЫТИЕ и ГОВОРЯЩИЙ – ЭТО ДЕЯТЕЛЬ, которые имплицитно конкретизируются до концептуальных структур КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и ГОВОРЯЩИЙ – ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК.

В качестве другого примера можно привести русский фразеологизм *не лезть за ответом (ответами) в карман* (‘находчив в разговоре, в споре’ [ФСРЛЯ]). В ходе формирования его семантики происходит актуализация и конкретизация четырех звеньев ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ, причем в двух последних конкретизация осуществляется за счет отрицания: 1) СЛОВА – ЭТО ЦЕННЫЙ РЕСУРС → СЛОВА – ЭТО СПРЯТАННЫЕ ДЕНЬГИ (или ДОРОГИЕ ВЕЩИ); 2) СОДЕРЖИМОЕ (мысли) – ЭТО ЦЕННЫЙ РЕСУРС → СОДЕРЖИМОЕ – ЭТО СПРЯТАННЫЕ ДЕНЬГИ (или ДОРОГАЯ ВЕЩЬ); 3) КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО СОБЫТИЕ → КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО <u>НЕ</u> КРИМИНАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ; 4) КОММУНИКАНТ – ЭТО ДЕЯТЕЛЬ → КОММУНИКАНТ – ЭТО НЕ ПРЕСТУПНИК → КОММУНИКАНТ – ЭТО НЕ КАРМАННЫЙ ВОР.

Важным результатом исследования, является установленный нами факт того, что как в английском, так и в русском языке сложнопроизводная метафорическая структура ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ в процессе фразеологизации конкретизируется за счет одних и тех же метафорических структур разной степени абстракции. Это такие концептуальные метафоры, как ПУТЕШЕСТВИЕ, ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫСЕЛ, РЕМЕСЛО, ИГРА, МЕДИЦИНА, ГОСУДАРСТВО. Ср., например, английские и русские фразеологизмы, в которых конкретизация ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ осуществляется посредством концептуальной метафоры РЕМЕСЛО: *a lie out of the whole cloth* – ‘наглая, вопиющая ложь’ [БАРФС]; *strike a bargain* – ‘прийти к соглашению, договориться’ [БАРФС]; *плести вздор* – ‘говорить глупости’ [ФСРЛЯ]; *не в строку* (от *не каждое лыко в строку*) – ‘некстати, невпопад (говорить, отвечать)’ [ФСРЛЯ]. Однако, согласно полученным в исследовании данным, эти концептуальные метафоры могут обладать разной степенью релевантности в процессах формирования семантики фразеологизмов, описывающих различные аспекты вербальной коммуникации в английском и русском языках.

Так, анализ английских и русских фразеологизмов со словами-компонентами «Виды речи» показывает, что наиболее востребованной в процессе фразеологизации в английском языке является концептуальная метафора ТОРГОВЛИ. Она участвует в построении фразеологической семантики более 30 английских фразеологизмов, обозначающих различные аспекты вербальной коммуникации, что составляет свыше 13 % от общего количества фразеологических единиц. Это такие английские фразеологизмы, как, например, *bargain is a bargain, the million-dollar question, pay a compliment to smb, better lose a jest that a friend, be economical with the truth, good advice is beyond price, swap lies, self-praise is no recommendation, be lavish in one’s praises, promise is debt, return the compliment*. В англоязычной культуре, согласно исследованию, в формировании представлений о коммуникации важное место занимают представления о разных аспектах торговли как коммерческой деятельности (иначе business), таких как выгода продажи/покупки товара, его стоимость, обмен товарами, взаиморасчет, реклама товаров, займы и кредитование и многие другие. В русском же языке наиболее востребованной в процессах фразеологизации является концептуальная метафора ПУТЕШЕСТВИЕ. Она участвует в построении фразеологической семантики более 15 русских фразеологизмов, описывающих раз-

личные стороны вербальной коммуникации, что составляет свыше 24 % от общего количества фразеологических единиц. Это такие русские фразеологизмы, как, например, *без околичностей, короткий разговор, без дальних разговоров, нести (понести) вздор, шалтай-болтай, шутки в сторону, обходить молчанием*. Как показало исследование, в русскоязычной культуре в формировании представлений о вербальной коммуникации особую роль играют представления о разных аспектах путешествия, такие как расстояние в пути, преграды, возникающие на дороге, средства передвижения, маршруты, вещи, которые берутся в дорогу, цели путешествия, средства и способы ориентации на местности и многие другие.

Таким образом, при изучении специфики формирования семантики английских и русских фразеологизмов, обозначающих различные аспекты вербальной коммуникации, мы приходим к важному заключению о том, что фразеологическая семантика продуцируется (или порождается) главным образом таким концептуальным образованием, как метафорический концепт. При этом в построении семантики фразеологизмов участвует не один метафорический концепт, а целый комплекс взаимообусловленных метафорических концептов, источником которых могут быть метонимические концепты. Следовательно, результаты исследования подтверждают выдвинутое предположение о том, что метафорический концепт представляет собой основной конструкт процесса фразеологизации. Укажем также, что, согласно полученным данным, представления о вербальной коммуникации в англоязычной и русскоязычной культуре формируются посредством одних и тех же исходных концептуальных структур (source domains). Это такие концептуальные структуры, как ПУТЕШЕСТВИЕ, ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫСЕЛ, РЕМЕСЛО, ИГРА, МЕДИЦИНА, ГОСУДАРСТВО. Однако эти концептуальные метафоры в зависимости от культуры обладают разной фразеономинативной ценностью. Разная фразеономинативная ценность концептуальных метафор может служить одним из значимых показателей культурной детерминированности целостной сложнопроизводной метафорической структуры, лежащей в основе семантики фразеологизмов разных языков.

Литература

Беляевская Е.Г. Метафорические концепты как «инструмент» семантических исследований // Актуальные проблемы современной английской лексикологии. – Вестник МГЛУ. – Вып. 552. – М: МГЛУ, 2008. – С. 83–92.

Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

Johnson M. Philosophy's debt to metaphor // Metaphor and Thought. – NY: Cambridge University Press, 2008. – 39–52.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – US: The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.

Kovecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – NY: Oxford University Press, 2010. – 375 p.

Reddy M. The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language // Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 164–201.

Turner M. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 187 p.

Аббревиатура

БАРФС – Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – М.: Астрель, 2008. – 879 с.

И.К. Кардович

УДК 81

О КОГНИТИВНОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА

В работе обосновывается перспективность анализа композиционно-смыслового устройства текста научной прозы с точки зрения его участия в представлении знаний.

Ключевые слова: когнитивный подход, композиционно-смысловая организация научного текста, связность текста, логико-семантические отношения в тексте, ключевая фраза, комментирующие предложения.

Irina K. Kardovich

ABOUT COGNITIVE TEXT ANALYSIS

The work states the prospects of compositional-semantic text analysis in the context of its role in knowledge representation.

Key words: cognitive approach, compositional and semantic organization of a scientific text, text coherence, logical and semantic text relations, key phrase and commenting sentences.

В последние десятилетия в лингвистике произошли качественные изменения в подходах к изучению языка, который перестал быть объектом исследовании как таковым, а предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Вся познавательная деятельность человека (когниция) протекает при непосредственном участии языка, который образует речемыслительную основу любой человеческой деятельности. Фактически язык выступает основным средством получения, хранения, переработки и передачи знания. Изучением языка с точки зрения его участия в познании и осмыслении мира, в структуризации знаний в процессе коммуникации занимается когнитивная лингвистика, по определению В.А. Масловой являющаяся «лингвистикой будущего» [Маслова 2008: 4].

Поскольку когнитивная лингвистика – сравнительно новое, молодое лингвистическое направление и в нем много дискуссионных моментов, как в теории, так и в исследовательской практике, очевидна необходимость всестороннего практического лингво-когнитивного описания языка. Максимально полное исследование семантики языковых единиц разного уровня языковой иерархии (слов, словосочетаний, предложений, текстов) позволит получить доступ к мыслительным процессам, так как именно в языковых формах находит выражение информация, получаемая в ходе познавательной деятельности человека.

Лингвисты, работающие в русле когнитивного подхода, обращаются к языку не только как к средству объективации знаний, их также интересует язык в функциях интерпретации знаний и их структурирования, поскольку именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам [Маслова 2008]. В рамках поставленных задач неоднократно проводился анализ лексических единиц с целью изучения принципов и механизмов называния (языковой номинации) имеющихся у человека идей и представлений [Рахилина 1999 и др.].

В то же время в российских работах когнитивного направления неоднократно указывалось на текст как на возможный объект концептуального и когнитивного анализа. «Нет и не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления» [Кубрякова 2001: 77].

В настоящей статье мы опишем смысловую и композиционную организацию научного текста на английском языке. Наш интерес к композиционно-смысловому устройству текста обусловлен, прежде всего, тем, что текст, передавая определенную информацию, всегда ориентирован на адресата. Создавая текст, используя в каждом конкретном коммуникативном речевом произведении определенный набор языковых средств и структур, автор рассчитывает на то, что адресат извлечет из данного текста информацию, то есть сформирует его определенную ментальную репрезентацию. «Текст как правильно организованная форма коммуникации, как сообщение, уже содержит в себе самом некие единицы, средства, сигналы и т.п., достаточные и необходимые для построения на его основе правильной и осмысленной модели [Кубрякова 2001: 80]. Анализируя смысловые внутритекстовые отношения, описывая способы организации текста, и соединяя это с целями и задачами текста, можно попытаться связать семантические и когнитивные процессы, через язык проникнуть в сознание. Безусловно, проведенное нами и описанное ниже исследование является лишь начальным этапом изучения текста с позиции его участия в представлении знаний. Более глубокое проникновение в научный текст как средство передачи и извлечения информации предполагает его анализ с точки зрения профессионального контента, и в конечном итоге описание концептосферы научного знания, то есть совокупности мыслительных единиц (концептов), из которых складывается научные знания носителей языка. Поставленные вопросы выходят за рамки проведенного анализа текста и являются задачей дальнейших исследований.

Как известно, среди доминирующих лингвистических теорий конца XX века заметное место заняла лингвистика текста, в рамках которой проводятся исследования текста в самых разных аспектах и отношениях [Демьянков 1995]. Тем не менее, как отмечает Е.С. Кубрякова, удивительно, что данная дисциплина не имеет общепринятого определения главного своего объекта – текста, и почти каждое исследование в данной области начинается с размышлений о том, что же такое текст и какие признаки или свойства характеризуют то, что обозначается данным термином [Кубрякова 2001]. Как правило, все авторы, занимающиеся текстовой проблематикой, приводят определение текста, данное И.Р. Гальпериным в 1981 году. Согласно этому определению, «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. Принимая данное определение за основу, исследователи продолжают размышлять над этой категорией, причисляя ее к числу «естественных». Как пишет Е.С. Кубрякова, «текст относится к наиболее очевидным реальностям языка, а способы его интуитивного выделения не менее укоренены в сознании современного человека, чем способы отграничения и выделения слова» [Кубрякова 2001: 72].

Лингвисты, работающие в рамках когнитивного подхода, признают, что все естественные категории, построены по прототипическому принципу, при этом под прототипом категории понимается яркий представитель своей категории (образец, эталон), который наиболее полно фокусирует в себе ее признаки, концентрирует наибольшее число общих для категории черт и очевиднее всего характеризует то, как представлена (репрезентирована) сама категория в сознании человека, с какой структурой знания и опыта она ассоциируется [Кубрякова 2001]. Е.С. Кубрякова предлагает считать прототипическими тексты ограниченные по своей протяженности, тексты малого объема, к которым автор относит письма и небольшие инструкции к артефактам, статьи в энциклопедиях, публицистические статьи в газетах и журналах, тексты-интервью, рецепты и т. п. Поскольку отнесенность к категории текста отдельных предложений и даже мини-текстов, например, надписей, является дискуссионной, нам представляется разумным выбор малых текстов, в частности текстов статей, в качестве удобного материала для исследования данной языковой единицы как структуры объективации знаний. Выбор научной прозы обусловлен ее особой логичностью, доказательностью и объективностью, что делает проводимый анализ более точным.

Изучение структур репрезентации знаний, отраженных в тексте, невозможно без обращения к главному категориальному признаку текста – его связности. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «текст – это особая материальную протяженность, последовательность связанных между собой предложений и сверхфразовых единиц, образующих семантическое, а точнее – семиотическое пространство» [Кубрякова 2001]. Наиболее часто связность делят на формальную и семантическую. Под формальной связностью понимают всевозможные лексико-грамматические средства связи между самостоятельными предложениями текста. Семантическая связность в самом общем определении является внутренней, смысловой зависимостью предложений. По мнению большинства авторов, семантическая связь доминирует над формальной: отсутствие формальных показателей связи может лишь немного затруднить восприятие текста, не влияя кардинально на его понимание, тогда как отсутствие семантической связности приводит к непониманию текста даже при наличии формальных сигналов [Новиков 1983 и др.]. В зависимости от целей исследований одни лингвисты за-

нимаются преимущественно средствами связи, другие уделяют основное внимание ее семантике. В большей степени изучена формальная связность, поскольку языковые сигналы в силу их очевидности и доступности в первую очередь попадали в поле зрения языковедов.

Ряд лингвистов справедливо считает, что самостоятельные предложения в тексте связаны двумя видами семантических отношений: с одной стороны они объединены содержательными (изотопическими, предметно-содержательными) семантическими отношениями, поддерживающими единство темы изложения, с другой стороны находятся в определенных логико-семантических отношениях между собой [Новицкая 1973 и др.]. Как пишет И.М. Новицкая, в связном тексте действуют две его основные внутренние закономерности: а) единство объектов, обусловленное единством темы изложения и б) различные логико-семантические отношения между суждениями относительно объектов изложения [Новицкая 1973: 28].

Приняв деление связности на предметно-содержательную и логико-семантическую вслед за названными авторами, мы проанализировали ее в направлении от семантики к средствам на материале 2500 СФЕ[1] научно-технических текстов.

Сначала была произведена полная инвентаризация логико-семантических отношений и средств, соединяющих самостоятельные предложения в СФЕ научно-технических текстов, затем исследовалось функционирование этих отношений в единицах текста – СФЕ, и их участие в создании композиционной структуры СФЕ; на последнем этапе, на ограниченном материале рассматривалась композиционная организация текстов научных статей по экономической тематике. Последние виды анализа не проводились ни в научной, ни в художественной прозе.

Нам известны лишь несколько работ, в которых, так или иначе, рассматриваются логико-семантические отношения в структуре СФЕ. Для изучения вопроса мы знакомились с работами, анализ семантических отношений в которых проводится как в СФЕ, так и в абзаце. Его границы могут совпадать с границами СФЕ, причем в научной прозе это совмещение является регулярным.

Так, О.И. Москальская анализирует систему логико-семантических отношений СФЕ следующим образом: в результате процедуры канонизации, т.е. приведения всех составляющих текста к единообразной форме элементарных пропозиций, устанавливаются типы логико-семантических отношений в парах предложений, и затем, по принципу количественного преобладания отношения того или иного типа определяется доминирующее логико-семантическое отношение в СФЕ. Как показал наш анализ, подобный количественный критерий не всегда позволяет правильно определить наиболее общее логико-семантическое отношение в СФЕ. Отметим при этом важное наблюдение О.Л. Москальской о том, что в СФЕ помимо одномерной связи по горизонтали, то есть между каждым последующим и предшествующим предложением, возможна многомерная связь, развивающаяся как по горизонтали, так и по вертикали, а именно зависимость двух дистантно расположенных предложений, а также связь между одним предложением и целой группой последующих или предшествующих ему предложений [Москальская 1981: 73]. Мы руководствовались этим положением при анализе логико-семантической связности в СФЕ.

Описание участия логико-семантических отношений в организации СФЕ основывается на их делении на две

[1] Вслед за О.И. Москальской, мы рассматриваем СФЕ как микро-текст, наделенный основными закономерностями семантико-коммуникативной организации текста [Москальская 1981].

композиционные части: ключевую фразу, несущую основную мысль, и семантически подчиненную ей комментирующую часть, развивающую эту мысль. В научно-технической прозе в силу ее особой логичности и строгой оформленности эти композиционные части четко различаются в большинстве СФЕ.

В зависимости от расположения ключевой фразы и комментирующей части СФЕ делятся на четыре структурно-композиционных типа: дедуктивные, индуктивные, стержневые и рамочные. В СФЕ дедуктивного типа ключевая фраза располагается на верхней границе и предшествует более частным по содержанию комментирующим предложениям. В СФЕ индуктивного типа ключевая фраза завершает ряд частных положений комментирующей части. СФЕ стержневого и рамочного типов представляют собой комбинацию дедуктивных и индуктивных структур: в стержневых СФЕ выделяется одна ключевая фраза (в центре) и две комментирующие части, одна из которых начинает, а другая заканчивает изложение, то есть в этих СФЕ дедуктивная структура сменяет индуктивную. В рамочных СФЕ за ключевой фразой на верхней границе располагается комментирующая часть, которая завершается второй ключевой фразой. Здесь индуктивная структура следует за дедуктивной. Наиболее частотными являются СФЕ дедуктивного типа.

Соединение композиционных частей СФЕ – ключевой фразы и комментирующей части – в научно-техническом тексте осуществляют следующие логико-семантические отношения: дополнительность и подтверждение, входящие в аддитивные отношения; иллюстрация и толкование, образующие пояснительные отношения; перечислительные отношения; причинно-следственные отношения и все три разновидности резюмирующих отношений – итог, вывод и обобщение. Из логико-семантических отношений, различаемых в научно-техническом тексте, в связывании ключевой фразы и комментирующей части не участвуют противительные отношения, то есть противительно-ограничительные, противительно-сопоставительные и противительно-уступительные, а также отношение сходства, включенное в нашей классификации в аддитивные отношения.

В зависимости от композиции СФЕ логико-семантические отношения распадаются на две группы. Семантическую связь композиционных частей в дедуктивных структурах (СФЕ дедуктивного типа, а также дедуктивные структуры в стержневых и рамочных СФЕ) обеспечивают отношения дополнительности, подтверждения, пояснительные, перечислительные и причинно-следственные (самое частотное из них – дополнительность). В индуктивных структурах (СФЕ индуктивного типа, а также индуктивные структуры в стержневых и рамочных СФЕ) семантическая связь ключевой фразы и комментирующей части реализуется резюмирующими отношениями (из них чаще других встречается обобщение).

Логико-семантическая связь комментирующих предложений и ключевой фразы осуществляется тремя способами: возможна прямая семантическая связь, когда комментирующие предложения прямо связаны с ключевой фразой, опосредованная связь, то есть через другое (другие) предложения, она всегда комбинированная, так как встречается только в сочетании с прямой и совокупной связью, которая устанавливается между ключевой фразой и всем совокупным содержанием комментирующей части. Между логико-семантическими отношениями и способами связи существует определенная зависимость: при отношениях подтверждения, иллюстрации и толкования между композиционными частями ОФЕ встречаются все три способа связи: отношение дополнительности, перечислительные и причинно-следственные отношения сочетаются с прямой и комбинированной связью; резюмирующие отношения осуществляются с помощью совокупной связи.

Логико-семантическая связь композиционных частей может быть эксплицитной,

то есть оформленной специальными средствами связи и имплицитной, при которой такие средства отсутствуют. Отношения иллюстрации, перечислительные, причинно-следственные, резюмирующие передаются как эксплицитно, так и имплицитно. Дополнительность, подтверждение и толкование встречаются только в имплицитной форме выражения. При эксплицитной связи средствами выражения отношений служат союзы и их функциональные аналоги. На имплицитную связь указывают дополнительные лексические и грамматические показатели, из которых более активны лексические: повторы и замены, а также некоторые слова и словосочетания, обычно встречающиеся в предложениях, соединенных тем или иным логико-семантическим отношением.

На заключительном этапе анализа мы рассмотрели композиционную оформленность текста экономических статей. Наш предварительный анализ ограниченного количества текстов статей экономического содержания показал, что в них определяется ключевое СФЕ (одно или несколько), по отношению к которому все остальное содержание можно рассматривать как комментирующую часть, находящуюся в разных логико-семантических отношениях с ключевым СФЕ. В зависимости от расположения ключевого СФЕ тексты имеют разную композиционную оформленность.

В заключении покажем, как смысловая и композиционная организация СФЕ осуществляется с помощью логико-семантических отношений между ключевой фразой и комментирующей частью и между отдельными комментирующими предложениями.

Manufactures in the first category capitalize on their technological know-how in the commercial world by transferring it to militarized computers. For example, IBM's System 4 Pi is compatible with the company's System 360 commercial computers, and uses many of the same components. Likewise, RCA originally developed its current Series 200 machines to be compatible with its commercial Spectra 70 line…

В этом СФЕ ключевая фраза – предложение (I), комментирующая часть – предложения (2), (3). Комментирующие предложения иллюстрируют содержание ключевой фразы. Отношение иллюстрации, соединяющее ключевую фразу и комментирующую часть, формально выражено эквивалентом союзного наречия for example. Комментирующие предложения связаны между собой отношением сходства. Их смысловая однородность и соподчинённость первому, ключевому предложению подчеркиваются союзным наречием likewise.

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М: Наука, 1981 – 13 с.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М: Институт языкознания РАН, 1995 – С. 239–320.

Кардович И.К. Предметно-содержательная и логико-семантическая связность в научно-техническом тексте // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. – М., 2008. – С. 167–175.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М: Флинта. Наука, 2008. – 293 с.

Москальская О.И. Грамматика текста. – М: Высшая школа, 1981. – 183 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М: Наука, 1983. – 213 с.

Новицкая И.М. К синтаксису связного текста (на материале немецкого языка): Дис. … канд. филол. наук. – Л., 1973. – 203 с.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике // Автореф. дис. …докт. филол. наук.– М., 1999. – 27 с.

А.В. Кирилина

УДК 81=112.2, 81'27

КОНТАКТ ЯЗЫКОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

В статье характеризуются демографические изменения в составе населения Германии, связанные с миграцией, и обсуждается их воздействие на развитие немецкого языка. Рассмотрены наиболее масштабные языковые контакты, а также некоторые новые черты глобализационной философии языка и осмысления немецкого языка как достояния не только немцев, но и мигрантов.

Ключевые слова: социолингвистика, язык и глобализация, германские языки, языковые контакты.

Alla V. Kirilina

LANGUAGE CONTACTS IN THE GERMAN LANGUAGE SPACE

The article highlights demographic changes in Germany and the impact of migration on the development of modern German. It analyses the most salient language contacts as well as some new features of globalization-centered language philosophy and conceptualization of German as the heritage of the Germans as well as the migrants.

Key words: sociolinguistics, language and globalization, Germanic languages, language contacts.

---

[1] *Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров».*

Миграционный фактор – одно из центральных явлений современной жизни Германии, о чем свидетельствуют данные германского статистического портала http://www.statistik-portal.de.

Массовое привлечение иностранных рабочих началось в 50-е гг. XX века и было несколько ограничено в начале 70-х г. ужесточением иммиграционного законодательства. За это время в Германию переселилось несколько миллионов рабочих из других стран, главным образом – из Турции. Но и далее рост числа переселенцев из других стан продолжился. До объединения Германии пиковым был 1982 г., в котором число иностранцев составило 4,7 млн чел., что соответствует 7,6% населения страны. После объединения данные 1992 г. продемонстрировали новый рост – 6,5 млн зарегистрированных иностранцев (8% населения) [Barbour, Stevenson 1998: 213].

Сегодня эта тенденция также выражена весьма ярко, хотя в 2005 г. вновь подверглось коррекции иммиграционное законодательство.

В ноябре 2011 г. статистический портал Германии содержал следующие данные (перевод названий рубрик наш – А.К.):

Gebiet und Bevölkerung – Ausländische Bevölkerung / Место и население – Иностранцы

Bundesland / Название федеральной земли	**31.12.2009**		
	Bevölkerung / Население	**Ausländische Bevölkerung / Иностранное население**	
	Insgesamt / Всего		**Anteil in % / Доля в %**
Baden-Württemberg	10.744.921	1.263.975	11,8
Bayern	12.510.331	1.164.027	9,3
Berlin	3.442.675	473.209	13,7
Brandenburg	2.511.525	64.904	2,6
Bremen	661.716	83.271	12,6
Hamburg	1.774.224	239.371	13,5
Hessen	6.061.951	672.623	11,1
Mecklenburg-Vorpommern	1.651.216	38.337	2,3
Niedersachsen	7.928.815	522.676	6,6
Nordrhein-Westfalen	17.872.763	1.868.770	10,5
Rheinland-Pfalz	4.012.675	306.453	7,6
Saarland	1.022.585	84.833	8,3
Sachsen	4.168.732	114.076	2,7
Sachsen-Anhalt	2.356.219	42.169	1,8
Schleswig-Holstein	2.832.027	144.602	5,1
Thüringen	2.249.882	47.623	2,1
Deutschland	**81.802.257**	**7.130.919**	**8,7**

http://www.statistik-portal.de/Statistik-Portal/de_jb01_jahrtab2.asp 20 ноя 2011

Как явствует из таблицы, на 31.12. 2009 г. Германия насчитывала 81 802 257 жителей, в том числе 7 130 919 иностранцев, что составило 8,7% населения страны.

По данным портала на незавершенный 2011 г. (по май включительно), на конец мая 2011 население Германии составило 81 729 000 человек.

В 2010 г. и первых пяти месяцах 2011 г. ежемесячное количество умерших постоянно превышало количество родившихся:

2011 г.

(тыс.чел.)	январь	февраль	март	апрель	май
Родилось	38 856	49 096	56 155	46 534	55 781
умерло	66 588	69 304	78 939	66 839	73 567
разница	- 27 732	- 20 208	-22784	-20305	- 17786

Аналогичная картина складывается и из данных за 2010 г.:

За 2010 г. в страну въехало 670 606 иностранцев; выехало – 529 606, осталось – **127 635 чел**.

С января по май 2011 въехало 306 238 иностранцев.

В среднем прирост составляет 10 тыс. человек в месяц.

Данные статистики позволяют заключить, что иностранная миграция – важный фактор восполнения естественной убыли населения.

Как отмечает Л.Б. Карачурина [2007, эл. ресурс], «основная масса мигрантов, переселяющихся в Германию на постоянное место жительство, предпочитает оседать в городах (желательно западных земель)».

Удельный вес иностранного населения в крупных городах значительно выше, чем в целом по стране: Франкфурт-на-Майне – 28%, Штутгарт – 24%, Мюнхен – 23%, Кёльн – 19%, Гамбург – 15%, Берлин – 13% В отдельных городских районах доля мигрантов в 2007 г. достигала 60% [Там же]. Еще более драматичную картину рисует Тило Сарацин в 2010 г. [Sarrazin 2010], однако книга этого автора воспринята в Германии как ненаучная, а автор подвергся политическим гонениям.

Можно согласиться с Л.Б. Карачуриной, которая со ссылкой на труды исследовательской группы фрайбургского университета (руководитель Д. Нойтац) отмечает: локализация этнических групп «в некоторых случаях приводит к возникновению т.н. «параллельных обществ» со своими системами норм и ценностей» [Карачурина 2007]. Такое же мнение ранее высказали С. Барбур и П. Стевенсон [Barbour, Stevenson 1998].

Со второй половины XX века в немецком языковом пространстве появились новые явления, связанные с массовой миграцией. С 50-х гг. XX века начался приток мигрантов из Турции, несколько позднее – с конца 80-х – начала 90-х гг. – этнических немцев и евреев из СССР – с 1990 года в Германию переселилось на постоянное жительство примерно 200 тысяч евреев из бывшего СССР и Восточной Европы [Diez 2005; Попков 2009]. Для выходцев из СССР/России родным языком был русский [Попков 2009]. По данным П. Поляна, «из лиц, приехавших в Германию по линии еврейской эмиграции, собственно евреями по национальности являются 59%, 25% – это русские и еще 12% украинцы» [Полян 2007, эл. ресурс]. Мигрировали также русские и лица других национальностей, представленных в бывшем СССР. Помимо этих – наиболее представительных – миграционных потоков, в Германию въехали ранее и продолжают въезжать представители других стран – бывшей Югославии, Италии, Вьетнама и др.

Вследствие значительного количества турецких мигрантов и переселенцев из СССР/России явственные языковые контакты происходят по линии турецкий – немецкий и русский – немецкий.

Многие мигранты живут компактно, придерживаются своего вероисповедания (главным образом – мусульманские общины) и слабо интегрируются. Особенно это касается турецкого населения,

хотя в последние годы ситуация несколько изменилась.

Специфика аккультурации и труда (а также высокая доля иноконфессиональных иммигрантов и иммигрантов, живущих на социальное пособие и, следовательно, слабо вовлеченных в трудовой процесс), с одной стороны, и глобализационное распространение английского языка – с другой, привели к своеобразным формам двуязычия[2].

С одной стороны, можно говорить о полном двуязычии немцев, относящихся к академической среде или политиков, которые получили хорошее образование и свободно владеют двумя языками,[3] – эти социальные группы под влиянием ширящегося распространения английского растут, поскольку система образования также способствует раннему усвоению английского языка (однако некритическое отношение к английскому языку, а также его высокий престиж ведут, по мнению ряда исследователей и большого числа граждан Германии, к засилью англицизмов и языковому смешению, ярким примером чего можно назвать Denglish (подробне см., например, сайт www.vds-ev.de). Сегодня в Германии существует и зона двуязычия *немецкий – английский*, связанная с экспансией английского языка и глобализацией.

С другой стороны, массовый въезд иностранных рабочих, лиц со статусом беженца и под. и в значительной мере самостоятельное и «усеченное» усвоение ими немецкого языка, а также неполная интеграция таких мигрантов и поколения их детей привели к пиджинизации другого рода – образованию т.н. немецкого языка гастарбайтеров, обнаруживавшего типичные черты пиджина – упрощение грамматики, черты смешения вследствие интерференции и в целом «фрагментарное» владение языком на уровне умения как-нибудь выразить основные жизненные потребности и базовые социальные связи.

Немецкий язык гастарбайтеров (Gastrarbeiterdeutsch) впервые упомянут в труде М. Клайна [Clyne 1968] и исследуется с конца 70-х гг. по нескольким направлениям:

- специфика кода (по сравнению с нормированным немецким);
- специфика усвоения (интерес к социолингвистическим факторам, ведущим к образованию пиджинизированного варианта языка);
- исследование интерактивных коммуникативных процессов между иностранными рабочими и немцами [Hinnenkamp 1990].

Исследование этого языкового варианта принесло важные данные о развитии языковых контактов.

Языковой контакт крайне редко остается без последствий. Он влечет за собой четыре явления:

- переключение кода;
- лексические заимствования;
- неполное усвоение второго языка;
- интерференцию [Afshar 1998].

Неравномерное расселение иностранных работников по территории Германии обусловило также появление в их речи черт некоторых территориальных диалектов.

К. Зорниг [Sornig 1988: 63] отмечает следующие проявления утраты языка:

1. Утрата «старательного» ведения диалога.
2. Утрата способности порождать тексты.
3. Утрата разнообразия текстов (отказ от некоторых типов текста).
4. Утрата коннотативного семантико-лексического навыка говорения.

К последнему пункту относятся и правила лексической и синтаксической со-

[2] При обсуждении вопроса мы пользуемся следующим определением: «Двуязычие и многоязычие, как следует из буквального прочтения значения терминов, – это наличие и функционирование в пределах одного общества (обычно – государства) двух или нескольких языков» [Беликов, Крысин 2001: 56].

[3] Однако, даже в этих кругах владение английским не столь идеально – см. [Ammon 1990, 2004].

четаемости, распад которых отмечают и другие лингвисты [см., например, Никипорец – Такигава 2009].

Поскольку термины *Gastarbeiterdeutsch* и позднее *Gastarbeiterlinguisti*k воспринимались многими как недостаточно политкорректные, в дальнейшем эта область языкознания получила название *Migrationslinguisti*k – лингвистика миграции. Сегодня это одна из составляющих деятельности Института немецкого языка в Мангейме [см. http://www.ids-mannheim.de/prag/migration.html]. В частности, исследуется немецкий переселенцев из России.

Примечателен факт, что несмотря на различие стран происхождения немецкий гастарбайтеров обнаруживает значительное единообразие [Barbour, Stevenson 1998: 216].

Отмечается также, что носители немецкого языка в разговоре с иностранцами нередко используют специальную упрощенную речь, напоминающую речь гастарбайтеров, – так называемый *Foreigner Talk*, что также способствует ограниченному усвоению языка мигрантами. Примеры такой речи:

Komm, photo machen (= röntgen)
Ich heute vie kaput
Gestern du immer schnaps trinke, ja?
Vater Kapitalist? [4]

В языке гастарбайтеров различают (по аналогии с разграничением Бернстайна) рестриктивное (ограниченное) и элаборативное (разработанное) упрощение. При рестриктивном происходит радикальная редукция практически всех грамматических категорий – времени, лица и числа для глаголов; падежа, рода, числа для имен существительных и т.д. Разработанное же упрощение состоит в расширении редуцированных категорий без усложнения языковых правил – например, через расширение словаря и усвоение новых глаголов при застывшей фиксации на слабом типе спряжения.

В последние десятилетия, однако, когда выросло новое поколение детей мигрантов, получающее по меньшей мере школьное образование на немецком языке и когда вновь прибывшие (молодые) переселенцы – немцы получали институционально закрепленную возможность изучать язык, смешение языков стало выполнять иную функцию – выражение групповой идентичности. Смешанный язык выбирается сознательно – как особый сленг – для конструирования своей групповой идентичности, в которую входит и этничность.

В научной литературе существуют и более радикальные точки зрения на языковые контакты, вызванное ими смешение языков и его социальные причины. Так, Б. Хюпауф считает: «Языки сегодня находятся в процессе мутации и реконструкции. Возникающая немецко-турецкая литература может быть прочитана как убедительный пример этого текучего трудноопределяемого отношения между глобализацией как ментальной и эмоциональной моделью и глобализацией как жизненным опытом» [Hüppauf 2004: 18]. В подобной интерпретации глобализация – не только тенденция политической и социальной реальности настоящего времени, она также и ментальная модель [Augustyn 2004].

Дискуссии о глобализации, в которых речь идет лишь об американизации и гомогенизации, не соответствуют действительной сложности и многогранности культурного развития и различных культурных пресечений, происходящих на местах. Такие дискуссии могут даже затушевать имеющуюся культурную и языковую гетерогенность. Чтобы в полной мере понять ситуацию немецкого языка, надо рассматривать глобализацию как процесс транснационального взаимодействия. Так, миграция как транснациональный феномен

[4] Примеры из [Barbour, Stevenson 1998: 222].

создала условия для возникновения новых форм немецкого языка. Можно говорить о локализации глобального.

Эту идею в той или иной мере разделяют многие исследователи, рассматривая как яркий пример новой глобализационной транснациональности книги немецко-турецкого автора Феридуна Заимоглу (Feridun Zaimoglu 1995) и особенно его текст «*Kanak Sprak*[5]».

На взгляд Я. Ылдыз [Yildiz 2004], книга Ф. Займоглу *«Kanak Sprak»: 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft*" демонстрирует, как изначально транснациональная эстетика создает новое представление о немецком языке. Книга содержит резкую социальную и культурную критику германского общества; она состоит из серии монологов, произносимых молодыми людьми турецкого происхождения, живущими в Германии и занимающими маргинальные, а часто и асоциальные позиции – сборщик мусор, наркоторговец, исламский фундаменталист или транссексуал. Наиболее яркая черта монологов – их язык – язык насилия, обсценности, «грязных» метафор и сленга. Язык выраженно устный и намеренно неидиоматичный. Язык книги не является пиджином гастарбайтеров, турецким или немецким языком – это, на взгляд Я. Илдыз, результат литературного творчества.

Я. Ылдыз интерпретирует возникающую лингвистическую вариативность, этот новый гибридный язык как знак растущего чувства различия и объясняет новый язык миграцией и восприятием мигранта. Книга не документирует социолект, а скорее создает искусственный язык, который в этой форме существует как литературное изобретение.

Изобретение же нового языка – это момент создания новой реальности в период миграционных потоков и дестабилизированных идентичностей. Транснациональная идентичность не испытывает страха утраты языка и свободна в лингвокреативном эксперименте.

При всей нелитературности и провокационности языка *«Kanak Sprak»* личность, выражающая себя в этом агрессивном языке, «сконструирована в новом идиоме, способном "приютить" нестабильные идентичности до достижения равенства» [Hüppauf 2004: 18]. Писатели национальных меньшинств обратились к немецкому языку и пишут на нем, выражая критику эксклюзивной природы нации как «воображаемого сообщества» (известное определение Бенедикта Андерсона). Творчество таких писателей не просто относится к маргинальным слоям – они создают новые образы – в том числе и язык. *Kanak Sprak* – важная часть такого нового образа [Yildiz 2004 : 326].

В *«Kanak Sprak»* часто используются диалектальные составляющие, например, северогерманские слова и выражения. Это свидетельствует: локальная аффилиация не редка для меньшинств по всей планете и, как предполагает Я. Ылдыз, составляет альтернативу национальной принадлежности.

Стратегия писателя не подчиняется клише *Gastarbeiterdeutsch* или турецкого сленга. Оба эти варианта ассоциируются с упрощенной и неправильной грамматикой и с импортом иностранных слов. *«Kanak Sprak»* скорее относится не к одному из двух национальных языков, доступных немецкой турецкой молодежи, – стандартному немецкому или турецкому, – а маркирует появление иного способа выражения. Автор пользуется словами и выражениями, которых нет ни в одном из двух языков.

С другой стороны, в *«Kanak Sprak»* явствено прослеживаются следы американского рэпа, что представляет собой признак глобального. Вновь изобретенный язык включает и вкрапления арго и идиша – свидетельство культурной памяти о более раннем маргинальном существовании в Германии и вне ее [Yildiz 2004].

Именно такая литература демонстрирует влияние миграции на немецкий язык, одновременно поднимая вопрос о сущ-

[5] В переводе это название может звучать как «Язык чурок».

ности европейских языков как таковых в эпоху миграции.

Не только английский язык влияет на развитие ведущих европейских языков. Наряду с английским необходимо учитывать влияние других языков и культур. Я. Ылдыз справедливо отмечает, что «сосредоточенность на глобализации и английском имплицитно предполагает, что сам немецкий остается неизменным, а это не так» [Yildiz 2004: 322].

В данном случае мы сталкиваемся со сложной и неоднозначно интерпретируемой проблемой, которая выходит за рамки обсуждения вопроса о языке и вторгается в тонкую и опасную область национального чувства. Так, Я. Ылдыз считает: в Германии доминирует мнение, что немецкий язык – собственность только лишь этнических немцев, а другие могут лишь пользоваться, но не владеть им. Автор видит парадокс в том, что ламентации о порче языка вызваны нежеланием признать, что – он не только достояние этнических немцев и что на деле много других говорящих на немецком языке. Один из вопросов о будущем немецкого формулируется так: возможно ли переосмыслить считающуюся сегодня органической взаимосвязь между этническими немцами и немецким языком. Таким образом мы подходим к культурному представлению языка.

Укреплению и демаргинализации транснационального варианта языка способствовали деятели культуры. Как отмечает Клаус Хюбнер, «особенно это относится к юмористам Эркану & Штефану, которые стали известны на всей территории ФРГ благодаря своим телевизионным выступлениям, к дуэту Драган и Алдер, в некоторой степени к юмористу Кайя Янару, к кинорежиссёрам Фатиху Акину, Кутлугу Атаману, Юксел Ярузу или Йилмаз Арслану, а также окружению писателя Феридуна Займоглу. Название его прозаического произведения *«Kanak Sprak»* (1995), написанного от лица вымышленных персонажей и не гнушающегося ни скабрезностей, ни насилия, вскоре стало популярным понятием с всё чаще положительной коннотацией» [Хюбнер эл. ресурс http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/ser/spr/del/ru1398809.htm 2006]. Сегодня это факт кино, эстрады, литературы, чему способствуют и новые произведения на *«Kanak Sprak»* – экранизация фильма “Kanak Attack”, литературное творчество молодых авторов – Имрана Аята, Яде Кара и др., в том числе немецких писателей (Freidank 2001 a,b,c).

Аналогичным образом развивается и используется пиджинизированный немецкий русских переселенцев немецкого происхождения, называемый «квеля», «легитимизированный» книгой Владимира Каминера “Russendisko”[Kaminer 2000]. Специфическая черта этого языкового контакта – синтез латиницы и кириллицы. Однако сегодня такое смешение графических систем можно наблюдать и в России (причина здесь иная – проникновение английского языка в функциональное пространство русского).

Русский немецкий имеет обычную специфику пиджинов: словоизменение и словообразование происходит по правилам русской грамматики с использованием немецкого корня; калькируются устойчивые сочетания, особенно – отражающие специфические для Германии реалии:

Митовать (*mieten (die Wohnung)*) – снимать, арендовать квартиру.

Поставить антраг (*Antrag stellen*) — подать заявление.

Это наш *зюска* Павлик (надпись на фотографии ребенка в «Одноклассниках»)

Языки меньшинств также меняются, взаимодействуя с немецким.

Петер Ауэр и И. Дирим исследовали использование турецкого нетурецкой молодежью – переселенцами из Казахстана [Auer, Dirim 2003], установив, что эти подростки вплетают турецкие фразы в немецкую речь.

П. Ауэр и И. Дирим продемонстрировали на примере Гамбурга, что турецкий язык сегодня укоренен в крупных городах Германии и стал – пусть и фрагментарно –

составной частью повседневной коммуникации не только для лиц турецкого происхождения [Auer, Dirim 2004]. Подобные идеи – об усеченном (truncated) владении языком – высказывает и Ж. Бломмерт [Blommaert 2010].

Аналогичные материалы представлены в исследовании Л.Е. Корниловой [2010] и Л.А. Жилинской [2009], рассмотревших соответственно восточноазиатские ксенонимы и арабизмы в немецком языке. Установлено 545 арабизмов, интенсивность их использования выше в последние годы, нежели в 80-е гг. XX в.; они вошли в молодежный сленг: *Li-lak* – ты мне – я тебе, *wallah* – клянусь, *thaqifa* – умный, сообразительный, *Fatime* – девушка [Жилинская 2009: 20].

Такими образом, глобализационная философия языка настаивает на относительности, конструируемости понятий «нация» и «язык»: «Нации, регионы и места, связанные с идентичностью и этничностью, всегда были конструктами, образными сущностями. По определению, они результат культурного воображения и конструирования. С этой точки зрения глобализация – концепт нарождающегося мирового сообщества» [Hüppauf 2004: 12]. Вместе с тем очевидно, что решение этой проблемы уводит и в плоскость политики и в сферу идеологической борьбы.

Литература

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М., 2001. – 439 с.

Жилинская Л.А. Национально-культурные и языковые особенности арабизмов в современном немецком языке. – М., 2009. – 215 с.

Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России? // http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit08.php 2007 №303-304,1–14 окт.

Корнилова Л.Е. Восточноазиатские ксенонимы в немецком языке – М., 2010. – 296 с.

Полян П. В Германии началась депопуляция еврейских общин (На полях свежих статистических данных) http://demoscope.ru/weekly/2007/0303/analit06.php, 2007 №303-304 1–14 окт.

Попков В.Д. Транснациональное русскоязычное пространство в Германии: основные особенности // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сб. статей Под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: Эйдос, 2009 – С. 99–111.

Afshar K. Zweisprachigkeit oder Zweitsprachigkeit. Zur Entwicklung einer Sprache in der deutsch-persischen Familienkommuikation. Münster/New York/München/Berlin: Waxmann, 1998.

Auer Peter, Dirim Inci. Socio-cultural orientation, urban youth styles and the spontaneous acquisition of Turkish by non-Turkish adolescence in Germany // Androutsopoulos Jannis and Georgakopoulou Alexandra (eds.). Discourse Construction of Youth Identities. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 223 – 246.

Auer Peter, Dirim Inci. ”Türkisch sprechen nicht nur Türken”. Über die Unschärfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland, Walter de Gruyter GmbH, 2004 – 245 p.

Augustyn Prisca. The Seductive Aesthetics of Globalization: Semiotic Implications of Anglicisms in German // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – P. 307 – 318.

Barbour Stephen, Stevenson Patrick. Variation im Deutschen. Soziolinguistische Perspektiven. Übersetzt aus dem Englischen von Konstanze Gebel. Walter de Grueyter. Berlin. New York, 1998 . – 354 p.

Blommaert Jan A. The Sociolinguistics of Globalization. – Cambridge University Press, NY, 2010. – 230 p.

Clyne Michael G. “Zum Pidgin-Deutsch der Gastarbeiter” //Zeitschrift für Mundartforschung, 1968, 35. P. 130 – 139.

Diez Barbara. Gemeinsames Erbe - plurale Tendenzen. Aussieder und Juden aus der ehemaigen Sowjetunion in deuytschand. Ein Vergleich. // Russische Juden und Transnationale Diaspora. (Hg.) von Julius Schoepes, Karl Grözinger, Wili jasper und gert Mattemklot. Philo. Berlin, 2005. – P. 259 – 278.

Freidank Michael. Grund- und Aufbauwortschatz Kanakisch (i.e., Kanakisch: Basic and Developed Vocabulary), 61 p., Eichborn Verlag, 2001a.

Freidank Michael. Kanakisch – Deutsch. Dem krassesten Sprakbuch uebernhaupt (i.e., Kanakisch – German. The crassest speakbook of all), 63 pages, Eichborn Verlag, 2001b.

Freidank Michael. Wem is dem geilste Tuss in Land? Märchen auf Kanakisch un so (i.e., Who’s the Hottest Babe Of All? Fairy Tales in Kanakisch and stuff), 92 p., Eichborn Verlag, 2001 c.

Hinnenkamp Volker. “Gastarbeiterlinguistik” und die Ethnisierung der Gasrarbeiter //E. Dittrich uns F.-O. Radtke (rsg.). Ethnizität: Wissenschaft und Minderheiten. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. – P. 277 – 297.

Hüppauf Bernd. Globalization - Threats and Opportunities // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – P. 3– 25.

Yildiz Yasemin. Critically "Kanak": A Reimagination of German Culture German // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – P. 319 – 340.

Kaminer V. Russendisko. Manhattan, München 2000, ISBN 3-442-54519-6. Taschenbuchausgabe: Manhattan, München, 2002.

Sarrazin Thilo. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

Schmiz Ulrich (Hrsg.) Sprache in modernen Medien. Einführung in Tatsachen und Theotiren, Themen und Thesen. Erich Schmidt Verlag. Berlin, 2004. – 217 p.

Sornig K. Sprachverlust, Muttersprachlicher Zusatzunterricht und Reintegrationsprobleme bei Gastarbeiterkindern // Grazer linguistische Studien, 1988, Heft 29. – P. 59 – 78.

Л.А. Комлева

УДК 81

СИСТЕМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «СПОРТИВНЫЙ ФАНАТ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В данной статье анализируются словарные дефиниции лексемы *«фанат»* в представительных русских и английских толковых словарях для выявления системного потенциала концепта *«фанат»*, являющегося значимым концептом языковой картины мира в двух лингвокультурах. Делаются выводы о сходстве и различиях рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: системный потенциал, словарная дефиниция, концепт *«фанат»*.

Lyudmila A. Komleva

SYSTEM POTENTIAL OF CONCEPT “SPORTS FAN” IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES

The given article analyses definitions of the lexeme *"fan"* in a number of authorized Russian and English dictionaries to find out the system potential of the concept *"fan"*, which is one of the important concepts of the linguistic world view in Russian and English cultures. The conclusions about the given concept analogy and differences are made.

Key words: system potential, word definition, concept *"fan"*.

Как известно, важнейшей единицей исследования языковой картины мира принято считать концепт, представляющий собой сложное ментальное образование и обладающий национально-культурной спецификой. Концепт актуализируется в языке и имеет понятийный, образный и ценностный элементы (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов).

В научной литературе, касающейся рассмотрения лингвокультурных типажей, типаж *фанат* был предметом изучения [Карасик 2005]. Автор исследовал данный типаж, показал различие между фанатом и фанатиком и выделил признаки «интерес», «поклонение», «энтузиазм» и «одержимость» в социальной роли фаната.

Целью настоящей статьи является рассмотрение концепта *спортивный фанат* как одного из важнейших концептов спортивного дискурса, формирующих языковую картину мира спорта, и выявление его понятийных характеристик на основе анализа словарных дефиниций. При этом мы попытались выделить интересующий нас концепт из более общего понятия *фанат*.

В качестве основополагающей теоретической базы рассмотрения концептов мы избрали предложенную Г.Г. Слышкиным трехмерную модель, функционирующую на уровнях как системный потенциал, субъектный потенциал и текстовые реализации [Слышкин 2004: 48–49]. В данной статье мы остановимся на выявлении системного потенциала концепта *спортивный фанат,* т.е. рассмотрим «совокупность средств апелляции к концепту, предлагаемых носителю культурой, как накопленное культурой лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии» [Слышкин 2004: 48].

Таким образом, для того чтобы наиболее адекватно отразить понятийную составляющую анализируемого концепта, мы обратились к словарным дефинициям, представленным в русскоязычных и англоязычных толковых словарях. Как отмечает Ю.С. Степанов, «ядро» концепта, центральный элемент его структуры раскрывается при помощи дефиниций в толковых словарях [Степанов 2001: 54].

Отметим, что в большей части авторитетных и известных русскоязычных словарях лексема *фанат* не фиксируется, так как она проникла в русский язык относительно недавно и заимствована из английского языка.

Анализ и сопоставление данных, имеющихся в словарях, фиксирующих лексему *фанат*, позволяет сделать вывод относительно того факта, что ее значение в русском языке развилось из значения лексемы *фанатик*, которое начало терять связь с религиозным фанатизмом и стало распространяться на преданность другим видам деятельности. Приведем словарную дефиницию лексемы ***фанатик*** *[< лат. fanaticus исступленный < fanum храм] – 1) человек, отличающийся исступленной религиозностью, крайней нетерпимостью, изувер; 2) человек, страстно преданный какому-л. делу, необычайно приверженный какой-л. идее* [Словарь иностранных слов 1982]. Отметим, что в более ранних толковых словарях значение *фанатик* имеет узкую связь только с религиозной верой.

В толковом словаре ruLib.info online в толковании значения слова *фанат* прослеживается отнесенность к таким видам деятельности, как музыка, спорт:

Фанат *– Страстный поклонник чего-л. (музыки, спортивной команды, певца и т.п.); фанатик (2*).*

При этом значение трактуется через синоним с уточняющим определением.

Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов 1999] и толковые словари русского языка [Толковый словарь 2008; Ефремова] дают идентичные дефиниции ***фанат*** с пометой (разг.):

Фанат *- Фанатически, до исступления преданный поклонник кого-, чего-н.*

Фанаты футбольной команды. Фанаты рок-звезды, я ж. фанатка, -и. || прил. фанатами, -ая, -ое.

В приведенной дефиниции имеется в наличии указание на связь фанатов со спортом, в частности, с футболом.

В толковом словаре иноязычных слов [Крысин 1998] наряду с дефиницией лексемы ***фанатик***, приводится дефиниция лексемы ***фанат*** с пометой, относящей данную лексему к разговорному языку:

Фанатик, *[польск. fanatyk <Fanatiker < лат. Fânâticus исступленный <fânum храм.] 1.Человек, до исступления преданный своей религии, вере. 2. перен. Человек, страстно преданный какой-нибудь идее, делу.* ***Фанат*** *(разг.) – то же, что ф. (чаще применительно к спортивным болельщикам).*

В данной дефиниции представлена этимология анализируемой словарной единицы, восходящей к латинскому языку, и проникшей, по мнению авторов словаря в современный русский язык через польский язык.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех приведенных дефинициях ***фанат*** обязательно имеет отношение к спорту вообще, и спортивной команде, в частности, что позволяет выделить концепт *спортивный фанат*, как отдельное понятие.

В большом толковом словаре русского языка под редакцией Кузнецова С.А. [**Большой толковый словарь 2009**] дефиниция лексемы ***фанат*** также дается с пометой *разговорный*:

Фанат, -а; *м. Разг.* Одержимый человек, фанатик. *Ф. своего дела. Ф. водного туризма.* // Поклонник какой-л. спортивной команды, какого-л. эстрадного артиста. *Спортивные фанаты. Фанаты «Зенита».* < Фанатка, -и; *мн. род.* -ток, *дат.* -ткам; *ж.* Фанатский, -ая, -ое. *Ф-ие выкрики.*

Кроме того, в данной дефиниции отчетливо прослеживается выделение именно понятия *спортивный фанат*, и имеется ссылка на футбольных фанатов.

Авторы словаря иностранных слов [Словарь иностранных слов 1999] относят появление лексемы ***фанат*** в современном русском языке в значении 1. *Одержимый болельщик какого-л. певца, певицы, спортсмена, команды или спортивного общества* к середине XX века. Второе значение – *Человек, страстно преданный своему делу, необычайно приверженный кому-л. или чему-л., фанатик* по данным этого словаря появилось позже, а именно, в конце XX века. В рассматриваемом словаре также приводится этимология лексемы ***фанат***, от *фанатик <польск. fanatyk – фанатик, одержимый, нем. Fanatiker, Fanatikus – тж < лат. fanaticus – одержимый божеством, неистовствующий→ исступленный, безумный, неистовый, от fanum – святыня, святилище, освященное место*.

Словарные дефиниции, которые трактуют концепт *«фанат»* через понятия синонимичного ряда, обязательно содержат уточняющие признаки, например, *одержимый болельщик, страстный поклонник, фанатически, до исступления преданный поклонник.*

Синонимы, имеющиеся в рассмотренных дефинициях, указывают на вербализацию концепта ***спортивный фанат*,** которая в русском языке реализуется в лексемах *болельщик, знаток, поклонник, фан, энтузиаст, любитель*.

По мнению И.М. Юрковского [Юрковский 1988: 95] слово ***болельщик*** первоначально имело форму ***болейщик*** и является дериватом от глагола ***болеть*** в значении *«беспокоиться, заботиться о ком,(-чем) - нибудь».* В упомянутом исследовании отмечается, что данный термин не является спортивным в строгом смысле, хотя и фиксируется некоторыми спортивными словарями [Словарь терминов по физической культуре и спорту 1975]. И.М. Юрковский полагает, что рассматриваемая лексема появилась в спортивной сфере в конце 20-х – начале 30-х годов и считалась просторечным. *«Болельщик. Нов. В просторечии. Шутливое прозвание страстного наблю-*

дателя спортивных состязаний, «болеющего душой» за участников» [Словарь современного русского литературного языка 1948–1965].

Дефиниция лексемы *болельщик* представлена в словаре ruLib.info online следующим образом:

болельщик *а) Любитель спортивных зрелищ. Тот, кто проявляет участие, заинтересованность в каком-либо деле, заботится, беспокоится о нем…*

болельщица *Женский род к существительному: болельщик…*

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов 1999] ***болельщик*** относится к разговорному языку и означает *любителя наблюдать спортивные состязания, а также вообще человека, болеющего за кого-что-н.* При этом в качестве примера приводится словосочетание *футбольные болельщики*, тем самым, подчеркивается прямое указание на спортивную сферу.

Сопоставление представленных дефиниций позволяет сделать вывод о том, что толковые словари русского языка трактуют значение лексемы болельщик, обязательно соотнося ее со спортом.

Лексема ***знаток*** фиксируется в словарях Д.Н. Ушакова и Т.Ф. Ефремовой (См. [)http://slovorus.ru/]. Согласно словарю Д.Н.Ушакова:

Знаток*, -а, м. Человек, обладающий большими сведениями в чем-н., тонким пониманием чего-н., изощренным вкусом в чем-н. Знаток искусства. Знаток в поэзии. Знаток в винах. С ученым видом знатока хранить молчанье в важном споре. Пушкин.*

По словарю Т.Ф.Ефремовой:

знаток *[знаток] м. Тот, кто обладает большими познаниями в какой-л. области.*

Хотя в данном определении отсутствует прямое указание на спортивную область, тем не менее, можно предположить, что человек вполне может обладать глубокими знаниями в спорте вообще и в отдельных его видах, в частности.

Как отмечалось ранее, в некоторых словарных дефинициях толкование фаната давалось через лексему *поклонник.* Поэтому, рассмотрим данную вербальную реализацию исследуемого концепта. В словаре Т.Ф. Ефремовой имеется следующая дефиниция*:*

поклонник *м. 1) Тот, кто поклоняется кому-л., чему-л. как божеству, высшей силе, святыне. 2) Восторженный почитатель кого-л., чего-л.; страстный любитель чего-л. 3) разг. Тот, кто ухаживает за женщиной, девушкой; влюбленный.*

Первое и второе значения связаны с понятием *спортивный фанат,* так как поклонение спорту, спортивной команде или спортсмену вписывается в них.

Расширение вербальной реализации концепта *спортивный фанат* происходит за счет наименований фанатов разных стран, ссылки на которых начинают появляться в словарях. Например, итальянских болельщиков называют ***тифози.*** Название происходит от итальянского слова tifoso, что означает ***больной тифом.*** В словаре иностранных слов [Комлев 2006] данная лексема фиксируется как разговорная, относящаяся к спортивной лексике со *значением фанатичный спортивный болельщик, особенно футбольный (гл. обр. в отношении итальянцев). Ср.фанат, фэн.*

Таким образом, приведенные дефиниции дают возможность выделить системный потенциал концепта *спортивный фанат* в современном русском языке. На основе дефиниционного анализа выявляются апелляции к:

1) человеку;

2) страстному поклоннику спорта, спортивной команды, спортсмена:

3) фанатически, до исступления преданному поклоннику;

4) питающему продолжительное (преувеличенное) влечение к определенному виду спорта;

5) имеющему обширные познания в сфере своих увлечений и привязанностей.

Перейдем к анализу концепта «спортивный фанат» по дефинициям, представленным в англоязычных словарях. В отли-

чие от описания данной лексемы в русском языке в современном английском языке она встречается почти во всех словарях и ее значение связано непосредственно со спортом, хотя и не исключается связь с другими видами деятельности. Более того, лексема *fan* принадлежит к основному фонду языка, а не к разговорному жанру, как на то указывают данные словарей русского языка.

Происхождение слова *fan* в английском языке связывают с разными источниками. По одной версии *fan* восходит к *fancy*, английскому термину 19 века, который относился в основном к любителям бокса. Данный термин сократился до *fance*, а затем превратилось в омонимичное *fans*. Слово появилось как американизм примерно в 1889 году. Такую этимологию восстанавливает Пол Диксон в словаре *Dickson Baseball Dictionary,* цитируя работу Уильяма Генри Наджента (William Henry Nugent), в которой приводится данная версия. Согласно другой версии, источник возникновения связан с сокращением слова *fanatic*, которое первоначально стало популярным применительно к болельщикам-энтузиастам бейсбольных команд. Сам термин *fanatic* появился в английском языке приблизительно в 1525 году в значении *«insane person».* Он был заимствован из латинского *fanaticus*, означавшего *«insanely but divinely inspired»,* и первоначально относился к храму или священному месту (Latin *fanum*, poetic English *fane*) (См. [Англоязычный вариант Википедии]).

Рассмотрим дефиниции лексемы *fan,* представленные в толковых словарях в современном английском языке.

В словаре Коллинза [Collins 2003] даются следующие определения:

fan

1. an ardent ***admirer*** *of a pop star, film actor, football team, etc.*

2. a ***devotee*** *of a sport, hobby, etc*

В данном определении имеются ссылки на семы *«горячий, пылкий поклонник»* и *«преданный поклонник».* В обоих значениях присутствует ссылка на спорт, помимо других предметов поклонения.

В дефиниция ***fan*** *– an enthusiastic devotee of sports*

rooter, sports fan

aficionado – a fan of bull fighting

enthusiast, partizan, partisan - an ardent and enthusiastic

supporter of some person or activity

railbird – a fan of racing who watches races from the outer rail of the track,

представленной в словаре [The American Heritage 2009], имеется указание на отдельное понятие *sports fan*, а также приводится ряд синонимов рассматриваемой лексемы.

В других словарях даются следующие дефиниции:

fan (person) *Someone who admires and supports a person, sport, sports team, etc.: More than 15,000 Liverpool fans attended Saturday's game ◊ He's a big fan of country music ◊ I'm pleased to meet you – I'm a great fan of your work* [Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2005];

fan *1a person who admires sb/sth or enjoys watching or listening to sb/sth very much: movie fans ◊ crowds of football fans ◊ a big fan of Pavarotti ◊* ***fan mail*** *(= letters from fans to the person they admire)* [Oxford Advanced Learner's Dictionary 7th Edition];

fan *enthusiastic admirer or supporter of sth/sb, football, jazz, cinema fan* [Oxford Advanced Learner's Dictionary 1989];

fan *1 Someone who likes watching or listening to something such as a sport, films or music very much or who admires a famous or important person very much +* ***of***

I am a big fan of Madonna

+ ***a football / rugby / tennis etc fan*** *a crowd of noisy football fans +* ***a pop / film fan*** *Film fans will know his name* [Macmillan English Dictionary 2002].

Анализ и сопоставление приведенных дефиниций свидетельствует о наличии в семантике лексемы ***fan*** следующих сем:

1) человек;

2) который восхищается или наслаждается, наблюдая за чем-то или слушая что-то;

3) преданный объекту или предмету обожания;

4) страстный поклонник чего-то.

Во всех дефинициях присутствует указание на отношение к объекту и предмету обожания, среди которых обязательно присутствует спорт, что дает основание также выделять концепт «спортивный фанат» в английском языке.

При этом в некоторых дефинициях присутствуют указания на отдельные виды спорта, такие как футбол, регби, теннис.

Дефиниционный анализ, проведенный по данным английских словарей, позволяет выявить тенденцию, которая прослеживалась в словарях русского языка. В тех случаях, когда в словарной дефиниции присутствует указание на лексему, входящую в синонимический ряд ***fan***, она обязательно сопровождается уточняющим определением, например, *enthusiastic admirer or supporter, an ardent admirer.*

Характеристики сочетаемости, которые даются в словаре [Oxford Collocations dictionary 2005], дают возможность более полно представить системный потенциал изучаемого концепта:

Fan *1 enjoys watching/listening to sb/ sth very much*

• *ADJ* ***adoring, ardent, avid, big, dedicated, devoted, great, keen, loyal, number one, real*** *I am a big fan of Italian food ◊ one of the team's biggest fans ◊ The singer says her dad is her number one fan.* | ***lifelong/armchair*** *For armchair fans back home, it was one of the highlights of the Sydney Olympics /* ***obsessive*** *The actress is asking the court to protect her from an obsessive fan who is making her life a misery. /* ***cricket, football, rugby, soccer, sport, etc. / jazz, music, pop, etc. / film, movie/home*** *The goal was greeted by jubilation from the home fans/* ***away, traveling, visiting/opposing/ opposition, rival*** *There were clashes between rival fans after the match.*

Вербализация концепта «fan» в английском языке представлена в следующих лексемах: aficionado, supporter, fanatic, fancy, smark (smart mark), devotee, enthusiast, stalker, follower, admirer «krank» (or crank). Тезаурус словаря Коллинза [Collins 2003] представляет ряд слов, входящих в лексическое поле концепта "fan", в которое входят: *adherent, admirer, aficionado, buff (Inf.), devotee, enthusiast, fiend (Inf.), follower, freak (Sl.), lover, rooter (U.S.), supporter, zealot.*

В словаре Oxford Learner's Wordfinder Dictionary [Oxford Learner's 1997] приводятся различия между *spectator,* с одной стороны, и *supporter, fan,* с другой:

- a person who watches sport: ***spectator;***

a person who watches and supports team sports, for example football: ***supporter, fan.***

Из рассмотрения данных дефиниций следует, что ***fan,*** в отличие от ***spectator*** должен не только наблюдать за спортивными состязаниями, но и поддерживать свою команду, причем, анализируемый концепт распространяется только на командные виды спорта.

Сопоставление понятийной составляющей концепта *спортивный фанат* в русском и английском языках дает возможность сделать вывод об их идентичности. Таким образом, рассматриваемый концепт является универсальным знаковым концептом языковой картины мира спорта и воплощает в себе фундаментальные ценности общества, зафиксированные в понятии «любовь к спорту»: влечение и обожествление спортсменов, видов спорта и спорта в целом.

Спортивный фанат – важный компонент спорта, без которого спорт трудно представить, он сопровождает свою команду по стране и даже миру, чтобы присутствовать на игре любимой команды; в поведении которого иногда присутствуют насилие и хулиганство. Однако в словарях не фиксируется нетерпимость к поклонникам других спортивных команд и агрессивное поведение спортивных фа-

натов, отстаивающих свою точку зрения, видящих и думающих лишь о своем кумире, обожествляя его. Такое положение дел подтверждает вывод Г.Г. Слышкина о том, что уровень системного потенциала всегда является вторичным и запаздывающим по отношению к уровню субъектного потенциала [Слышкин 2004: 49].

Литература

Англоязычный вариант Википедии

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: – СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции, 2009 года. – 1536 с.

Карасик А.В. Фанат как типаж современной массовой культуры // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи: Сб. науч.тр./Под ред. Карасика В.И. – Волгоград: Парадигма 2005. – С. 269–282.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо-Пресс 2006. – 672 с. www.inslov.ru/index-komlev/komlev_f.html

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25000 слов и словосочетаний – М.: Русский язык, 1998. – 856 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд. дополненное, – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Словарь иностранных слов. Авторы: Н.С. Арапова, Р.С. Кимягарова, Л.М. Баш, А.В. Боброва, Г.Л.Вечеслова, Е.М. Сендровиц, Н.Н. Андеева. – М.: Цитадель, 1999.

Словарь иностранных слов. – 9-е изд. испр. – М.: Русский язык, 1982. – 608 с.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.–Л., 1948–1965.

Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой // http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

Степанов Ю.С. Концепт //Степанов Ю.С. Константы: Словари русской культуры: Изд. 2-е, испр. И доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. Отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

Юрковский И.М. Активные процессы в русской спортивной лексике. – Кишинев: «Штиинца», 1988. – 119 с.

Cambridge Advanced Learner's Dictionary Second edition Cambridge University Press 2005.

Collins English Dictionary – Complete and Unabridged © HarperCollins Publishers 1991, 1994, 1998, 2000, 2003.

Macmillan English Dictionary for advanced learner International Student Edit. 2002.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English Fourth Edition A.S.Hornby Oxford University Press 1989.

Oxford Advanced Learner's Dictionary 7th Edition.

Oxford Collocations dictionary for students of English Oxford University Press 2005.

Oxford Learner's Wordfinder Dictionary. Hugh Trappes-Lomax Oxford University Press – 1997.

The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fourth Edition copyright ©2000 by Houghton Mifflin Company. Updated in 2009. Published by Houghton Mifflin Company. http://www.thefreedictionary.com/fan

http://slovorus.ru/

www. http//: ruLib.info online

Е.А. Путрина

УДК 81.23

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В данной статье представлены результаты экспериментальных исследований, проведенных нами в форме анкетирования с целью выявления гендерных стереотипов языкового сознания представителей разных (в данном случае – русского и казахского) этносов.

Ключевые слова: гендер, языковое сознание, картина мира, стереотип.

Elena A. Putrina

EXPERIMENTAL RESEARCH OF GENDER STEREOTYPES IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article presents the results of our experimental studies conducted in the form of questionnaires to identify gender stereotypes from different linguistic awareness (in this case, Russian and Kazakh) ethnicities.

Key words: gender, linguistic awareness, world view, stereotype.

Важными атрибутами общественного сознания являются мужественность и женственность. Являясь универсальными, свойственными любой культуре концептами, они заключают в себе и определенную специфику, свойственную данному обществу. При этом, как отмечает А.В. Кирилина, «гендерные стереотипы, отражаемые языком, с одной стороны, культурно обусловлены, а с другой – осознаются индивидом в соответствии с его личным опытом» [Кирилина 1999: 95].

Нам представилось интересным проиллюстрировать это положение на примере сопоставления гендерных стереотипов, присущих жителям Казахстана – представителям русской диаспоры и титульного этноса. Исследование женственности и мужественности должно было включать описание стереотипов, связанных с ними, и средства манифестации этих стереотипов в языке. Для описания особенностей феминности и маскулинности, в частности, мужского и женского речевого поведения, нами было проведено экспериментальное исследование в форме анкетирования «Ваши представления о мужских и женских качествах». Анкета включала в себя 12 вопросов (см. ниже текст экспериментального задания).

Участниками нашего анкетирования были 100 опрошенных информантов – русских и казахов, мужчин и женщин. Принадлежность обеих этнических групп к мужскому и женскому полу выдерживалась приблизительно в соотношении 1:1, тем самым нами был введен гендерный принцип в процесс этнолингвистического экспериментального исследования, что было предусмотрено целями и задачами нашей работы.

Информантам разъяснялась важность именно индивидуальных ответов и несущественность таких факторов, как, например, орфография.

Текст задания: «Вы принимаете участие в психолингвистическом эксперименте. Он не имеет целью какую бы то ни было проверку ваших знаний или способностей. Материалы анкеты нужны для проведения научных исследований языкового сознания представителей разных этнических сообществ. Перед вами анкета, включающая 12 вопросов. Сначала заполните графы пол, возраст, национальность, профессия, а затем приступайте к ответам на вопросы. В ответе на первый вопрос запишите имена двух мужчин, которые, по вашему мнению, могут служить эталоном мужественности. Далее перечислите свойственные мужчинам качества, которые представляются вам идеальными. В ответе на третий вопрос запишите имена двух женщин, которые, по вашему мнению, могут служить эталоном женственности. Ниже перечислите свойственные женщинам качества, которые представляются вам идеальными. Отметьте те из указанных качеств, которые совпали, если таковые имеются. Затем перечислите те из указанных качеств, которыми, по вашему мнению, обладаете вы. Седьмой вопрос звучит так: решались ли вы когда-нибудь украсить свой костюм предметом одежды, который считается принадлежностью противоположного пола? Если вы отвечаете «да», то опишите, при каких обстоятельствах. Если «нет», ответьте, почему. В ответе на восьмой и девятый вопросы назовите качества, которыми обычно обладают, на ваш взгляд, «эталонные» мужчины и «эталонные» женщины в рекламных роликах. Десятый вопрос требует особого внимания. Из предложенного списка вам нужно выбрать по 5 основных качеств, которые считаются традиционно маскулинными или феминными, и расположить их в порядке убывания их значимости (например, для женщин: красота 1-ф, тактичность 2-ф и т.д.; для мужчин: сила 1-м, ум 2-м и т.д.). Вы также можете включить в этот список любые другие качества на ваше усмотрение. В ответе на одиннадцатый вопрос напишите, различается ли, на ваш взгляд, речь женщины и мужчины. Если «да», то какими качествами, на ваш взгляд, характеризуется мужская и женская речь».

После предъявления инструкции экспериментатору, как правило, приходилось отвечать на вопросы участников эксперимента, приводить примеры того, как им следует работать. Для того чтобы избежать формирования у респондентов установки на какой-либо один тип ответов, исходное слово-пример приводилось не из списка анкеты (например, в вопросе 10), а произвольно, и возможные ответы предлагали сами информанты. И только убедившись, что задание понято всеми правильно, экспериментатор раздавал анкеты.

Из анкетных данных при обработке материалов эксперимента нами на данном этапе в первую очередь учитывались пол и национальность, т.е. гендерность и этничность. Из ответов на каждый вопрос мы выделяли первые 4 самых частых ответов.

Итак, предварительные результаты по поводу первого вопроса.

У русских мужчин эталонами мужественности являются Д. Медведев, Сильвестр Сталлоне, Ван Дамм и Сергей Безруков. (Остальные ответы единичны, поэтому выделение первых четырех реакций порой затруднительно). У мужчин-казахов эталонами мужественности являются Н. Назарбаев, Алмас Кешкенбаев, В. Путин. У русских женщин первые четыре места занимают Григорий Лепс, Джеймс Блант, Денис Клявер (гр. «Чай вдвоем»), Стас Костюшкин (гр. «Чай вдвоем»). У женщин казашек – Н. Назарбаев, Ален Делон, М. Тайсон. А. Бандерас.

Что касается качеств, приписываемых эталонам мужественности, то у русских мужчин это: ум (15), физическая сила (11), честность (9), мужество (6), мужественность (4). У казахов это ум (14), мужественность (10), самоуверенность (8), честность (5) и ответственность (4). Русские женщины идеальными качествами мужчин считают ум (17), доброту (11), мужественность (8), честность (5), надежность (4). А женщины-казашки более всего ценят в мужчинах ум (12), физическую силу (10), доброту (7), верность (5), мужественность (3).

Эталонами женственности русские мужчины считают Анджелину Джоли, Мерлин Монро, Жанну Фриске, певицу МакSим. Мужчины-казахи – Дж. Лопес, Веру Брежневу, Зару. Русские женщины в качестве эталона называют Юлию Савичеву, Дж. Робертс, М. Монро, А. Джоли. Казашки – Р. Рымбаеву, Дж. Робертс, В. Брежневу, М. Монро.

Среди идеальных женских качеств у русских мужчин самыми частыми являются следующие реакции: ум (14), красота (11), заботливость (7), женственность (5), хозяйственность (4). У мужчин-казахов это ум (14), красота (12), доброта (8), заботливость (7), хозяйственность (5). Русские женщины чаще всего называют заботливость (12), нежность (10), ум (7), доброту (6), женственность (4), а казашки женственность (11), ум (9), красоту (8), нежность (7), доброту (4).

Судя по экспериментальным материалам, можно выделить приоритетные направления в стратегиях выбора характеристик и предпочтений. Так, например, наиболее частым ответом оказалась характеристика ума. По всей вероятности, это качество присуще и предпочтительнее во всех группах респондентов – у русских мужчин, русских женщин, мужчин-казахов, женщин-казашек. Практически для всех это качество стоит на первом месте, расхождения наблюдаются лишь в представлении женщин об идеальных женских качествах. Для мужчин наиболее востребованными характеристиками маскулинных качеств являются: ум, мужественность и честность. Различия состоят в том, что русские мужчины выделили мужество и физическую силу, а казахи самоуверенность и ответственность.

Для женщин также наиболее востребованными характеристиками мужских качеств являются ум и мужественность, но помимо них появляется такое качество, как доброта, ни разу не упомянутое в ответах мужчин. Русские женщины также называют надежность и честность, а казашки – верность и физическую силу.

Анализируя полученный экспериментальный материал, можно сделать следующие выводы: помимо качественной характеристики ум среди первых четырех наиболее частых ответов респонденты называли женственность, красоту, заботливость и доброту.

Яркое отличие реакций мужчин и женщин обеих этнических групп состоит в том, что все мужчины считают основным идеальным качеством, присущим женщинам, хозяйственность, а женщины (и русские, и казашки) определяют как идеальное для себя качество – нежность.

Что касается 8-го и 9-го вопросов нашей анкеты, то заметим, что респонденты-мужчины приписывают эталонным мужчинам в рекламных роликах красоту, мускулы и физическую силу, а эталонным женщинам красоту, сексуальность и хозяйственность. Респонденты-женщины у «рекламных» мужчин выделяют красоту, уверенность и привлекательность, а у «рекламных» женщин на первом плане отмечаются красота, привлекательность и ухоженность.

Подробнее остановимся на 10-ом вопросе анкеты, в котором нужно было выбрать по 5 основных качеств, традиционно считающихся маскулинными или феминными, и расположить их в порядке убывания их значимости. Наиболее частыми качествами, традиционно считающимися мужественными, по мнению русских мужчин, являются смелость, честность, благородство, физическая сила, рассудительность; мужчины-казахи называют честность, благородство, умение манипулировать людьми, надежность и ответственность; по мнению русских женщин, это искренность, смелость, надежность, ответственность, спортивные качества, а казашки выделяют заботливость, властность, агрессивность, интеллигентность и честность.

Наиболее частыми качествами, традиционно считающимися женственными, русские мужчины считают честность, заботливость, сексуальность, деликатность, искренность, казахи выделяют честность, заботливость, сексуальность и искренность. По мнению русских женщин, такими качествами являются искренность, заботливость, застенчивость, эмоциональность, сексуальность, а по мнению казашек, это искренность, дух соперничества, эмоциональность, сексуальность и умение манипулировать людьми.

Перейдем к последнему вопросу. На вопрос, различаются ли мужская и женская речь, почти все участники эксперимента ответили «да», и среди черт, присущих мужской речи, русские мужчины выделили немногословность (20), сдержанность (14), обдуманность (9), логичность (7) и грубость (5). Мужчины-казахи также называли грубость (18), уверенность (12), краткость речи (8), употребление нецензурной лексики (4) и самоуверенность (3). Русские женщины наиболее часто называли характеристиками мужской речи грубость (21), уверенность (15), властность (10), краткость (8) и рассудительность (6), а казашки – грубость (22), настойчивость (14), агрессивность (9), немногословность (7) и дерзость (5).

Что касается женской речи, то русские мужчины характеризовали ее как мягкую (15), нежную (10), эмоциональную (9), болтливую (7) и игривую (5). Мужчины-казахи назвали ее мягкой (14), эмоциональной (9), кокетливой (6), обманчивой (5) и томной (3). Русские женщины выделили среди качеств, присущих женской речи, эмоциональность (16), нежность (14), болтливость (9), мягкость (7) и загадочность (4), а казашки – застенчивость (13), эмоциональность (10), нежность (8), сбивчивость (5) и бессмысленность (4).

Так, судя по ответам участников эксперимента, наиболее типичными характеристиками мужской речи являются грубость, краткость, немногословность, уверенность и логичность. В характеристиках женской речи больше совпадений. Все четыре группы опрашиваемых ти-

пичными характеристиками считают мягкость, нежность, эмоциональность и застенчивость, выдвигая их на первые места. По всей видимости, эти качества являются более предпочтительными в представлениях о свойствах речи мужчин и женщин во всех группах респондентов.

Итак, гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение личности, в том числе и речевое, и на процессы ее языковой социализации.

Современная лингвистика имеет определенный опыт исследования гендерных аспектов языка и речи, особенно в области разработки методик идентификации речи (см. работы А.В. Кирилиной, Е.И. Горошко, О.В. Рябова, И.А. Стернина, Ю.А. Сорокина, Э.Д. Сулейменовой, Н.В. Дмитрюк, З.К. Сабитовой и мн.др.).

По словам Н.В.Дмитрюк, «женственность и мужественность как культурные концепты имеют несколько измерений – историческое, синхронное, образное. Каждое из этих измерений поддается лингвистическому описанию, что позволяет обнаружить культурную представленность гендера в языке, исследовать гендерные стереотипы и проследить их динамику во времени» [Дмитрюк 2003: 265].

Изучение женственности (феминности) и мужественности (маскулинности) как культурных концептов является одним из наиболее перспективных направлений гендерных исследований, т.к. его результаты позволяют повысить обоснованность и объяснительную силу остальных направлений лингвистической гендерологии, а также выявить степень применимости к русскому языку полученных результатов. В частности, в ходе нашего исследования были выявлены и проиллюстрированы примерами общие и специфические черты, присущие разным этническим сообществам, с учетом их гендерной принадлежности (на примере русского и казахского этносов), а также было продемонстрировано обоснование гендерных различий в восприятии окружающего мира представителями исследуемых этнических сообществ.

Таким образом, анализ результатов проведенного нами психолингвистического эксперимента показал, что мужская картина мира по определенным параметрам существенно отличается от женской, в частности, это проявляется в различиях между мужскими и женскими предпочтениями и выбором приоритетных характеристик в силу, по всей видимости, влияния целого ряда факторов: социальных, культурных, этнических и психологических, что обеспечило представленность гендера в языке.

Литература

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.

Горошко Е.И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996.

Сабитова З.К. Гендерная иерархия и система бинарных противопоставлений в языке // ММК «Психолингвистика и социолингвистика: состояние и перспективы». – Алматы, 2003, С. 273–375.

Дмитрюк Н.В., Дмитрюк С.В. Гендерные аспекты функционирования языкового сознания // ММК «Психолингвистика и социолингвистика: состояние и перспективы». – Алматы, 2003. С. 264–375.

Н.С. Рыжук

УДК 81

ПАРТИТИВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОЦЕССОВ КАТЕГОРИЗАЦИИ

В статье рассматриваются партитивные семантические связи, отражающие предметные партитивные отношения между частями составных целых. Автор описывает отношения, выраженные лексемами со значением «часть чего-либо», как в «X – это часть Y».

Ключевые слова: языковая категоризация, семантическое поле, концептуальные метафоры.

Natalia S. Ryzhuk

NATURAL LANGUAGE CATEGORIZATION REFLECTED IN PART-WHOLE SEMANTIC RELATIONS

One important type of semantic relation analysed in the paper is the relation between the parts of things and the wholes which they comprise. The author focuses on the relation expressed by the English term «part of», as in, «the X is part of the Y».

Key words: language categorization, semantic field, conceptual metaphors.

«Часть» и «целое» относятся к числу базовых универсальных понятий и форм восприятия действительности, представления о которых формируются первоначально в предметно-вещественной деятельности человека и только впоследствии они распространяются на предметы, связанные отношением «часть – целое» независимо от практики человека.

Базовые категории части и целого, выступая универсалиями познавательного процесса, находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, определяются друг через друга и являются неотъемлемыми атрибутами классифицирующей деятельности человеческого сознания [Никитин 1996; Успенский 2002; Абрамов 2003; Уфимцева 2002]. А. Вежбицкая [1996] относит понятия о части и целом к числу семантических универсалий, лежащих в основе человеческой коммуникации и мышления и подлежащих лексикализации во всех языках мира.

Процесс языковой категоризации рассматривается в лингвистической науке как один из наиболее значимых [см.: Лакофф 2004; Алефиренко 2002; Кацнельсон 2001; Кобозева 2004; Rosch 1975 и др.]. «Часть» и «целое» относятся к числу категорий базового уровня категоризации, психологически наиболее значимого и выполняющего ведущую роль в понимании и осуществлении процессов категоризации. Специфика категорий базового уровня состоит в том, что они зависят не непосредственно от объектов, независимых от людей, а от специфики взаимодействия людей с объектами: от того, как люди воспринимают и представляют их, систематизируют информацию о них и действуют по отношению к ним.

Поскольку все реальные связи так или иначе воплощаются в семантических структурах и единицах языка, то можно утверждать, что, во-первых, предметным партитивным отношениям соответствуют партитивные семантические связи между единицами языка и, в первую очередь, между единицами лексико-семантической системы; во-вторых, партитивные семантические связи в языке занимают такое же важное место, как и отношения по типу «часть – целое» в реальности.

Семантика партитивности представлена в языке достаточно детально, что связано с большой аксиологической значимостью категорий части и целого. При этом в английской и русской лингвокультурах наблюдаются расхождения в смысловом наполнении имен частей целого, что обусловлено культурными особенностями способов взаимодействия с предметами материального мира, а также языковой спецификой формирования значений слов.

Мы полагаем, что лексические единицы со значением партитивности по праву рассматриваются как средства отражения национально-специфической модели представления понятия о части целого в языке, их семантика видится как способ представления знаний, соотносимых с обозначаемыми объектами и явлениями в сознании членов лингвокультурной общности.

Корреляция «часть – целое», называемая также партитивным отношением, наглядно отражает такое важное понятие в лексико-семантической системе, как иерархичность. Отношения по типу «часть – целое» являются важнейшим фактором смыслового упорядочения словаря, благодаря чему он предстает как целостная иерархическая система [Никитин 1996; Кронгауз 2005; Арутюнова 1980].

Одним из признаков системности лексики, как известно, является ее способность объединяться в разнообразные группы слов – лексико-семантические парадигмы, или семантические поля.

Лексико-семантическое поле английских и русских существительных партитивности было сформировано нами с опорой на лексикографические источники на основе учета категориальной семы «часть целого», которая является семантическим признаком высшего порядка для

всех единиц, объединенных в описываемое поле. Дифференциация единиц данного лексико-семантического поля осуществлялась на основе интегральных сем «характер субстанции», «относительный размер/количество», «наличие/отсутствие правильной формы», а далее (на следующей ступени иерархии поля) путем их конкретизации в дифференциальных семах.

Для определения ключевых слов и построения полевой модели их организации нами был установлен семантический объем лексем с общим значением «часть целого» путем выявления семантических связей единиц поля методом квантитативного анализа лингвистического материала. Поскольку словарные статьи разных толковых словарей при описании значений одних и тех же слов существенно отличаются одна от другой, мы учитывали данные всех рассматриваемых толковых словарей в равной мере, считая при этом, вслед за С.В. Серебряковой [2002], что если значение лексемы рассматриваемой группы раскрывается с помощью другой лексемы, принадлежащей этой же группе, то между этими лексемами есть семантическая связь. Чтобы установить величину семантического объема лексем в английском и русском языках, каждой из них приписывалось столько семантических связей, сколько раз она определялась посредством остальных слов данной группы в толковых словарях обоих языков.

Так, согласно обследованным словарям английского языка, наибольшее количество лексических связей с другими словами (т.е. наивысший семантический объем среди единиц рассматриваемого поля) имеет лексема *piece* (118 связей), которая и является ядром анализируемого семантического поля. Это существительное – идентификатор, который благодаря абстрактности своей семантики часто употребляется в качестве опорного компонента в лексикографических толкованиях исходных значений исследуемых в работе единиц. Далее в порядке убывания количества семантических связей следуют существительные *part* (96 связей), *portion* (30 связи), *lump* (21 связей), *fragment* (12 связей), *drop* (12 связей), *share* (11 связей), *bit* (10 связей), входящие в центр семантического поля партитивности и обнаруживающие по отношению к ядру лишь дополнительную семантическую или коннотативную маркировку.

Лексемы с меньшим количеством семантических связей, расположены на периферии поля. К ближней периферии принадлежат единицы, обладающие более сложной семантической структурой и передающие различия по указанным выше семантическим признакам. Существительные, находящиеся на дальней периферии семантического поля, требуют дополнительного контекста, средствами которого и реализуется это значение партитивности. Периферийные лексемы могут быть стилистически маркированными и выступать в качестве метафорических эквивалентов прямых значений общеупотребительных слов, как, например, слова *film* (пленка), *ribbon* (лента), *thread* (нить), *branch* (ветвь), *medallion* (кусок в виде медальона), *drink* (глоток), *taste* (чуточка) в английском языке и т.п. и существительные *зернышко, полоска, единица, лента, пленка, плита, чешуйка, лист, член, ветвь* и некоторые другие в русском языке. Значения лексем периферийных группировок содержат сему «часть целого» имплицитно, поэтому их употребление в высказываниях о части целого не является для них обязательным и референтом в некоторых контекстах может оказаться предмет, не находящийся в отношении принадлежности к полю “часть целого”.

Что касается русского языка, то здесь наивысшим семантическим объемом обладает лексема *часть* (98 связей), являющаяся ядром поля партитивности. За нею в порядке убывания количества семантических связей следуют существительные *кусок* (50 связей), *доля* (23 связи), *участок* (17 связей), *частица* (14 связей) и *отрезок* (12 связей), входящие в центр семантического

поля партитивности. Лексемы с меньшим количеством семантических связей (от 10 до 1), например, *обломок* (10 связей), *ломоть* (9 связей), *сектор* (7 связей), *щепа* (5 связей), *отколок* (2 связи), *раздел* (1 связь) расположены на периферии поля.

Как показывает анализ, периферия семантического поля партитивности в английском языке представлена бóльшим количеством единиц по сравнению с русским. Это свидетельствует о том, что специфика английского языка состоит в более активной, по сравнению с русским языком, метафоризации с переносом значения части целого на абстрактные сущности.

Можно констатировать, что структура изучаемого поля неоднородна. Если представить поле в виде сферы, то его единицы будут располагаться слоями на разном удалении от ядра по степени их смысловой сопряженности с общим значением поля, которая наиболее явно пред-

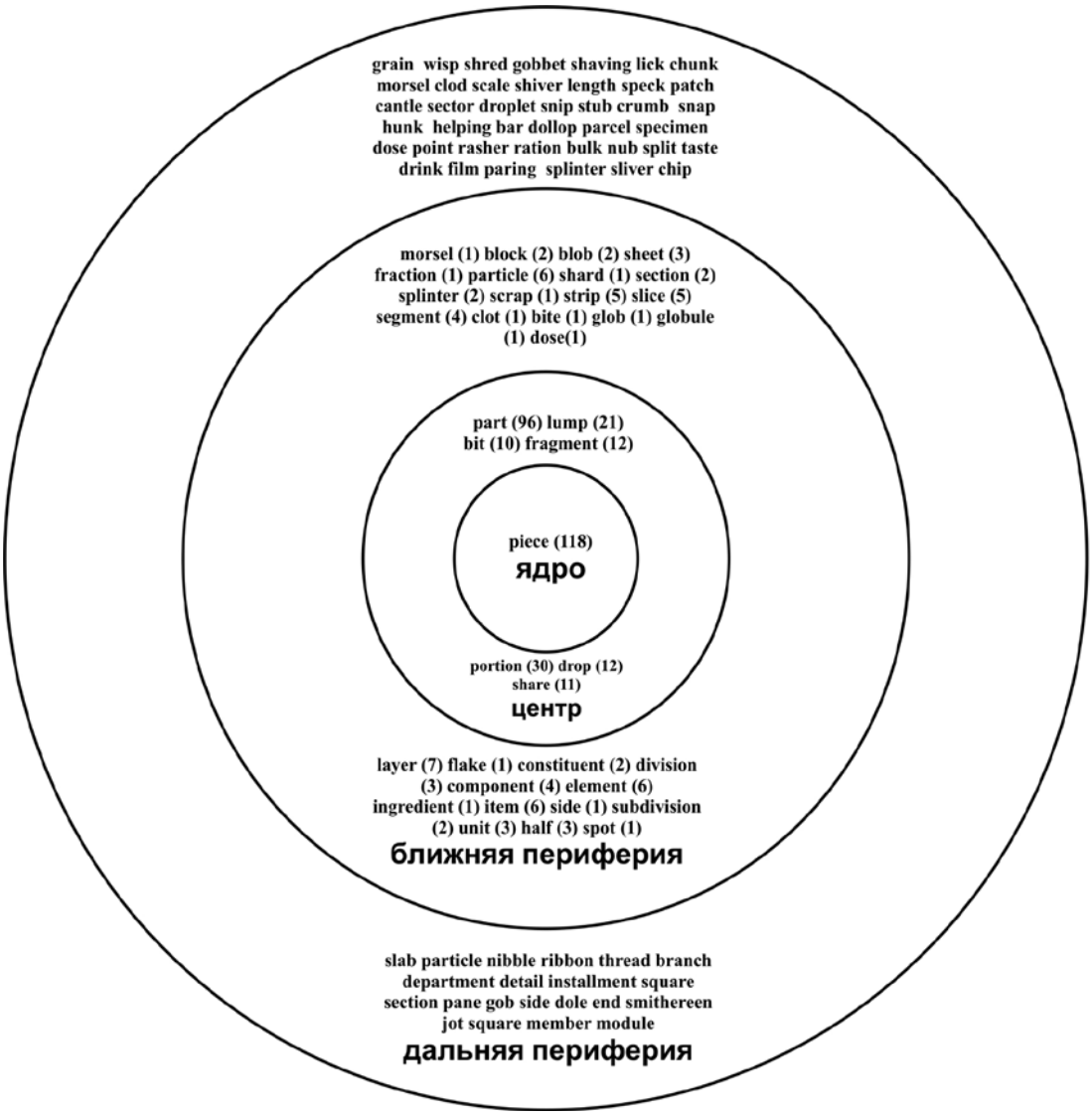


Схема 1. Семантическое поле партитивности в английском языке

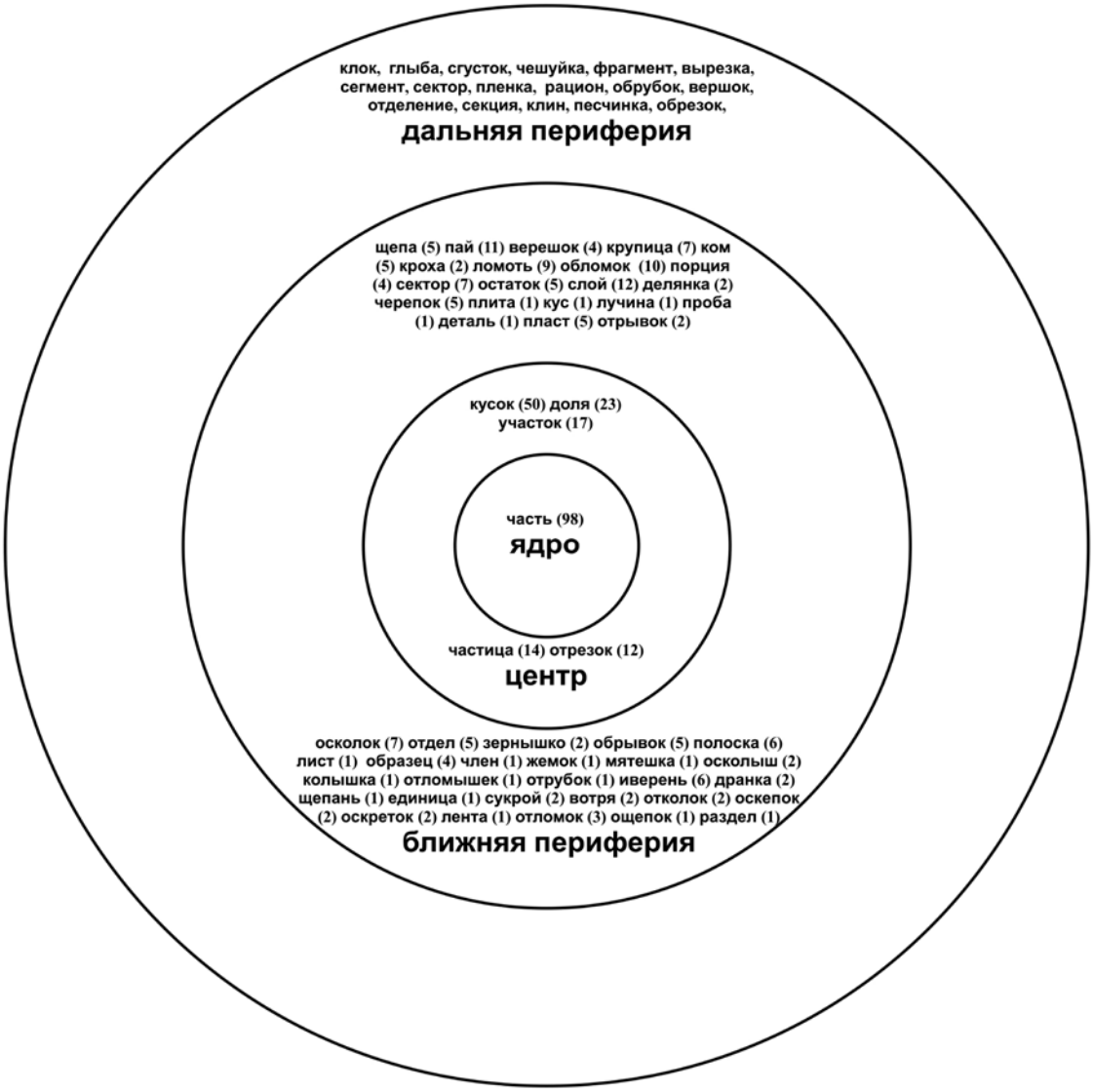


Схема 2. Семантическое поле партитивности в русском языке

ставлена в его ядре и в центре и постепенно угасает при удалении по направлению к периферии. С учетом данных о величине семантического объема каждого слова на Схемах 1 и 2 представлена структура семантического поля в обоих языках. В скобках указано количество лексических связей с другими словами.

В изучении семантического и лингвокультурологического аспектов корреляции части и целого важен учет как парадигматического, так и синтагматического уровней. Одним из распространенных парадигматических типов связей внутри поля являются родо-видовые отношения его лексических единиц – отношения гипонимии [Лайонз 2003]. Пользуясь методикой, предложенной И.М. Кобозевой [2004], на основе родо-видовых корреляций мы построили несколько эндоцентрических рядов, в которых каждое следующее слово ряда представляет собой гипоним по отношению к предыдущему слову и гипероним по отношению к последующему. Для выявления гиперо-гипонимических связей единиц лексико-семантического поля партитивности были привлечены данные лексикографических источников. Кроме

того, мы проанализировали синтаксическую сочетаемость слов, формирующих эндоцентрические ряды, с учетом положения В.П. Абрамова [2003] о том, что при сопоставлении синтагматики гиперонима и гипонима синтаксическая сочетаемость должна быть одинаковой (одинаковая сочетаемость гиперонима и гипонима с синтаксической позиции объекта), а лексические позиции гипонимов по сравнению с гиперонимом будут ограничиваться, так как содержание значения у гиперонима богаче, чем у гипонима. Приведем примеры таких рядов в английском языке с наибольшим числом входящих в них компонентов:

1. piece (часть) → part (доля) → fragment (обломок) → segment (кусок) → section (отрезок) → pane (лист оконного стекла)→ sheet (лист)→ layer (слой) → film (пленка);

2. piece (часть)→ part (доля) → share (доля) → portion (надел)→ drop (капля) → blob (пятнышко) → glob (шарик) → globule (капля);

3. piece (часть) → part (доля) → share (доля) → portion (порция)→ slice (кусок)→ slab (плитка);

4. piece (часть) → part (доля) → element (элемент) → component (компонент) → unit (элемент) → item (отдельный предмет) → detail (деталь).

Как показал анализ, одно и то же слово семантического поля партитивности может входить в разные эндоцентрические ряды. В первую очередь, это касается слов с широким недифференцированным значением, относящихся к центру семантического поля партитивности, а также слов, расположенных на его ближней периферии. Следует отметить, что в русском переводе построенных нами эндоцентрических рядов подобная родо-видовая корреляция не сохраняется. Приведем примеры таких эндоцентрических рядов из нашей картотеки:

1. часть → частица → песчинка → крупинка → крошка → крапинка → зернышко;

2. часть → доля → пай → надел → участок → полоска →лента;

3. часть → ломоть → кусок → фрагмент → сегмент → сектор → отделение → секция;

4. часть → ломоть → кусок → обломок → щепка → лучина;

Как показывает анализ, эндоцентрические ряды партитивов в русском языке формируются преимущественно из единиц, расположенных в центре и на ближней периферии поля, в то время как в английском языке состав эндоцентрических рядов расширяется за счет лексем, расположенных на дальней периферии поля.

Компонентный анализ значения позволяет с наибольшей достоверностью проследить, насколько полно выполняется принцип семантической конгруэнтности, а также показать механизм аномальных семантических сочетаемостей, которые влекут за собой метафоризацию значения.

Специальный семантический анализ обозначений части и целого в английском и русском языках, а также контрастивное описание семантических полей партитивности позволили установить заметное множество интересных проявлений национально-специфического осмысления данного фрагмента действительности. Слова-эквиваленты со значением части целого с психолингвистической точки зрения могут считаться в обоих языках таковыми лишь условно. Так, русский язык гораздо чаще, чем английский, в случае выражения понятия о части некоего целого обнаруживает более общее понимание части, тогда как английский выражает его более детально и специализированно, в результате чего семантическое поле партитивности в английском языке в количественном отношении значительно шире аналогичного поля в русском языке.

Результаты анализа позволяют констатировать, что партитивные лексемы активно подвергаются десемантизации и метафоризации в английском и русском языках, и это не случайно. Релевантность

указанных лексем для национального языкового сознания обусловливает широкие возможности образования производных значений, так как испокон веков метафоризации подвергаются, прежде всего, слова, репрезентирующие наиболее важные для носителей языка участки внеязыковой действительности. При этом, если даже метафоризируются соотносимые лексические эквиваленты рассматриваемых языков, полной идентичности не наблюдается, поскольку национальная специфика проявляется в этом случае в количестве производных значений, направлении метафоризации, а также на уровне семем, иными словами в объеме и структуре сопоставимых значений.

В проводимом исследовании мы придерживаемся теории концептуальной метафоры, основы которой были изложены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в монографии «Метафоры, которыми мы живем» [1987]. В современной когнитивной лингвистике концептуальная метафора понимается как средство осмысления какой-либо абстрактной сферы в терминах, описывающих конкретные предметы более известной сферы [Богданова 2006; Опарина 1988; Ортега-и-Гассет 2000]. Так, в основе метафор эмоций лежат аналогии: с твердым веществом (*a cold lump of horrible sickening fear – холодный комок ужасающего тошнотворного страха, a lump of hate – комок ненависти, a slice of tranquility* – букв. *ломтик спокойствия* и др.), с вязким веществом (*a dollop of sentiment* – букв. *кусок, небольшое количество сентиментальности* и др.), с жидким, текучим веществом (*a spot of bother* – букв. *капля беспокойства* и др.), с рассыпчатым веществом (*the only crumb of hope* – букв. *единственная крошка надежды* и др.). Аналогичные метафоры можно найти и в русском языке, например: *последняя капля терпения, крупица надежды, обрывки воспоминаний, кусок жизни* и т.п.

Метафору можно понимать как перенос из области-источника (source) в область-мишень (target) [Современная американская лингвистика 2002: 35], причем она основана скорее на соответствиях в нашем опыте, чем на сходствах. Область-источник и область-цель не связаны по своему существу. В качестве примера приведем английскую метафору *a hunk of love (*букв. *ломоть любви*). Следует отметить, что в данном примере область-источник представлена конкретным именем, а область-мишень – абстрактным. Стрелку в схеме можно понимать как “переносится на”:

Область-источник Область-мишень
твердое вещество → любовь

По сравнению с областью-мишенью, область-источник интуитивно понятнее, конкретнее, известнее в деталях через непосредственный физический опыт. Области, связанные метафорой, асимметричны, неравны, поскольку физические события не понимаются через абстрактные. Метафоры содержат парадокс, утверждая, что A = X и при этом A ≠ X, т.е. они сосредоточивают внимание на интенционально заданных аспектах сравнения [Там же: 352]. Эмоции и чувства, как известно, способны вызывать физиологические изменения в организме, потому, очевидно, они условно воспринимаются как некие материальные объекты, что и находит отражение в языке.

По нашим наблюдениям, образно-схематическая структура области-источника проецируется на область-мишень способом, соответствующим структуре последней. Например, в метафоре ЛЮБОВЬ – ЭТО ТВЕРДАЯ СУБСТАНЦИЯ хрупкость и ломкость твердого вещества соответствуют хрупкости любовных уз. Приведенный пример еще раз иллюстрирует то, как метафора помогает осмысливать достаточно абстрактные и внутренне неструктурированные понятия в терминах более конкретных и легко структурируемых. Метафоры часто выражают культурно специфические мо-

дели, при помощи которых мы понимаем абстрактные области. Метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ТВЕРДАЯ СУБСТАНЦИЯ характерна для английского языка. В русской лингвокультуре мы можем встретить отождествление любви с некой могучей силой, например: *любовь ранит, убивает, окрыляет* и т.п. В любом случае метафорический процесс всегда субъективен, что проявляется в самом выборе вспомогательного объекта метафоры.

В нашей картотеке зафиксированы случаи метафоризации с образным значением партитивности, усиленным семантикой первого компонента метафорического словосочетания. Определенные качества и свойства, присущие частям материальных объектов, переосмысливаются людьми и прямо или в трансформированном виде ложатся в основу метафорического переноса. Таким образом, для метафорических переносов, основанных на идее партитивности, характерна смысловая диффузность, т.е. соединение значения партитивности с образным уподоблением по другим признакам. Так, например, если мы проанализируем направление ассоциаций в русской метафоре *осколки былой дружбы*, то увидим, что существительное *осколки* обозначает не только частицы некоего разбитого хрупкого (ассоциация со стеклом) целого, в нашем случае – дружбы, но и то, что эти отбитые режущие куски способны нанести острую, физически ощущаемую боль, их нельзя склеить, получив неизмененное первоначальное целое. Благодаря метафоре изображаемый образ предстает как зримый, реально осязаемый. Дружба предстает не как нечто абстрактное и аморфное, а вполне материальное, имеющее определенные физические характеристики. В приведенной метафоре слово со значением части целого во вторичном семиозисе актуализирует дифференциальную сему, отражающую материальную субстанцию, что приводит к нарушению соответствия сигнификативно-денотативного фактора референтному.

При несомненных различиях в восприятии и концептуализации компонентов целостных объектов у представителей разных культур выявляется и ряд общих закономерностей. Наиболее релевантными в этом плане представляются признаки «характер субстанции», «относительный размер». Так, русская лексема *зерно* и английская *grain*, представляя собой соотносимые эквиваленты, способны подвергаться метафоризации. Общим для обоих языков является производное значение «отдельная частица, небольшая доля, крупинка какого-либо вещества». Например: зерно истины: *not a grain of truth – ни крупинки правды, not a grain of pity – ни крупицы жалости*. Метафорический перенос осуществляется по признаку «размер». Как показывает контекст, в основе метафорического переосмысления как в английском, так и в русском языках лежит один и тот же образ – образ сыпучего вещества. Модель ПРАВДА – СЫПУЧЕЕ ВЕЩЕСТВО формируется на основе лексического значения вспомогательного компонента *grain (частица, крупица)*, содержащего в своей семантической структуре не только сему «малая доля вещества», но и сему «сыпучее вещество». Следует отметить, что соотносимая с русской лексемой *зерно* английская лексическая единица *grain* более многозначна, что обусловливает возможность множественных метафорических переносов.

Итак, наглядно и достаточно отчетливо прослеживается разница между работой логико-понятийного компонента разных языковых сознаний на примере различной дифференциации такого универсального понятия как «часть целого». Специфика рассматриваемого семантического поля партитивности в английском языке состоит в более активной по сравнению с русским языком метафоризации с переносом значения части на абстрактные сущности. В партонимических отношениях упорядочивающий аспект отступает перед многообразием реальных связей и

зависимостей вещей в структурах целого, что и служит источником метафоризации, когнитивные механизмы которой позволяют интенсионально выделять экстенсиональные части в абстрактных сущностях. Следует отметить и сходство английского и русского языков, заключающееся в активной метафоризации с переносом значения части на номинацию эмоций и внутреннего состояния человека, а также на обозначение явлений и процессов общественной жизни.

Литература

Абрамов В.П. Семантические поля русского языка: Монография. – М.: Краснодар: Акад. пед. и соц. наук РФ, Кубан. гос. ун-т, 2003. – 338 с.

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

Арутюнова Н. Д. Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – 358 с.

Богданова Л.И. Лингвокультурный характер концептуальной метафоры // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006, серия «Концептуальные исследования». Вып. 8. – С. 174–179.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2001. – 864 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.

Кронгауз М.А. Семантика – М.: Академия, 2005. – 352 с.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского; По общ. ред. И.Б. Шатуновского. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 400 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: 1987. – 514 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

Опарина Е.О. Концептуальная метафора. / Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Инфра М, 2000. – 704 с.

Серебрякова С.В. Семантические параметры лексических единиц в языке и речи. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 132 с.

Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 480 с.

Успенский Б.А. Часть и целое с русской грамматике. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2004. – 128 с.

Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.

Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology. 1975. General 104. – P. 192–233.

Е.Г. Свинчукова

УДК 81.23

ДИАСПОРНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

На примере образов языкового сознания русских в России и Казахстане и казахов в Казахстане описываются особенности языковой картины мира трех указанных групп испытуемых. В данной статье приводятся итоги свободного ассоциативного эксперимента и основные результаты исследования.

Ключевые слова: языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, диаспора, культура.

Elena G. Svinchukova

LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN DIASPORA IN KAZAKHSTAN

The particularities of language consciousness of three groups of interviewees (those of Russians in Russia and Kazakhstan and of Kazakhs in Kazakhstan) are described by the example of their images of language consciousness. The outcomes of associative experiment and the main results of the research are given in the present paper.

Key words: language consciousness, associative experiment, diaspora, culture.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей диаспорного языкового сознания носителей русского языка и русской культуры, проживающих на территории Казахстана.

Объектом исследования послужили ассоциативные поля 20 слов-стимулов, которые были получены при помощи методики свободного ассоциативного эксперимента [Свинчукова 2011: 239–244]. В качестве экспериментальной группы выступали 135 русских жителей Казахстана, а в качестве контрольных групп выступали 110 казахов и 193 русских респондента, жителя России. В процессе обработки данных на первом этапе были отобраны 129 анкет русских жителей Казахстана (далее «группа К»), 100 анкет казахов и 187 анкет россиян (далее «группа Р»).

По половозрастным характеристикам три указанные группы респондентов практически одинаковы, большую часть испытуемых составляют студенты различных курсов высших учебных заведений России и Казахстана.

Так как в данной статье мы рассматриваем именно диаспорное языковое сознание, мы начнем с определения понятия диаспоры. Как полагают многие исследователи, для представителей диаспоры характерна двойная идентичность, т.к. они занимают не единственное культурное пространство. Диаспора предполагает, по определению В.Д. Попкова, «коктейль из разнообразных культурных, социальных, экономических и других сфер, характерных одновременно как для страны происхождения, так и для страны проживания» [Попков 2003: 85]. Поэтому диаспоре приписывается двойная, а иногда и множественная лояльность. Причем особо подчеркивается, что культурная идентичность страны исхода и диаспорная идентичность не одно и то же. По мнению В.Д. Попкова, диаспорная идентичность представляет собой конструкт разнообразных идентичностей, в основе которых лежит представление о едином культурном базисе, на который накладываются идентичности регионов, принимающих общины диаспоры. В этом случае в качестве базовой идентичности как связующего элемента выступают основные компоненты этнической идентичности страны исхода, приобретаемые с самого детства в ходе социализации индивидов.

Многие члены диаспоры долгое время живут в принимающей стране и одновременно с этим поддерживают связь со страной исхода. Таким образом, эти люди живут сразу в двух культурах, образуя транснациональные сообщества.

Далее необходимо рассмотреть явление аккультурации, которое понимается как «процесс долговременного взаимодействия представителей различных культур, в результате которого наблюдается культурное изменение в одной или обеих группах» [Там же: 54]. Это то изменение, которое может происходить как на уровне индивида, так и на уровне группы. Причем именно от индивидуальных особенностей группы или индивида зависит выбор направления аккультурации. При выборе направления индивид (группа) отвечает для себя на два вопроса: 1) важно ли поддерживать собственную культурную идентичность и культурную характеристику; и 2) важно ли сохранять отношения с другими этническими группами.

В результате ответа на эти два вопроса определяется одна из четырех стратегий аккультурации: интеграция, сепарация, ассимиляция или маргинализация [Там же: 57].

Каков же статус русских в современном Казахстане? После распада СССР и образования независимой республики Казахстан статус русских казахстанцев резко изменился. Закон о языке, принятый в 1989 году, утвердил казахский язык в качестве государственного, а русский – в роли языка межнационального общения. Таким образом, русское население Казахстана впервые столкнулось с необходимостью изучения казахского языка. Тем не менее, большинство русских предпочли или переселиться или просто не идти в госсектор, где требовалось знание казахского. В итоге, к 2000

году только 1% русского населения мог изъясняться на государственном языке.

В 1996 году был принят документ «Концепция языковой политики республики Казахстан» с целью успокоить волнения по поводу складывающейся этнолингвистической ситуации. За казахским языком признавался принципиальный статус «основы национальной культуры», чтобы сохранить межэтническое согласие», а также содействовать взаимному обогащению в этнокультурной среде. По программе «Концепции» казахский язык был призван стать языком общения между всеми национальностями и в этом качестве заменить русский. За русским языком признавалась определенная социальная роль, которая четко ограничивалась определенными областями: русский язык как источник научной и технической информации, средство общения с другими странами СНГ. В профессиональной сфере, как отмечалось ранее, проявляется языковая дискриминация (представители определенных профессий должны знать казахский) [Ларюэль, Пейруз: 2007].

Однако число сторонников русского в казахском руководстве все еще настолько велико, что русский язык занимает здесь гораздо более высокие позиции, чем, например, в государствах Балтии или в Узбекистане и еще долго будет их сохранять. Все усилия оттеснить русский язык и поддержать казахский пока мало что изменили. Как и прежде, русский язык является доминирующим в науке, средствах массовой информации и в большой политике. Спор о языках является не межэтническим русско-казахским конфликтом, а, скорее, внутриэтническим конфликтом разных поколений казахов, а также проявлением разницы между городом и деревней, разделяющего Казахстан на два лагеря.

Ларюэль М. и Пейруз С. называют русских жителей Казахстана «русским миром». Это понятие включает в себя русскоязычных и тех, кто ориентирован на русскую культуру, и «выходит далеко за пределы этнических рамок» [Ларюэль, Пейруз 2007: 301]. «Русский мир – это результат сложной российской истории, когда мощные волны эмиграции унесли из страны миллионы подданных Российском империи, затем граждан Советского Союза. Русский мир объединяет все слои российской диаспоры нового и старого зарубежья». Термин не носит территориального или политического характера, а отражает духовное и культурное родство [Русское слово 2003: 18].

Русское население современного Казахстана само по себе не является сплоченной диаспорой, наподобие уйгурской, чеченской, ингушской и т.д., что позволяет говорить о некой политической индифферентности русских Казахстана. Большинство исследователей считает основной причиной данного явления государственное вмешательство. В. Р. Легойда считает, что политика руководства республики «не позволяла…создавать полноценные диаспоральные общности», второй причиной автором был назван относительно небольшой возраст диаспоры. Его точку зрения разделяет и С.А. Панарин говоря о «низком уровне политической активности русскоязычных», также видя в этом определенное влияние со стороны государства. По мнению, М.Н. Губогло, все же основной причиной является «слабая политическая мобилизация русского населения». Согласно приведенным им статистическим данным – 85,8% русских испытывают серьезные затруднения при определении своего отношения к созданию политической организации для русскоязычного населения. Б. Эшмент утверждает, что здесь играют свою роль «сильные отличия по социальному, экономическому и культурному уровню» среди русского населения Казахстана, именно поэтому «успешное представительство своих интересов затрудняется для русских, что они до сих пор не нашли новой идентичности, не могут осознать себя в качестве единой группы» [Русские в Казахстане: эл.ресурс].

В исследованиях В.Н. Резникова по новой русской диаспоре было выявлено, что в норме в групповом сознании суще-

ствует прочная устойчивая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, связь, подтверждаемая тесными корреляциями и являющаяся социально-психологическим законом. В неблагоприятных социально-политических условиях данная связь может разрушаться или становиться обратной, активизирую механизмы психологической защиты, что выражается в росте негативных гетеростереотипов, этнической интолерантности, этноцентризме (в понимании Н.М. Лебедевой) [Резников 2007: 35].

Как отмечают русские и казахи, опрошенные в исследовании Н.М. Лебедевой, проведенном в г. Алма-Аты в 1994 году, русские заимствовали у казахов образ жизни и обычаи (62%), а именно: восточное гостеприимство, уважение к страшим, трудолюбие, терпимость к чужим обычаям и обрядам. Казахи, по мнению опрошенных, заимствовали у русских язык, элементы «европейской культуры», тягу к образованию, интеллигентность, отношение к труду, постоянную работу в городах, совершенствование специальности; негативные заимствования: снижение морального уровня, бюрократизм, безалаберность, нахальство, медлительность, склонность к спиртному, мат [Лебедева 1995: 43].

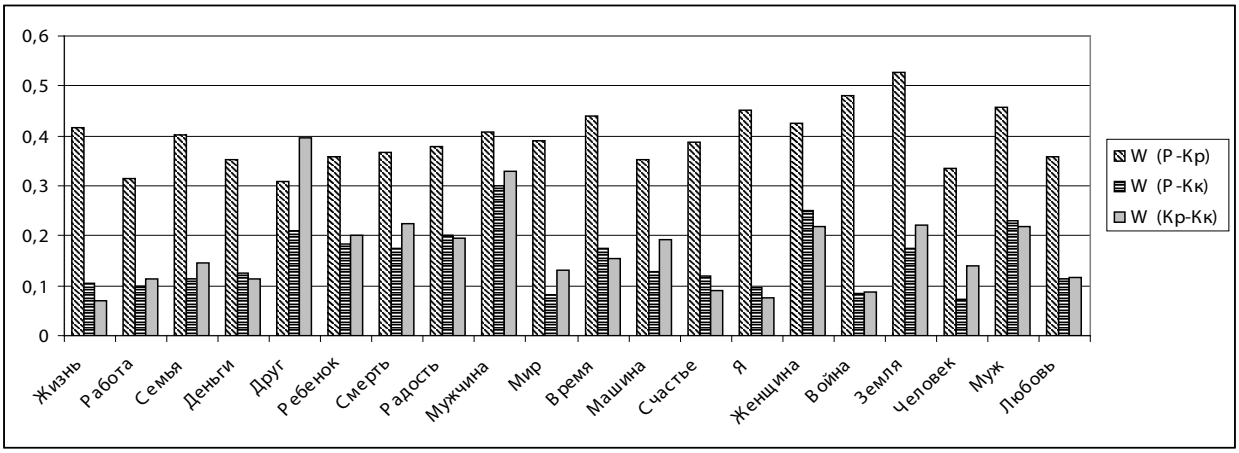
Кроме того, в системе ценностных ориентаций респондентов довольно большое место занимают такие этнические ценности как: остаться русским (важно для 31,3% респондентов), жить среди русских (6,3%), мир и межнациональное согласие (49,7%). Таким образом, русские в Казахстане надеются сохранить позитивную этническую идентичность, не уезжая из республики. А что же значит для респондентов «быть русским»? Для 21,9% опрошенных это значит – жить в России, для 53,1% – говорить на русском языке, для 68,8% – жить русской культурой, для 37,5% – исповедовать православие, для 9,4% – быть представителем России в другой стране. Можно сделать вывод о том, что территориальная принадлежность к Российской Федерации не является главным критерием русскости, а именно культура определят национальность живущих в Казахстане русских. Тем не менее, по данным Н.М. Лебедевой, наблюдается тесная внутренняя связь с Россией. Так при ответе на вопрос «Что вас больше эмоционально задевает?» 53,2% респондентов ответили «когда оскорбляют Россию в целом» (гораздо меньше ответов «оскорбляют меня лично», «меня как русского») [Лебедева 1995: 47].

По результатам анализа полученных в ходе нашего эксперимента ассоциативных

Стимул	Близость ассоциативных полей русских россиян и русских казахстанцев	Близость ассоциативных полей русских россиян и казахов	Близость ассоциативных полей русских казахстанцев и казахов
Жизнь	0,4168	0,105	0,07
Работа	0,3158	0,0992	0,113
Семья	0,4008	0,115	0,1446
Деньги	0,353	0,124	0,114
Друг	0,3096	0,21	0,3948
Ребенок	0,3586	0,1848	0,1996
Смерть	0,3682	0,174	0,2236
Радость	0,3798	0,2016	0,194
Мужчина	0,4072	0,3	0,3296
Мир	0,3914	0,081	0,1298
Время	0,4384	0,175	0,154
Машина	0,352	0,129	0,1932
Счастье	0,3864	0,12	0,091
Я	0,4506	0,096	0,0756
Женщина	0,4264	0,25	0,2178
Война	0,4804	0,085	0,0884
Земля	0,5274	0,174	0,2224
Человек	0,3346	0,074	0,1388
Муж	0,4568	0,229	0,2186
Любовь	0,3568	0,1138	0,116

Таблица 1. Близость ассоциативных полей

График 1



полей респондентов группы Р, группы К и казахов был вычислен коэффициент близости трех указанных ассоциативных полей (W), который представлен в таблице 1 [Григорьев, Кленская 2000].

Указанные данные можно представить в виде графика 1, где

W (Р-Кр) – близость ассоциативных полей русских россиян и русских казахстанцев;

W (Р-Кк) – близость ассоциативных полей русских россиян и казахов;

W (Кр-Кк) – близость ассоциативных полей русских казахстанцев и казахов.

На основе приведенных в таблице и в графике данных можно сделать вывод о том, что в данном случае на языковое сознание не влияет место проживания, а влияет этническая принадлежность: лишь в одном случае (при ответе на стимул «друг») близость ассоциативных полей респондентов, проживающих в Казахстане, оказалась на порядок выше, чем в случае «русские в России и в Казахстане» и «русские россияне и казахи».

Таким образом, даже без анализа конкретных реакций и их удельного веса очевидна высокая степень совпадения в двух группах русских по сравнению с казахами.

Если мы рассмотрим количество ответов в двух группах русских в соответствии с логико-понятийной моделью А.В. Иванова [Иванов 1995], то увидим, что показатели по двум группам отличаются применительно к отдельным стимулам (эти значения выделены в таблице жирным шрифтом). Логико-понятийная модель сознания представляется А.В. Ивановым в виде круга, куда вписан крест, делящий его на четыре части.

В нашем исследовании мы следуем модели А.В. Иванова, разделяя реакции на 4 поля, вписанные в прямоугольник с выделенной 5-й зоной, предназначенной для тех реакций, которые, по нашему мнению, не вошли ни в одну из указанных зон в силу того, что в некоторых случаях трудно отнести ту или иную реакцию в какую-либо конкретную зону из-за многозначности слов и невозможности определить, какое именно значение было выявлено в ходе эксперимента.

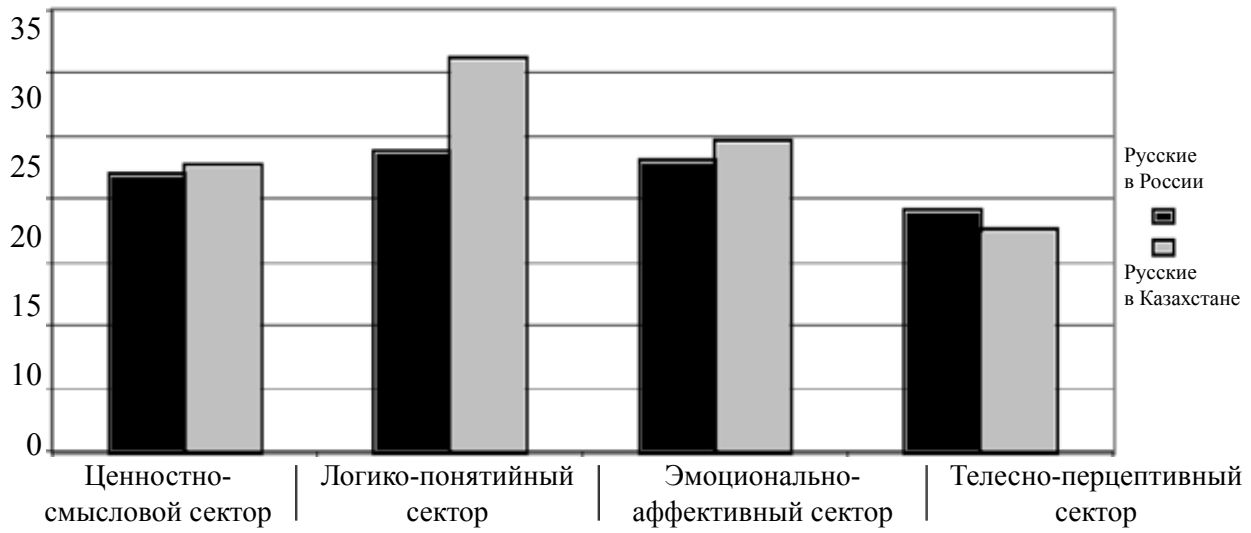
В целом процентное количество реакций по трем секторам практически совпадает в 2-х группах, и разница наблюдается лишь в логико-понятийном секторе, на который в среднем приходится 23,75% в группе Р и 31,03% в группе К (См. Таблица 2 и График 2).

В целом, русскоязычные респонденты, отвечая первым пришедшим в голову словом, описывают понятия, относящиеся именно к этому стимулу (перечисляя характеристики этого понятия) или дают реакции по принципу антонимии, причем в этом случае синонимичные варианты также присутствуют, но встречаются намного реже, чем в ответах казахов, которые, пользуясь богатыми синонимическими рядами казахского языка, дают реакции парадигматического характера.

Таблица 2. Количество ответов по секторам в двух группах русских (в процентах) на каждый стимул и средние значения по каждому сектору для двух групп

Слово-стимул	Ценностно-смысловой сектор		Логико-понятийный сектор		Эмоционально-аффективный сектор		Телесно-перцептивный сектор	
	Россия	Казахстан	Россия	Казахстан	Россия	Казахстан	Россия	Казахстан
Мир	16	16,3	**29,4**	**44,9**	**25,7**	**19,4**	**11,8**	**15.5**
Земля	6,4	9,3	35,3	36,4	**6,4**	**10**	41,7	41
Смерть	13,4	14	**22,5**	**35**	29	29,5	**26,2**	**18,6**
Счастье	**38,5**	**33,3**	**16**	**24,8**	16	18,6	19,3	17,1
Муж	26,2	22,5	**26,8**	**32,6**	**20,3**	**30**	**10,7**	**5,4**
Семья	45	43	**24,6**	**32**	7	8,5	12,3	14,7
Война	25,1	28,6	30,5	32,6	18,2	15,5	13,9	14
Женщина	28,3	27	**21,4**	**28,7**	22,5	25,6	16,6	17,8
Машина	**6,5**	**15,5**	**7**	**21,8**	20,8	22,5	**43,8**	**31,7**
Я	**8**	**22**	**36,9**	**47,2**	20,9	20	**16,6**	**7**
Время	**17,6**	**22,5**	**26,7**	**37**	**35,8**	**28,7**	4,8	7,8
Человек	**26,9**	**19,4**	27,4	28	27,8	28	17	17
Жизнь	35,3	31	**17,6**	**23,3**	28,9	33,3	9,1	13,2
Радость	**10,2**	**22,2**	**29,9**	**34**	11,2	11,7	**37,5**	**31,8**
Ребенок	25	23,3	25,6	31	**16,6**	**24,8**	19,3	15,5
Работа	**33,2**	**27**	**15**	**34**	31	29,5	**12,8**	**5,4**
Любовь	13,4	11,6	**16**	**23,3**	**26,2**	**37**	22,5	22,5
Мужчина	**27,3**	**20,2**	24	27	**26,2**	**31**	17,2	20,2
Друг	**18,7**	**14**	**20,9**	**27**	35,8	33,3	**16,6**	**24**
Деньги	**17,1**	**29,5**	21,4	20	34,8	33,3	11,8	10
Средний показатель по каждому сектору	21,9	22,61	**23,75**	**31,03**	23,06	24,51	19,08	17,51

График 2. Средний показатель по каждому сектору



Наше исследование показывает, что в отличие от приведенных выше точек зрения других авторов (М.Н. Губогло, В.Н. Резников, С.А. Панарин, М. Ларюэль, С. Пейруз), русские казахстанцы не стали казахами только лишь потому, что живут на территории Казахстана. В данном случае происходит как бы «консервация» языкового сознания, а, следовательно, и образа мира русских Казахстанцев. Так, при ответе на некоторые стимулы респонденты группы К дают реакции, зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре» (материал для которого был собран с 1988 по 1998 год), и которые практически отсутствуют в ответах современных русских россиян [Свинчукова 2011].

Кроме того, можно привести анализ самых частотных ответов по всем стимулам в двух группах россиян, из которого видно, что в целом языковое сознание русских в двух группах довольно близко. Для сравнения приведем данные по ядру русского языкового сознания [Уфимцева 1996] (См. Таблицу 3).

Проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- русскоязычные жители Казахстана в силу сложившихся исторических предпосылок не могут считаться в полной мере диаспорой, которая, осознавая свою идентичность, старается отделиться от титульной нации: 20 лет независимости Казахстана не успели коренным образом переменить языковую ситуацию, хотя и наметилась тенденция к укреплению статуса казахского языка и культуры на территории независимого Казахстан;

- тем не менее, статус русского языка остается еще довольно высоким, а престиж русского языка осознается даже молодым поколением казахов, жителей городов, которые, по нашим наблюдениям, предпочитают общаться даже между собой на русском языке, в следствие чего влияние казахского языка на русскоязычных жителей Казахстана либо не осуществляется вообще, либо очень мало (чаще всего русские даже не говорят на казахском языке): в проведенных нами экспериментах русские жители Казахстана всегда отвечали на русское слово-стимул по-русски, в то время как казахи на казахское слово-стимул часто давали перевод или реакцию на русской языке;

- среди казахов отмечается очень большое единодушие при ответе на стимулы в ассоциативном эксперименте, т.е. большинство ответов входит в «смысловое ядро», в отличие от русских, для которых характерна большая «размытость» языкового сознания;

- в целом в ответах казахов стимулы характеризуются как понятия, приводятся многочисленные синонимы слов-стимулов, в ответах русских двух стран б**о**льшую роль играет эмоциональный компонент, хотя для русских казахстанцев понятийный сектор сознания (в терминах А.В. Иванова) важнее, чем для россиян.

Языковое сознание русских в Казахстане можно охарактеризовать как диаспорное в том смысле, что русские в этой стране, безусловно, характеризуются общими чертами, при этом во многом схожими с особенностями россиян. С другой стороны, именно территориальная изолированность русских казахстанцев от страны исхода явилась тем пусковым механизмом, который позволил им сохранить культурные особенности, характерные для русской культуры в целом, а иногда даже и для предыдущего поколения русских, причем эти особенности постепенно утрачиваются современными молодыми россиянами.

Кроме того, представляет интерес тот факт, что казахская культура повлияла на консолидацию русских казахстанцев (например, б**о**льшая ориентированность на другого по сравнению с русскими в России и казахами), к тому же в языковом сознании респондентов группы «русские в Казахстане» преобладает понятийный компонент в большей степени, чем эмоциональный, что сближает их с казахами, а не с россиянами.

Можно говорить о том, что интеграция (в терминах Дж. Берри) выбрана в качестве стратегии аккультурации, эта стратегия определяется гибкостью личности. Возмож-

Таблица 3

ранг	Ядро русского языкового сознания [Уфимцева 1996]	ранг	русские в России	ранг	русские в Казахстане
1	человек	1	человек	1	человек
2	дом	2	дом	2	хорошо
3	нет	3	друг	3	жизнь
4	хорошо	4	хорошо	4	друг
5	жизнь	5	домой	5	дом
6	плохо	6	жизнь	6	деньги
7	большой	7	деньги	7	белый
8	друг	8	счастье	8	домой
9	деньги	9	семья	9	счастье
10	дурак	10,5	вместе	10	мир
11	много	10,5	цвет	11	хороший
12	радость	12	-----	12	семья
14.5	дело	13	вопрос	13,5	день
14.5	думать	14	белый	13,5	жить
14.5	все	15	мужчина	15	радость
14.5	хороший	16	много	16,5	снег
17	день	17	свет	16,5	большой
18.5	лес	18	дорога	18	да
18.5	любовь	19	жить	19	идти
20	работа	20,5	есть	20	дорога
21	говорить	20,5	мир	21,3	далеко
22	быстро	22	любовь	21,3	вместе
23	жить	23	далеко	21,3	маленький
24	есть	24,5	плохо	24	близко
25	ребенок	24,5	большая	25	плохо
26	стол	26,3	я	26,5	моя
27	дорога	26,3	рядом	26,5	вопрос
28	мой	26,3	ребенок	28,5	мужчина
29	разговор	29,5	снег	28,5	я
30.5	плохой	29,5	смерть	30,5	свет
30.5	идти	31	большой	30,5	быстро
32	мужчина	32	день	32,3	мало
33	мир	34,2	мой	32,3	рядом
34	свет	34,2	моя	32,3	умный
35	дерево	34,2	маленький	35,5	много
36	я	34,2	ночь	35,5	жена
37	долго	38	радость	36,3	ночь
38	парень	39	хороший	36,3	дело
39	женщина	40,5	парень	36,3	всё
40	книга	40,5	идти	39	любимый
41	счастье	42,5	люди	40	цвет
42	красный	42,5	красивая	41	мой
43	вода	44,5	всё	42,5	работа
44	очень	44,5	думать	42,5	папа
45	белый	46,5	нет	44,2	люди
46	далеко	46,5	ветер	44,2	мы
47	старый	48	дело	44,2	она
48	всегда	49	близко	44,2	любовь
49	он	50,2	тепло	44,2	ребенок
50.5	сделать	50,2	мальчик	44,2	смерть
50.5	солнце	50,2	яркий	50,3	---
52.5	время	50,2	Россия	50,3	плохой
52.5	мальчик	54	флаг	50,3	черный
54	машина	55,3	любимый	53,3	парень
55	зеленый	55,3	путь	53,3	медленно
56.5	море	55,3	мало	53,3	красивая

56.5	кино	58	жизни	56	дети
58.5	муж	59,3	муж	57	девушка
58.5	нельзя	59,3	солнце	58,5	тепло
60	город	59,3	любимая	58.5	нет
61	маленький	62,1	сила	60,5	ты
62	ответ	62,1	лучший	60,5	большая
63	черный	62,1	черный	62,3	солнце
64	девушка	62,1	быстро	62.3	стул
65.5	боль	62,1	медленно	62,3	путь
65.5	товарищ	62,1	жена	65	горе
67	предмет	62.1	долгий	66,2	враг
68.5	домой	69,2	да	66,2	слабый
68.5	собака	69,2	ехать	66,2	красивый
70	ночь	69,2	девочка	66,2	родина
71.5	вместе	69,2	девушка	66,2	мать
71.5	ничего	69,2	стул	66,2	женщина
73	хлеб	74,2	отдых	72,5	зло
74	его	74,2	работа	72,5	тьма
75	путь	74,2	тьма	74,2	любить

но, русское начеление Казахстана и не является полноценной диаспорой с политической точки зрения, с одной стороны, в силу общего советского прошлого двух независимых в настоящее время стран – принимающей страны и страны исхода, с другой стороны, с точки культурных особенностей русскоязычное общество имеет свои характерные черты, которые, которые подвергаются лишь незначительному влиянию казахской культуры. Русская диаспора неосознанно, а в силу сложившихся экономических, социальных и политических условий предпочла интегрировать с казахской культурой, при этом сохранив русский язык и, следовательно, русскую культуру. При этом русские осознают необходимость мирного сосуществования (поэтому стратегией аккультурации является именно интеграция, а не сепарация). Вспомним исследование Н.М. Лебедевой, которая продемонстрировала важность для русских казахстанцев сохранить мир (что также подтверждается и нашими исследованиями, в которых «мир» – это «дружба», которая очень важна). Кроме того, для представителей русской диаспоры также очень важно «остаться» русским, что по мнению самих респондентов означает «жить русской культурой» (т.е. говорить на русском языке и исповедовать православие).

Литература

Григорьев А.А., Кленская М.С. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 313–319.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь (Словарь ассоциативных норм казахского языка). – Шымкент–М., 1998. – 240 с.

Иванов А.В. Сознание и мышление – М., 1994. – 129 с.

Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Пер. с фр. Григорьевой Т.Н. – М., 2007. – 359 с.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. – М., 1995. – 385 с.

Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. – М., 2003.

Резников В.Н. Задачи этнической психологии // Этническая психология и общество: материалы 1-ой конференции секции этнической психологии при Российском психологическом обществе. – М., 2007 – С. 26–39.

Русские в Казахстане: эмиграция или адаптация http://freeas.org/?nid=421

Русские в современном Казахстане (XX – начало XXI) // эл.ресурс http://kz.ethnology.ru/win/rus-now.html

Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. – М., 2002.

Русское слово. – 2003; №1.

Свинчукова Е.Г. «Мир» глазами русских, казахов и русских казахстанцев: межкультурный диалог (по материалам ассоциативного эксперимента) // Языковой дискурс в социальной практике: материалы. – Междунар. научно-практ. конф. 1–2 апреля 2011. – Тверь, 2011. – С. 239–244.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996, с. 139–162.

В.В. Убушаева

УДК 81

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ В БРИТАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ XX ВЕКА: ПУНКТУАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДВУХ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена пунктуационному оформлению двух однородных членов предложения, связанных союзами. Согласно английским правилам два однородных члена не отделяются друг от друга запятой. Однако в британских научных текстах встречается достаточное количество предложений с разделительной запятой перед союзами and, or, but, not only…but. Автор делает попытку установить тенденции в узусе запятой и факторы, влияющие на постановку или опущение знака между двумя однородными членами предложения в британском научном стиле XX века.

Ключевые слова: научный стиль, британский вариант, пунктуация, два однородных члена, предложение.

Valentina V. Ubushaeva

BRITISH ENGLISH SCIENTIFIC STYLE OF THE 20 TH CENTURY: PUNCTUATION OF TWO HOMOGENOUS MEMBERS OF THE SENTENCE

The article is devoted to the punctuation of two homogenous members of the sentence. According to English punctuation rules two homogenous members of the sentence don’t separate from each other but in British scientific texts of the 20th century there are many examples in which a comma is used before the conjunctions and, or, but, not only…but. The author tries to reveal tendencies in the comma usage and factors which influence the punctuation of two homogenous members of the sentence in British scientific style of the 20th century.

Key words: scientific style, British English, punctuation, two homogenous members, sentence.

В последнее время исследователи из двух форм речи, больше внимания уделяют устной форме. Между тем, именно письменный текст – основа распространения знаний и обучения языкам. В нашей стране ежегодно проводится огромное число международных научных конференций, различных симпозиумов, встреч и консультаций на английском языке. Хотя общение осуществляется в устной форме, все материалы научных мероприятий, как правило, отображаются в письменной форме, письменной же речью невозможно овладеть без умения ставить знаки препинания. А ведь именно с помощью письменной речи человечество передает свои знания и опыт из поколения в поколение. Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости и актуальности исследований в области пунктуации.

Цель исследования заключается в установлении реальной практики использования запятой в научном стиле XX в. при пунктуационном оформлении двух однородных членов предложения, в выявлении новых тенденций в пунктуации посредством сопоставления узуса и нормы.

Данная статья является частью исследования британской и американской пунктуации в научном стиле XX в. Источниками для отбора фактического материала послужили британские научные гуманитарные тексты (XX в.): журналы по проблемам образования, филологии, истории, литературы, монографии, посвященные вопросам грамматики, языка, синтаксиса, пунктуации, британского варианта английского языка, отдельные статьи по пунктуации с учетом хронологических срезов: (1) первая половина XX в.; (2) вторая половина XX в. (общий объем материала составляет около 11 тыс. страниц). Для более аутентичного анализа вторая половина XX в. была разбита на более мелкие временные зоны: 50-е годы XX в.; 60-е годы XX в.; 70-е годы XX в.; 80-е годы XX в.; 90-е годы XX в. Фактический материал по запятой составляет около 1500 единиц.

Интерес к данной проблеме объясняется тем, что еще в XIX в. Дж. Вилсон писал: «Между двумя словами одной и той же части речи, соединенными союзами and, or, nor, запятая не ставится» [Wilson 1856: 28]. Это правило остается актуальным и в 50-60-е годы XX в. [Кобрина, Малаховский 1958: 56]. На практике в британских научных текстах XX в. встречается достаточно примеров, в которых перед союзом либо ставится запятая, либо опускается.

а) *Два однородных подлежащих с зависимыми словами*. На практике в 1-ой половине XX в., как показал анализ фактического материала, два однородных подлежащих, соединенных союзом, отделялись запятой друг от друга в том случае, если каждое подлежащее при себе имело зависимые слова, т.е оба подлежащие были распространенными: *But journalists now and then, // and writers with more literary ambition than ability generally, // overdo the thing till it becomes an affectation* [Fowler 1940: 235]. После второго однородного подлежащего с зависимыми словами перед сказуемым, как видим, поставлена запятая. Тенденция разделение запятой двух однородных подлежащих с зависимыми словами, соединенных союзом, а также употребление запятой перед сказуемым остается в пунктуации и в 50-90-е годы.

б) *Два однородных сказуемых в структуре предложения a and (or) b*. Пунктуационное оформление двух однородных сказуемых, на наш взгляд, представляет особый интерес. На практике в научных текстах 1-ой половины XX в. запятая встречается чаще, 90 % предложений перед союзом содержат знак. Результаты анализа позволяют сделать вывод, что на протяжении XX века постепенно формировалась тенденция опущения запятой перед союзом. Уже в 50-е годы только около 60 % предложений перед союзом содержало запятую. Это привело к тому, что в 60-е и 70-е годы устанавливается тенденция вариативности в употреблении запятой. В 80-е и 90-е годы, тенденция опущения знака становится основной (В 90-е годы 70% однородных сказуемых не

разделяются запятой.) Что же влияет на постановку или опущение знака препинания перед союзом – возможно, наличие или отсутствие зависимых слов при сказуемых, их длина, связь или отсутствие таковой между сказуемыми?

Рассмотрим ряд примеров, постараемся выяснить, влияет ли на постановку знака наличие зависимых слов при сказуемых. (1) *It should be added that the book is written rather from the compositor's than from the author's point of view, // and illustrates the compositor's natural Weakness <...>* [Fowler 1940: 228]. В предложении 1 и первое сказуемое *"is written"*, и второе сказуемое *"illustrates"* имеют при себе зависимые слова. Сказуемые соединяются союзом *and*, перед которым автор ставит запятую. На наш взгляд, между сказуемыми нет тесной связи. В следующем примере 2 также оба сказуемые имеют зависимые слова. Однако запятая опущена. Если принять во внимание связь между сказуемыми, то в этом предложении оба сказуемые тесно связаны. (2) *I cannot do it, now conveys a further assurance that the speaker would have been delighted to do it yesterday || or will be quite willing tomorrow* [Fowler 1940: 237]. (3) *These effects are subordinate, || and must not be allowed to conflict with the main object; <...>* [Fowler 1940: 234]. В предложении 3 первое сказуемое не содержит зависимых слов, второе, наоборот, имеет при себе зависимые слова. Перед союзом поставлена запятая. Между сказуемыми нет тесной связи. Возьмем аналогичный пример, но в котором перед союзом запятая опущена. (4) *A special form of this, in protest against which we shall give five examples, each from a different well-known author, is when the subject includes // and ends with a defining relative clause, after which an illogical comma is placed* [Fowler 1940: 249]. При первом сказуемом зависимые слова отсутствуют, однако, при втором сказуемом зависимые слова имеются. Запятая опущена. Связь между сказуемыми – тесная. Выразим структуру сказуемых, в приведенных примерах, таким образом:

1-е сказуемое (зависимые слова), *and/or* II-е сказуемое (зависимые слова) – связь не является тесной.

1-е сказуемое, *and/or* II-е сказуемое (зависимые слова) – связь не является тесной.

1-е сказуемое (зависимые слова) *and/or* II-е сказуемое (зависимые слова) – связь тесная.

1-е сказуемое *and/or* II-е сказуемое (зависимые слова) – связь тесная.

Как видим, наличие зависимых слов или их отсутствие на пунктуацию двух сказуемых в подобных случаях не влияет. Постановка запятой зависит от связи между сказуемыми. Таким образом, при тесной связи запятая опускается, при отсутствии тесной связи запятая ставиться.

Рассмотрим пример 5, представляющий особый интерес. (5) *The objection is quite just, // and shows how soon the powers of the four stops are exhausted if relentlessly worked* [Fowler 1940: 233]. В примере 5 при первом сказуемом *"is just"* имеется наречие quite, второе сказуемое *"shows"* имеет зависимые слова, которые выражены придаточным предложением *"how soon the powers of the four stops are exhausted if relentlessly worked."* В данном случае на постановку запятой, и анализ предложений доказывает это, влияет наличие слова quite при первом сказуемом. Следует напомнить, что в 1-ой половине XX в. существовало правило: если первое из двух однородных членов, связанных союзом, определяется предшествующим прилагательным или наречием, которое не подходит по смыслу второму, то перед союзом обязательно ставится запятая. Однако из свода правил оно исчезло, хотя, как показывает анализ примеров, на практике в британских научных текстах правило продолжает использоваться.

В правилах II-ой половины XX в.(50-е годы) по вопросу пунктуирования двух однородных членов предложения существовали разногласия. Постановка или опущение запятой между двумя однородными членами с союзом, считает Э. Партридж, полностью зависит от желания автора выделить

то, или другое слово. Э. Партридж разбирает следующее предложение: *"Jack, and Jill, went up the hill."* Он пишет, что, если автор хочет сделать слово более выразительным, он поставит запятые перед *"and Jil"* и после. Многие авторы, желая сделать оба слова выразительными, вторую запятую опускают (перед *man*), как в примере: *"He was able, and dishonest man."* Сам Э. Партридж не одобряет подобную пунктуацию, поскольку он уверен, что подобное опущение запятой производит странный эффект [Partridge 1955].

В руководствах по пунктуации 60-х годов продолжают указывать, что два однородных члена, связанных посредством союза and или or, запятой обычно не разделяются [Кобрина, Малаховский 1959:56; Carey 1958: 43]. Однако добавляется, если однородные члены, соединенные союзом and или or, имеют при себе зависимые слова, они могут разделяться запятой: *"I'll give you more shillings than you ever saw, // and bring you back soon."* [Ch. Dickens] Н.А. Кобрина и Л.В. Малаховский допускают иногда разделение запятой также нераспространенных членов, обычно – однородных сказуемых: *"Joss clasped his hands, and cried."* [W.M. Thackeray] Пример приводится вышеназванными авторами [Кобрина, Малаховский 1959]. "*Clasped*" и "*cried*", по их мнению, – однородные нераспространенные сказуемые. Однако, на наш взгляд, "*his hands*" при первом сказуемом является зависимой фразой, поэтому сказуемые никак не могут считаться нераспространенными. В словаре-справочнике лингвистических терминов дается следующее определение: член предложения, не имеющий при себе пояснительных (согласуемых, управляемых, примыкающих) слов – называется нераспространенным членом предложения [Розенталь 1976: 203]. Мы считаем, что на постановку запятой в вышеуказанном примере влияет связь между сказуемыми. Между однородными сказуемыми нет тесной связи, поэтому запятая является уместной.

По мнению Д. Кэри между двумя однородными сказуемыми с союзом *and* или *or* запятая не нужна, так как оба сказуемые относятся к одному подлежащему и поэтому между собой они очень тесно связаны по смыслу [Carey 1958:46].

Л.Н. Скляр также поддерживает это мнение. Согласно его точке зрения два сказуемых, соединенных союзами *and, or, either… or, as well as, neither…nor*, не отделяются запятой друг от друга [Sklar 1972: 15]. Тем не менее, он допускает: «если первое сказуемое имеет зависимые слова, то запятая ставится перед союзом (Для изоляции обособления)». В.Л. Каушанская в правилах пунктуации двух однородных членов с союзом and или or пишет также об опущении запятой перед союзом [Каушанская 1973:311]. Она приводит примеры: *"She nodded and smiled. He went out heavily and shut the door behind him."* На наш взгляд, опущение запятой перед союзом в приведенных примерах вполне оправдано, так как между сказуемыми тесная связь.

Фактический материал нашего исследования свидетельствует о том, что в 50-е годы два однородных сказуемых чаще разделяются запятой. В научном стиле этого периода встречается около 60% примеров, в которых перед союзом стоит запятая. Начиная с 60-х годов и до конца века, в пунктуировании прослеживается формирование тенденции опущения знака, так как в конце 90-х годов в британских научных текстах 70% примеров не содержат запятую. Объяснить это можно тем, что в некоторых предложениях сказуемые близки по смыслу, в других предложениях, вероятно, отмечается одновременно зарождающаяся тенденция опущения запятой даже между сказуемыми, которые далеки по смыслу. Таким образом, в конце XX века на постановку запятой между двумя сказуемыми влияют те же факторы, что и в 1-ой половине XX века: (1) отсутствие тесной связи между сказуемыми; (2) наличие наречия или прилагательного при первом сказуемом.

в) *Два однородных сказуемых в структуре предложения a, but b.* Два однородных сказуемых в 1-ой половине XX в. могли соединяться также союзом but. Согласно прави-

лам перед союзом рекомендовалось ставить запятую. Анализ предложений показал, что для этой временной зоны характерна постановка запятой перед союзом.

Во II-ой половине XX в. (50-е годы) единой точки по поводу пунктуирования двух однородных сказуемых с союзом but не было. Д. Кэри писал, что у него нет возражений против запятой перед союзом *but*. [Carey 1958:46]. В предложении ниже после place, подчеркивает он, можно ставить запятую, но два сказуемых имеют одно подлежащее, тесно связаны по смыслу, поэтому Д. Кэри уверен, что запятую перед but можно опустить: *"The favourite at that point was in the third place // but was still full of running."* По Н.А. Кобриной и Л.В. Малаховскому «Два однородных члена, соединенных при помощи противительных союзов but или not only… but, а также при помощи соединительного союза nor, имеющего отрицательное значение, обычно разделяются запятой» [Кобрина, Малаховский 1958:57]. Это правило не относится к оборотам с предлогом but «кроме», который омонимичен союзу *but* «но». Следует также отметить, что перед союзом *but*, вводящим нераспространенный однородный член предложения, запятая часто не ставится, считают Н.А. Кобрина и Л.В. Малаховский. В этот период большинство специалистов склоняются к тому, что союз *but* вводит второе сказуемое, которое обязательно будет контрастным по отношению к первому сказуемому и тогда следует ставить запятую (Для выделения контраста). Фактический материал 50-х годов показывает, что, в подобных случаях, в британском научном стиле почти всегда ставилась перед союзом *but* запятая.

Результаты исследования позволяют считать, что два однородных сказуемых с союзом but употреблялись чаще с запятой в период с начала XX в. и по 60-е годы XX в. включительно. Однако в 70-е годы в данном случае устойчивой тенденцией становится тенденция вариативности, ведущая к тому, что в 80-е и 90-е годы XX в. доминирующей тенденцией становится тенденция опущения запятой. Аналогичная ситуация наблюдается и в двух однородных сказуемых, соединенных противительным союзом *not only ..., but*. К концу века главной тенденцией становится тенденция опущения запятой перед *but*.

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы: (1) В конце 90-х годов XX века между двумя сказуемыми, соединенными союзом *and* или *or* ставилась запятая: а) при отсутствии тесной связи между сказуемыми; б) при наличии наречия или прилагательного при первом сказуемом. (2) В пунктуировании двух однородных сказуемых в конце XX века отмечается тенденция опущения запятой даже со сказуемыми, у которых нет тесной связи. (3) В конце века для двух однородных сказуемых с союзом *but* характерна тенденция опущения запятой. (4) В 70-х, 80-х, 90-х годах при пунктуационном оформлении двух однородных сказуемых, соединяющихся противительным союзом *not only…but*, ведущей тенденцией является тенденция опущения запятой перед *but*.

Литература

Кобрина Н.А., Малаховский Л.В. Английская пунктуация: учеб. пособие. – М.: Изд-во лит-ры на иностр.яз., 1959. – 110 с.

Розенталь Д.З., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: словарь. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

Carey, G.V. Mind the Stop. A Brief Guide to Punctuation with a Note of Proof Correction. – Cambridge: Univ. Press, 1958. – 130 pp.

Fowler H.W., Fowler F.G. The King's English. 3ed. – Oxford: Clarendon Press, 1940. – 383 pp.

Partridge E. You have a Point there. – London: Hamilton, 1955. – 230 pp.

Sklar L.N. Modern English Punctuation. – Moscow: Higher School Publishing House, 1972. – 107 pp.

Wilson J. Treatise on English Punctuation. – Boston: Crosby, Nicholand Co., 1856. – 334 pp.

ТУРИЗМ:
НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ю.С. Путрик, П.И. Караневский

УДК 338.48

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Статья посвящена проблеме выбора и использования терминов и понятий в сфере туризма и однозначной формулировки их определений. Пути решения этой проблемы авторы статьи видят в организации регулярной работы коллектива специалистов и ученых по созданию энциклопедического словаря для применения всеми субъектами, работающих в сфере туризма.

Ключевые слова: понятийно-терминологическая база, термины, определения, туризм, путешествия.

Yuri S. Putrik , Petr I. Karanevskiy

ISSUES AND TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM TERMINOLOGY

The article is devoted to the problem of the use and choice of terms and concepts in the sphere of tourism as well as to the issue of their straight for word definition. The authors see a solution of this problem lieing in organization of regular work by a team of experts and scientists to create a glossary for the use of everyone working in tourism.

Key words: concepts and vocabulary, terms, definitions, tourism, travel.

Туризм как наиболее высокодоходная и динамично развивающаяся отрасль мирового хозяйства, а для многих стран – важнейший фактор экономического развития, требует к себе более серьёзного отношения, чем это пока принято в России, имеющей предпосылки для развития въездного и внутреннего туризма. Однако государство постепенно реализует свою роль в развитии общей инфраструктуры, за этим следует формирование туристской инфраструктуры, благодаря инвестициям в районы с привлекательными туристскими ресурсами. Чем больше средств направляется на формирование туристской базы, тем острее проблема их эффективного использования. При этом выявляется необходимость проведения научных исследований в сфере туризма, и, как это часто бывает в науке, на первый план выходит проблема взаимопонимания участников этих исследований.

Эффективность научных исследований во многом является следствием корректной и адекватной понятийно-терминологической базы, принятой научным сообществом как язык профессионального общения. В этом плане существуют проблемы, отражающие состояние научного знания в такой многопрофильной сфере как туризм. Выразительным показателем необходимости единого понятийно-терминологического аппарата в туризме является обилие словарей и глоссариев, содержащих различные наборы терминов и понятий с различными их определениями (см. список словарей). Противоречия в них ложатся тяжелым бременем на всю туристскую науку и практику, вызывая споры между специалистами, в основном, именно терминологического характера и внося путаницу в образовательный процесс.

Как ни странно, путаница начинается с определения понятия «туризм».

В соответствии с рекомендациями Всемирной Туристской Организации (UNWTO), туризм – это деятельность лиц, которые путешествуют и осуществляют пребывание в местах, находящихся за пределами их обычной среды обитания, в течение срока, не превышающего одного года подряд, с целью отдыха, а также с деловыми и прочими целями [Рекомендации по статистике туризма... 1993]. Примерно тот же принцип главенствования путешествий (поездок) физических лиц за пределы своей обычной среды положен в основу определения туризма в федеральном законе «Об основах туристской деятельности в РФ». Туризм – это временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания [О внесении изменений в Федеральный закон... 2007].

В этом определении расширены, по сравнению с определением UNWTO, цели поездок и уточнено важное положение, что пребывание вне своей обычной среды не должно быть связано с занятием оплачиваемой деятельностью. Группой специалистов Национальной академии туризма (НАТ) уточнено, что такое занятие не должно оплачиваться только лишь из местных источников, поскольку иначе из числа туристов (и из статистики) оказываются устранёнными лица, посещающие страну с профессионально-деловыми целями [Азар, Акишин и др. 1996]. В итоге определение туризма в данном варианте выглядит так: туризм – временное перемещение людей с места своего постоянного проживания в другую страну или другую местность в пределах своей страны, в свободное время, в целях получения удовольствия и отдыха, оздоровительных и лечебных, гостевых, познавательных, религиозных или в профессионально-деловых целях, но без занятия оплачиваемой деятельностью из источника в посещаемом месте.

Другие исследователи и специалисты туристской отрасли подчеркивают, что туризм – это в первую очередь активный отдых. Именно так определяет туризм Манильская декларация по мировому туризму 1980 года: туризм – один из видов активного отдыха, представляющий собой путешествия, совершаемые с целью познания тех или иных районов, новых стран и сочетаемые в ряде стран с элементами спорта [Манильская декларация 1980]. Примерно так же определяется туризм рядом российских исследователей – перемещения в пространстве в свободное от работы время с целью отдыха, познания, нравственного и физического развития (См., например, [Васильев 1998]). Аналогичное определение приведено в законе Республики Казахстан: туризм – система и форма проведения человеком активного отдыха с целью познания тех или иных регионов, государств, их культуры и традиций и связанное с этим передвижение за пределами постоянного места жительства [«О туризме». Закон Республики Казахстан 1998]. Республика Бурятия (субъект Российской Федерации!) в своем законодательстве также определяет туризм как вид активного отдыха, что расходится с определением, принятым в Федеральном законе. (Туризм – система проведения отдыха с оздоровительной, познавательной или спортивной целью посредством путешествий и связанное с этим временное пребывание за пределами постоянного места жительства. См. [«О туризме». Закон Республики Бурятия 1996]). И таких расхождений множество. По мере совершенствования регионального законодательства эти противоречия постепенно сглаживаются, однако терминологическое поле туристской деятельности выходит далеко за рамки нормативно-правовых документов и развивается по своим логическим принципам, привнося в оборот новые, или псевдоновые термины, определения и понятия, одни из которых приживаются надолго, а другие исчезают вместе с «модой».

К третьей группе дефиниций следует отнести те, что трактуют туризм как вид предпринимательской деятельности или как отрасль экономики. Так, по В.С. Сенину, туризм – это предпринимательская посредническая деятельность по оказанию посетителю услуг, связанных с планированием и организацией поездки, оптовой покупкой и реализацией пакетов-услуг, обеспечивающих путешествие [Сенин 2003]. Закон Республики Молдова определяет туризм как отрасль национальной экономики с комплексными функциями, включая имущество и услуги, предоставляемые для потребления лицам, путешествующим за пределами своей обычной среды в течение менее одного года с иной целью, нежели осуществление оплачиваемой деятельности в посещаемом месте [«О туризме». Закон Республики Молдова 2008].

Четвертую группу составляют определения, относящие туризм к социальной сфере. Так, в проекте федерального закона «О туризме и туристской индустрии» было записано, что туризм – составная часть социальной сферы Российской Федерации, включающая свободные передвижения (путешествия, поездки) физических лиц и / или их пребывание за пределами обычной среды в течение периода, не превышающего 12 месяцев подряд, с целью отдыха, деловыми и другими целями [Проект Федерального закона... 2003].

Другие определения (а всего их более трех десятков), в той или иной степени повторяют основные положения указанных выше четырех групп. Все эти определения можно, в конце концов, объединить в две смысловые категории: 1) Туризм как свободные групповые и индивидуальные передвижения людей (именуемых туристами) с любыми целями (превалируют цели познания и отдыха), кроме поездок с целью заработка; 2) Туризм как предпринимательская деятельность других лиц (не туристов) с целью извлечения прибыли путем обеспечения этого самого передвижения.

Обратимся к понятию «турист». Основой большинства его определений является характеристика туристов как лиц, до-

бровольно и временно переменивших свое место жительства с любой целью, кроме заработка [Энциклопедия туриста 1993]. В разных документах более или менее полно уточняются цели передвижения туристов (получение удовольствия, отдых, познание новых мест и территорий, лечение, религиозные потребности, деловые интересы и т.д.), устанавливается период, в течение которого такое перемещение можно считать временным (По разным источникам от 24 часов до 6 или 12 месяцев подряд, после чего турист переходит в ранг эмигранта). Но основа любого известного определения понятия «турист» во всех случаях одна – всегда временный и добровольный выезд человека из постоянного места жительства самостоятельно или с помощью предпринимателей (посредников) и не для заработка. Такое понятие вполне корреспондируется с первой частью понятия «туризм», так что вполне обоснованно можно считать, что турист – это лицо, занимающееся туризмом [Словарь иностранных слов 1984]. Но этому, как ранее было отмечено, препятствует вторая часть определения туризма как вида предпринимательской деятельности, поскольку считать туристом лицо, занимающееся организацией поездок никак нельзя.

Выход из этого противоречия указывает определение UNWTO видов деятельности в туризме. «Большинство определений туризма базируется на спросе и рассматривает туризм в качестве совокупности услуг и продуктов, приобретаемых туристами, независимо от того, каким образом определяются туристы. Это означает, что один и тот же продукт или услуга будет или не будет относиться к связанной с туризмом экономической деятельности в зависимости от определений потребителя, а не в зависимости от характера продукта или услуги. При таком подходе все отрасли в некоторой степени являются элементами этой всемирной деятельности, обусловленной расходами туристов. Не существует никакого вида деятельности в туризме, и вид деятельности приобретает туристский характер, только если использование произведенных им товаров и услуг связано, в основном, с туризмом. Виды экономической деятельности в современных классификациях определяются в соответствии с товарами и услугами, создаваемыми производственными единицами, в то время как экономическая деятельность в области туризма до настоящего времени определяется в соответствии с товарами и услугами, потребляемыми институционными субъектами туризма – посетителями, туристами и однодневными посетителями» [Цит. по: Проект стандартной международной классификации... 1993: 5–6]. Таким образом, UNWTO не считает возможным определять «туризм» как вид предпринимательской деятельности, поскольку эта деятельность относится к туризму лишь постольку, поскольку производимые ею результаты (товары, услуги, работы) потребляются туристами.

Следовательно, у нас остается следующее определение: туризм – это временные и свободные передвижения человека, или групп людей, именуемых туристами, с любыми целями, кроме заработка в месте временного пребывания. Данное определение может быть дополнено положениями о периоде временного отсутствия туриста в месте постоянного жительства, указаниями на источники средств для поездок и конкретизировано перечислением целей такого отсутствия. (Определение путем перечисления свойств в системах классификации используется, но зачастую сделать это затруднительно. К примеру, ни по одному определению нельзя отнести к категории туристов лиц, выезжающих для посещения больных родственников. Правильнее поэтому, ограничиться перечислением только тех свойств, которыми предмет не обладает.) Что же касается предпринимательской деятельности в сфере туризма, то она легко вписывается в понятие «индустрия туризма».

При определении понятия «индустрия туризма» (туристская индустрия, туристская отрасль и проч.) могут быть применены два подхода. Один из них основан

на перечислении всех элементов индустрии, что не всегда эффективно, поскольку полнота определения зависит от обоснованности и тщательности перечисления. Согласно Федеральному закону «Об основах туристской деятельности», туристская индустрия представляет собой совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов санаторно-курортного лечения и отдыха, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, лечебно-оздоровительного, физкультурно-спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, операторов туристских информационных систем, а также организаций, предоставляющих услуги экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников [О внесении изменений в Федеральный закон... 2007]. На первый взгляд, в приведенном определении много спорных моментов. К примеру, вряд ли справедливо включать в индустрию (*Индустрия (от лат. industria – деятельность) – промышленность.* См. [Словарь иностранных слов... 1984]) туризма объекты познавательного назначения (к примеру, египетские пирамиды или Кремль), которые ничего не производят. Вместе с тем средства транспорта, объекты развлечения и торговли, являющиеся средствами привлечения туристов, традиционно относятся к инфраструктуре туризма (*Инфраструктура – составная часть экономического устройства экономической или политической жизни, носящая подчиненный, вспомогательный характер и обеспечивающая деятельность экономической или политической системы в целом.*).

С приведенным выше определением индустрии туризма можно согласиться только в случае, если принять, что объекты индустрии (гостиницы, средства транспорта, объекты познавательного и прочего назначения) производят нечто, некий товар, который туристами потребляется и что, таким образом, позволяет использовать для их характеристики понятие индустрия. И такой товар действительно есть. Причем, поскольку этот товар уже по определению потребляется туристами, то, как следствие из вышеприведенного определения UNWTO, деятельность по производству этого товара, несомненно, относится к туристской. Ничто не мешает назвать этот товар туристским продуктом.

Следовательно, туристский продукт – это все производимые туристской индустрией и потребляемые туристами услуги, работы и товары, а также природно-климатические, рекреационные, познавательные, социально-бытовые ресурсы, объекты культурного наследия и иные объекты туристского показа, включая особо охраняемые природные территории, в том числе лечебно-оздоровительные местности и курорты, способные удовлетворить духовные и интеллектуальные потребности туристов, содействовать восстановлению и развитию их физических сил, поддержанию нормальной жизни и деятельности.

Таким образом, под туристским продуктом будем понимать, *во-первых,* потребляемые туристами услуги, работы и товары, то есть все то, что производится объектами туристской индустрии; *во-вторых,* все то, что привлекает туристов, ради чего, собственно, они и отправляются вдаль из родных мест, все природно-климатические, рекреационные, познавательные, социально-бытовые ресурсы, объекты культурного наследия и иные объекты туристского показа, способные удовлетворить духовные и интеллектуальные потребности туристов, содействовать восстановлению и развитию их физических сил, поддержанию нормальной жизни и деятельности, включая особо охраняемые природные территории, в том числе лечебно-оздоровительные местности и курорты. Первая часть приведенного определения относится к потребляемой части туристского продукта (назовем ее активной частью), вторая – к пассивной, поскольку при, так сказать, «ее потреблении» она остается не-

изменной. Пассивная часть туристского продукта – это то, что обычно называют туристскими ресурсами.

Тогда туристская индустрия – это сфера активной части производства туристского продукта; туристские ресурсы составляют пассивную часть, а туризм – сфера потребления туристского продукта туристами.

Как видим, многоликость туризма порождает многообразие подходов к пониманию и толкованию базовых и сопутствующих терминов и дефиниций. Определенный терминологический прогресс происходит и в законодательной базе туризма в Российской Федерации, когда на определенном этапе был расширен и существенно уточнен туристский понятийный аппарат. Так, в результате поправок, внесенных в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» произошло кардинальное изменение в определении понятия «туристский продукт», который, наконец, перестал быть пресловутым «правом на тур, предназначенным для реализации туристу» и обрел свое более близкое к истине определение как «комплекс услуг по перевозке и размещению…» [О внесении изменений в Федеральный закон... 2007]. Впервые в Российском туристском законодательстве появились профессии «экскурсовод», «гид-переводчик», «инструктор-проводник». Расширены понятия «туристская индустрия» и «социальный туризм» [Там же].

При существующих понятийно-терминологических проблемах, работа в туризме не останавливается, ценой определённых усилий в каждом конкретном случае [Путрик, Костяев, Караневский 2006: 27–28]. Практики, не имея однозначно понимаемых терминов, должны подробно объяснять каждую позицию в туристской документации. Авторы научных работ прилагают к ним словари, не беспокоясь о том, что коллега публикует иное определение тех же терминов. Законодатели используют рекомендации известных им специалистов, фактически повторяя ситуацию с публикацией научных работ. Студенты используют противоречивые определения из научных работ и учебников, в результате чего новое поколение специалистов воспринимает, аккумулирует и передаёт следующему поколению большее количество проблем.

Накопленный опыт в области терминологического обеспечения сферы туризма с его разночтениями и противоречиями, как отражение многосложности туристского процесса, требует дальнейшего осмысления, а каждый термин – специальной и всесторонней проработки. Такая работа может быть проведена на уровне создания туристского энциклопедического словаря силами Международной Туристской Академии, с привлечением широкого круга ученых и специалистов, при поддержке государства.

Литература

Азар В.И., Акишин В.Н., Биржаков М.Б., Маринин М.М., Путрик Ю.С. Туристские дефиниции // Туристские фирмы. 1996. Вып.11.

Васильев А.Л. Туризм – понятие и сущность // Туристские фирмы. – СПб, 1998. Вып.15.

Путрик Ю.С., Костяев Н.П., Караневский П.И. Найти общий терминологический язык. // Национальный туристский журнал «Туристские фирмы» Международной Туристской Академии (МТА). Выпуск 39 (7). – СПб., Издательство «Невский фонд», 2006. – С. 208, 27–28 с.

Манильская декларация по мировому туризму. Принята Всемирной конференцией по туризму. Манила (Филиппины), 1980.

«О туризме». Закон Республики Казахстан № 1508-XII 1992 г. с изменениями, внесенными Законом № 259 от 1.07.1998.

«О туризме». Закон Республики Бурятия // Российский туристский бюллетень М.,1996. № 3(9). Сенин В.С. Краткий толковый словарь основных профессиональных терминов, понятий и определений, применяемых в туризме. – М., 2003.

«О туризме». Закон Республики Молдова. Международное туристское право. Законодательство государств-участников СНГ в сфере туризма / М.Б. Биржаков, К.А. Пшенко. – СПб.: Невский Фонд, 2008.

Проект Федерального закона «О туризме и туристской индустрии в Российской Федерации» // Туризм: Право и экономика 2003. № 2.

Рекомендации по статистике туризма. Всемирная туристская организация. WTO – Madrid – Spain. 1993. С. 2.

О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Федеральный закон Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 12-ФЗ // Российская газета, 9 февраля 2007.

Проект стандартной международной классификации видов деятельности в туризме. / Секретариат ООН, Distr. GENERAL PROVISIONAL ST/ESA/STAT/SER.M/83 8 September 1992 RUSSIAN ORIGINAL. Принят Статистической комиссией ООН в качестве временной классификации, март 1993 г. С. 5-6.

Словари и энциклопедии

Краткий словарь международной туристкой терминологии. – М., 1980.

Англо-русский толковый словарь по бизнесу / под общ. ред. П.Ф. Петроченко. – М., 1992.

Энциклопедия туриста / Редкол.: Тамм Е.И. (гл. ред), Абуков А.Х., Александров Ю.Н. – М., 1993.

Зорин И.В., Квартальнов В.А. Толковый словарь туристских терминов: Туризм. Туристская индустрия. Туристский бизнес. – М.-Афины, 1994.

Выезжающему за границу. Справочник. – М., 1997.

Большой Глоссарий терминов международного туризма / The Great Glossary of Terms for the International Turism / под ред. М.Б. Биржакова, В.И. Никифорова. – СПб., 2002.

Туризм, гостеприимство, сервис: Словарь-справочник / под ред. Л.П. Воронковой. – М., 2002.

Сенин В.С. Краткий толковый словарь основных профессиональных терминов, понятий и определений, применяемых в туризме. – М., 2003.

Сенин В.С. Туризм: мини-словарь. – М., 2004.

Простаков И.В. Иностранные термины в турбизнесе: краткий толковый словарь. – М., 2005.

Рябова И.А., Исмаев Д.К., Путилина С.Н. Словарь международных туристских терминов (русско-английско-французско-немецкий). – М., 2005.

Словарь иностранных слов. – М., 1984.

Энциклопедия туриста / Редкол.: Е.И. Тамм (гл. ред.), А.Х. Абуков, Ю.Н. Александров и др. – М., 1993.

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

В.В. Атаман

УДК 332.146

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НОРВЕГИИ

В статье описывается государственное регулирование как одно из важнейших направлений экономической политики Норвегии. Правительство Норвегии ставит перед собой цель – сделать экономику Норвегии одной из ведущих инновационных и динамично развивающихся в мире в рамках тех отраслей, в которых у страны есть конкурентные преимущества. Государственное регулирование осуществляется косвенными и прямыми методами. Косвенные методы государственного регулирования подразумевают поддержку инновационных проектов в промышленности и торговле, стратегических научных исследований, поощрение международного коммерческого сотрудничества. В рамках прямых методов государственного регулирования правительство Норвегии селективно видоизменяет развитие стратегических приоритетных отраслей экономики, таких как энергетика, судостроение, рыболовство и рыборазведение, туризм с их ориентацией на защиту окружающей среды.

Ключевые слова: экономическая политика, государственное регулирование, сравнительное преимущество, государственное регулирование, прямые методы государственного регулирования, косвенные методы государственного регулирования, стратегические исследования, инициатива частного сектора, международное коммерческое сотрудничество, конкурентное преимущество, государственный сектор экономики, государственная собственность, последовательный собственник.

Valeri V. Ataman

STATE REGULATIONS AS AN IMPORTANT FACTOR OF ECONOMIC POLICY OF NORWAY

The article focuses on public regulation as one of the most important subjects of Norwegian economic policy. The Government's goal is that Norway should become one of the world's leading, innovative, dynamic and knowledge-based economies in areas in which it has comparative advantages. The State interference is divided into physical and indirect control. According to indirect control the Government supports research projects in trade and industry, as well as in strategic research, commercial initiatives and international research collaboration. It terms of physical control the Government's intervention involves areas in which Norway has a particular competitive advantage, such as maritime, marine, energy and travel industries and with regard to the environment.

Key words: economic policy, public regulation, comparative advantages, state interference, physical control, indirect control, strategic research, commercial initiatives, international research collaboration, competitive advantage, state ownership, public ownership, predictable owner.

Экономическое развитие любой страны мира напрямую зависит от устремлений и воли экономических субъектов: государства, организаций, граждан. Каждый из этих субъектов способен влиять на экономику, хотя и в разной степени, в различных масштабах. Самыми обширными возможностями влияния на развитие экономической системы обладает государство, которое осуществляет выработанную им экономическую политику, исходящую из целевых установок и учитывающую сложившуюся ситуацию и намечающиеся тенденции. Экономическая политика – это проводимая государством, правительством страны генеральная линия экономических действий, придание желаемой направленности экономическим процессам, воплощаемая в совокупность предпринимаемых государством мер, посредством которых достигаются намечаемые цели и задачи, решаются социально-экономические проблемы.

Каждая страна характеризуется своеобразными и неповторимыми историческими, общественно-экономическими, природными, этническими и иными характеристиками, что влияет, в том числе, на особенности и традиции проводимой государством в них экономической политики. Наиболее важным фактором экономической политики является государственное регулирование экономики, которое формируется и эволюционирует с учетом таких факторов региональной специфики отдельно взятой страны, как обеспеченность данной страны теми или иными стратегически важными природными ресурсами, отраслевая структуры промышленности, емкость национального рынка, роль политических сил левой и правой ориентации в функционировании государства, структуры собственности в экономике. Вмешательство государства в экономику осуществляется посредством системы мер прямого и косвенного государственного регулирования.

Исторически сложилось так, что совокупность прямых методов регулирования оказалась доминантой экономической политики в большинстве промышленно развитых стран. По этой причине в развитых странах широко применялись такие инструменты государственного регулирования, как селективная отраслевая поддержка определенных производств; национализация отдельных отраслей промышленности и поддерживающих ее деятельность инфраструктурных отраслей экономики (кредитно-финансовая, транспортная, отрасль связи). Государство в промышленно развитых странах в рамках прямого воздействия на промышленность часто уделяло внимание проблеме территориальной несбалансированности ее развития, региональным диспропорциям. Это отразилось в разработке государственных программ районного развития промышленных предприятий для преодоления социальной напряженности в слаборазвитых в индустриальном отношении зонах тех или иных стран.

Рассматривая группу косвенных методов регулирования, следует отметить, что как средство решения проблем экономического развития они стали играть все более возрастающую роль в последнее время, дополняя и даже в чем-то подменяя прямые методы государственного регулирования промышленного роста в условиях зрелого рыночного хозяйства. Они стали отражением перехода во многих странах к идеологии государства как гаранта здоровой и благоприятствующей конкурентоспособности национальных промышленных субъектов среды в широком смысле. Косвенные методы воздействия на экономику осуществляются государством через бюджетную, налоговую, финансово-кредитную и таможенную политику.

Особенно активная роль государственной экономической политики в Норвегии предопределяется региональной спецификой страны: узостью национального рынка, и, в связи с этим, невозможностью создания сильно диверсифицированной отраслевой структуры промышленности и народного хозяйства в целом. Государственное регулирование было необходимо для создания

сильной экспортно ориентированной промышленности. Норвегия избегала вступления в торгово-экономические союзы с главными странами Западной Европы, учитывая степень зависимости экспортных отраслей от государственной поддержки, без которой в таких группировках они бы лишились преимуществ. Несмотря на позитивное отношение к международному сотрудничеству, Норвегия лишь изредка выступала как убежденный сторонник какой-либо международной организации. Правительство обычно действовало осторожно и вступало в такие организации скорее из-за опасения понести ущерб, оставаясь за их пределами, чем из-за преимуществ, связанных с членством в них. Кроме того, в рамках ограничений, установленных той или иной международной организацией, норвежское правительство всегда стремилось оставить за собой максимальную свободу выбора.

Формирование системы государственного регулирования экономики Норвегии берет свое начало в середине 1940-х годов, когда идеи автаркии были очень популярны в стране. За создание мощной системы государственного регулирования путем непосредственного вмешательства правительства в отраслевые проблемы индустриального сектора через разнообразные механизмы выступали левые социалисты, левое крыло Рабочей партии и Коммунистическая партия Норвегии, которые на тот период времени составляли сильную оппозицию в парламенте. В 1945 г. Норвежская рабочая партия (НРП) получила большинство на выборах и оставалась у власти в течение 20 лет. После прихода НРП к власти Норвегия провозгласила курс на расширение внешней торговли, что стало причиной большого внимания со стороны государства к развитию экспортных отраслей. Регулирующая роль государства была расширена до планирования в масштабах всей страны. Был введен государственный контроль за ценами на товары и услуги. В конце 1940-х годов Норвегия начала вести активную политику защиты национального производителя от иностранной конкуренции, для этих целей применялись меры сдерживания импорта и селективная поддержка отраслей промышленности посредством государственных дотаций, кредитов, целевых налоговых льгот.

Норвегия скептически относилась к вступлению в международные экономические организации, из-за опасения норвежцев, что экономика страны окажется неконкурентоспособной при предоставлении равных условий для национальных и иностранных производителей. Скептицизм норвежцев привел к полному провалу инициатив межскандинавского экономического сотрудничества. Первая попытка создания Североевропейского таможенного союза сорвалась в 1950 г. Главной причиной этого стало опасение норвежцев, что экономика страны окажется неконкурентоспособной на общем североевропейском рынке, в частности, что ее обрабатывающие отрасли не смогут соревноваться с высокоэффективной шведской промышленностью, а сельское хозяйство – с более мощным датским. Переговоры 1954 – 1956 гг. также не привели к положительному результату. Однако в других, более узких областях, ситуация была лучше: в 1952 г. северные страны отменили паспорта для поездок внутри региона, в 1954 г. был создан общий рынок труда, а в 1956 г. скандинавские страны учредили совместную авиакомпанию (САС). В 1953 г. для обсуждения острых проблем и проведения дискуссий между политическими делегациями парламентов северных стран был образован Северный совет. Но и в этом процессе Норвегия не была движущей силой. Норвегия проявляла большую заинтересованность в создании многосторонней атлантической торговой организации, чем экономических блоков в Европе. Вступление страны в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ) в 1960 г. стало своего рода компромиссом. И в правительстве, и в стортинге в этой связи высказывались сомнения, но все соглашались, что нужно следовать примеру Великобритании – важнейшего торгового партнера страны. К концу 1950-х гг. пра-

вительство Норвегии отчетливо сознавало необходимость дальнейшей индустриализации для создания основ нового роста и увеличения занятости. Вступление в ЕАСТ представляется продолжением прежней политики, нацеленной на развитие экспорта.

Усиление государственного вмешательства в экономику происходило из-за того, что самой мощной политической силой в стране является Норвежская рабочая партия, которая находилась у власти в 1935 – 1965 гг., в 1971 – 1972 гг., в 1973 – 1981 гг., в 1986 – 1989 гг., в 1990 – 1997 гг., в 2000 – 2001 гг., 2004 – 2007 гг., 2009 – 2011 гг. Именно экономическая политика данной политической партии создала систему государственного регулирования в экономике страны, которая носит фундаментальный характер: государственные интересы присутствуют в крупнейших компаниях страны, занятых нефтегазодобычей, электроэнергетике, машиностроении, в области связи и телекоммуникаций, производстве цветных металлов и удобрений, в строительстве, банках, авиасообщении, добыче горнорудного сырья, военно-промышленном комплексе, телерадиовещании, производстве алкогольных напитков. В целом государству принадлежат акции в компаниях, стоимость которых оценивается в 900 млрд крон или 100 млрд долл. (половина всего норвежского народного хозяйства).

В конце 1990-х гг. и начале 2000-х политическая ситуация в Норвегии изменилась и началось падение популярности НРП, но государственная экономическая политика в корне не изменилась. Даже процесс реорганизации системы прямого экономического участия государства в нефтегазовой деятельности на шельфе и частичной приватизации государственной компании «Статойл», начатый правительством НРП в 2001 и проведенный коалиционным правительством центристских партий и консервативной партии «Хейре» в 2002–2003 гг., имел своей целью не либерализацию норвежской нефтегазовой отрасли, а привлечение иностранных инвестиций и облегчение вхождения концерна в международные альянсы с другими нефтяными компаниями. Падение популярности Норвежской рабочей партии в последние годы аналитики влиятельного норвежского печатного издания «Афтенпостен» объясняют тем, что в конце 1990-х – начале 2000-х наблюдалось усиление эклектичности партийной политики НРП. Социал-демократы по различным вопросам проводят в жизнь то лозунги консервативной партии Хейре (например, всемерное сближение с ЕС, приватизация государственного нефтегазового концерна «Статойл») или даже идеи прогрессистов (снижение акцизов на крепкие спиртные напитки), то пытаются увеличить налоги на предпринимателей в соответствии со стремлениями левых социалистов, то используют идеи клерикалов из Христианской народной партии и др. политических сил. Совпадение фундаментальных ценностей нации, составляющих платформу той или иной партии Норвегии, приводит к спокойной смене избирателями своей политической ориентации. Разница в политических, социально-экономических, экологических и иных приоритетах норвежских партий или не очень велика, или размыта. Различия, а не противоречия между ними сводятся, в основном, к подходам в отношении темпов и масштабов изменений налогового законодательства, расходованию «нефтяных денег», функционированию госсектора, положению в социальной сфере, приоритетам в области охраны окружающей среды, вопросам иммиграционной политики. Переход из числа приверженцев одной партии в стан другой происходит достаточно часто, что полностью подтверждается опросами общественного мнения, регистрирующими резкие колебания симпатий избирателей в течение даже непродолжительных промежутков времени.

Основными целями государственного регулирования экономики Норвегии на современном этапе развития являются:

- повышение конкурентоспособности промышленности в целом с упором на экспортное развитие нефтегазового комплекса;

- повышение эффективности государственного сектора в экономике;
- поддержание социальной стабильности в обществе;
- решение проблемы территориальной несбалансированности и региональной диспропорции в развитии промышленности.

Для решения поставленных целей в Норвегии в основном применяются прямые методы государственного регулирования, среди которых необходимо отметить создание мощного государственного сектора в нефтегазодобывающей сфере и активное государственное участии в ряде ключевых производств, обусловливающих функционирование производственной инфраструктуры (транспорт, электроэнергетика, связь). Такое селективное прямое вмешательство государства в промышленную деятельность дополняется мерами косвенного воздействия на частный сектор промышленности через бюджетную, налоговую, финансово-кредитную, таможенную и региональную политику.

В норвежской конституции закреплено: «все недра принадлежат норвежскому народу и использовать их нужно с учетом интересов последующих поколений». В дополнение к конституции в 1985 году принимается Закон о нефтяной деятельности, пересмотренный в 1997 г. и действующий по настоящее время. В этом законе установлено, что «Норвежское государство имеет права собственника на подводные нефтяные месторождения и исключительное право на управление полезными ресурсами», «никто иной, кроме Государства, не может осуществлять нефтяную деятельность без лицензий...». Лицензии на разведку и добычу нефти выдаются раундами, примерно раз в два года. Государство имеет право назначать оператора работ по каждому из месторождений, формировать консорциумы и распределять доли участников в них, что вместе гарантирует ограничение доли участников каждой из компаний, особенно иностранных.

Опираясь на конституцию и законы, в Норвегии создали эффективную модель регулирования нефтяной промышленности, где прямые методы государственного регулирования, такие как государственные предприятия и непосредственное государственное предпринимательство, дополняются косвенными – законодательной базой, системой административного лицензирования, системой специального налогообложения в отрасли. Эта модель позволила государству обеспечить и сохранить контроль над нефтяной промышленностью, которая оказалась под пристальным вниманием различных транснациональных корпораций, игравших на первом этапе ведущую роль в развитии этого сектора норвежской промышленности. И хотя ТНК выступали партнером государства на всем протяжении нефтяной истории Норвегии, в основном следуя в фарватере норвежской стратегии освоения континентального шельфа, тем не менее, государство очень часто рассматривало их в качестве противников, что на деле представляется определенной традицией норвежского общества.

Главной составляющей системы государственного регулирования нефтегазового комплекса Норвегии является государственный сектор в этой отрасли. Разработкой месторождений и добычей нефти и газа занимаются 3 государственные компании: «Статойл», «Норск Гидро» и «Петоро». Именно через эти компании осуществляется реализация государственных экономических интересов в сфере разведки, производства и транспортировки углеводородов.

В нефтяной промышленности королевства огромные приоритеты отдаются государственному концерну «Статойл», который учрежден решением парламента в 1972 г. и является по своей производственной и финансовой структуре вертикально интегрированной компанией. Деятельность концерна включает в себя крупные программы по разведке нефтегазовых месторождений как в пределах норвежских территориальных вод, так и за границей, производство и про-

дажу сырой нефти, природного газа и продуктов глубокой переработки углеводородного сырья. Несмотря на то, что компания принадлежит государству, её деятельность регулируется теми же законами, включая налоговую сферу, которые применяются к 30 другим частным норвежским и иностранным компаниям, действующим в топливно-энергетическом комплексе Норвегии. Политика государства в отношении «Статойл» направлена на сохранение компанией статуса «политически независимой».

Второй крупной компанией, занятой в производстве углеводородов на норвежском континентальном шельфе, является «Норск Гидро», которая была создана в 1905 г. Кроме добычи нефти и газа в сферу деятельности концерна входит нефтепереработка, нефтехимическое производство, производство биополимеров, легких металлов (алюминия, магния) и минеральных удобрений, обеспечение электроэнергетических проектов, искусственное разведение рыбы. В компании «Норск Гидро» доля государства составляет 44%, что позволяет министерству нефти и энергетики Норвегии оказывать серьезное влияние на деятельность компании.

Еще одна крупная государственная компания, задействованная в производстве углеводородов, – «Петоро». Эта компания является исключительно управляющей, она не осуществляет самостоятельных операций. Отметим, что компания «Петоро» является правоприемником Финансово фонда прямого участия государства в нефтяных операциях, который был создан для того, чтобы ограничить возможности концерна «Статойл». Сложившаяся к середине 1980-х годов ситуация в нефтегазовой отрасли Норвегии привела к тому, что компания «Статойл» одновременно выступала в качестве коммерческого оператора топливно-энергетического комплекса страны и административного инструмента, так как норвежские правила устанавливали долю участия государственного сектора в арктических разработках через обязательное предоставление «Статойл» в каждой лицензии свыше 70%, в разработках в Северном море – от 20 до 50%. Из-за опасений, что компания в силу своего уникального положения начнет самостоятельно определять государственную политику в нефтегазовом секторе, т.е. фактически подменит интересы государства и норвежского общества своими узкокорпоративными интересами, норвежское правительство пошло в 1984 г. на разделение всех государственных активов в нефтяной отрасли на две части: на государственную собственность, которой управляет министерство нефти и энергетики, и на собственность компании «Статойл». На основе активов, перешедших под управление министерства нефти и энергетики в 1985 г., был создан Финансовый фонд прямого участия государства в нефтяных операциях. Это увеличило поступления в бюджет и перевело «Статойл» из владельца ресурсов в управляющего. С 1985 до 1996 г. доля Финансового фонда прямого участия во всех лицензиях составляла 50%. Но в 1996 г. эта доля сократилась с 50 до 30%, а также было сокращено число участников в одной лицензии. В целом холдинг участвовал в 150 месторождениях и обеспечивал 40% общей добычи. В 1999 г. доля Фонда прямого участия государства в нефтяных операциях в новых лицензиях сократилась в среднем до 15%. Аргументируя тем, что нефтегазовая отрасль продвигается на север в труднодоступные районы, что требует увеличения производственных издержек и привлечения крупного иностранного капитала, компания «Статойл» в 1998 – 1999 гг. предлагала включить фонд в состав компании и провести существенную приватизацию, что обеспечит увеличение капитализации нового образования «Статойл»/Фонд прямого участия государства в нефтяных операциях. В апреле 2001 г. парламент утвердил план продажи 15% фонда – «Статойлу», ещё 6,5% фонда в марте 2002 г. были проданы «Норск Гидро» и восьми другим операторам топливно-энергетического комплекса. Оставшиеся 78,5% Финансового фонда прямого участия государства в нефтяных операциях реорганизованы в новую государственную компанию «Петоро».

Прямые методы государственного регулирования нефтегазовой отрасли норвежской экономики дополняются косвенными мерами, важнейшей среди которых является финансово-государственная политика в отношении нефтегазового комплекса. Доходы от нефтяных операций частично идут на покрытие дефицита в других отраслях экономики Норвегии, а частично закачиваются в Государственный нефтяной фонд, который создавался для решения стратегических задач развития экономики.

В Норвегии, в отличие от России, осознают то, что нефтяные запасы со временем полностью истощатся, и было решено создать запас прочности для будущих поколений. Государственный нефтяной фонд создан и функционирует в соответствии с одноименным законом от 22 июня 1990 г. Данный правовой акт регулирует вопросы аккумулирования средств в фонде, а также порядок управления этими средствами. В законе особо подчеркнуто, что средства Фонда представляют собой финансовую основу для достижения долгосрочных целей государства, с привлечением для этого доходов от эксплуатации норвежских нефтегазовых месторождений.

Фонд формируется за счет денежных средств от добычи нефти и газа, поступающих в него через госбюджет, и дополняется прибылью от аккумулированных накоплений. Капитал Фонда складывается из следующих денежных поступлений: совокупные доходы от налогообложения нефтегазодобычи, взимаемые в соответствии с законами «О налогообложении деятельности при эксплуатации месторождений углеводородного сырья на норвежском континентальном шельфе» и «Об осуществлении нефтегазодобывающей деятельности»; доходы от сборов за выбросы в атмосферу CO_2 при осуществлении нефтегазодобычи на континентальном шельфе; государственные доходы по соглашениям об отчислениях чистой прибыли в рамках отдельных лицензий на добычу углеводородного сырья; дивиденды по акциям «Статойл», «Норск Гидро», «Петоро»; доходы государства от возможных продаж своих долей участия в нефтяных компаниях. За вычетом прямых инвестиций государства в нефтегазодобычу и отчислений государства в Государственный фонд страхования нефтегазодобычи. В законе подчеркнуто, что средства фонда могут использоваться лишь для перевода определенных сумм в государственный бюджет по решению Стортинга и не должны расходоваться иным образом, в т.ч. на предоставление средств Фонда в виде кредитов государству или частным физическим и юридическим лицам. Хотя закон о Государственном нефтяном фонде вступил в силу с 1 января 1991 г., первые перечисления в Фонд были произведены только в мае 1996 г., поскольку в 1991 – 1995 гг. бюджет сводился с дефицитом. Таким образом, важным условием перечислений средств в Фонд является профицит госбюджета.

Капитал Фонда размещается как и прочие финансовые активы государства. Фонд не может брать кредиты, приобретать права или брать на себя обязательства, т.е. вступать в гражданско-правовые отношения с частнопредпринимательскими структурами или органами государственной власти, а также выступать в качестве истца или ответчика. Средствами Фонда от имени государства управляет министерство финансов. Отношение к накоплениям Фонда характеризуется отложенным на длительную перспективу распределением и использованием его средств, т.е. он может быть назван «неприкосновенным финансовым запасом» государства.

Предпринимавшиеся попытки склонить власти к вложению хотя бы небольшой части накопленных средств в решение в общем-то неотложных задач, например, ликвидацию технологического отставания ряда отраслей Норвегии от среднего по ОЭСР уровня, реорганизацию системы высшего образования и подъем фундаментальных наук, совершенствование системы здравоохранения и расширение предоставляемых в этой области услуг и т.п., успехом не увенчались. Неприкосновенность фонда моти-

вируется тем, что его средства могут быть востребованы только тогда, когда доходы государства, в том числе от нефтегазодобычи, станут меньше, чем расходы. Отметим, что рост государственных расходов, в том числе из-за старения населения, в перспективе очевиден, как очевидно и постепенное истощение запасов углеводородов на норвежском шельфе, являющихся одним из основных источников пополнения доходной части бюджета.

Государственный нефтяной фонд выступает в качестве заказчика по отношению к Центральному банку Норвегии «Норгес Банку», на который возложены функции оперативного управления средствами Фонда. В соглашении с министерством финансов определено наполнение портфеля Фонда конкретными акциями и облигациями тех стран, в которые разрешено инвестировать его средства. Поэтому данный портфель называется «рекомендательным». По сути, он отражает инвестиционную стратегию заказчика в отношении средств Фонда. Минфином установлены также предельно допустимые отклонения, которые в реальности могут возникать между прибылью от фактического размещения средств и прибылью «рекомендательного портфеля» ценных бумаг.

75% портфеля акций Фонда управляется в соответствии со стратегией индексации. Управление портфелем акций на основе индексов осуществляется внешними управляющими, среди которых можно выделить «Барклайс Глобал Инвесторс», «Дойтче Ассет Менеджмент», «Гартмор Инвестмент Менеджмент». Цель управления с использованием индексов заключается в получении отдачи от капиталовложений на том уровне, который был бы максимально приближен к объемам прибыли, если за основу брать требования «рекомендательного портфеля». На практике это означает, что управляющие покупают либо все акции, входящие в «рекомендательный портфель», либо делают это выборочно, исходя из ожидаемой прибыли на уровне его требований.

В октябре 1997 г. Минфином Норвегии были утверждены предписания по управлению Нефтяным фондом. В них предусматривалось, что от 30% до 50% средств Фонда будут инвестироваться в акции компаний, а остальная часть – в иностранные государственные облигации. При вложении средств нефтяного фонда в акции должно соблюдаться следующее правило: доля фонда в акционерном капитале иностранной компании не должна превышать 1%. Средства Государственного нефтяного фонда размещаются на зарубежных рынках ценных бумагах в пропорциях: 60% – в облигации иностранных государств и 40% – в акции. Средства, помещаемые в акции, распределяются в соответствии с предписанием министерства финансов королевства по географическому признаку. 50% средств, используемых в качестве вложений во все виды ценных бумаг (т.е. в акции и облигации), расходуется в Европе, 30% – в США и Канаде, остающиеся 20% – в Азии, Австралии и Океании.

В предписании министерства финансов приводится также перечень стран, в компании которых могут вкладываться средства. Основной принцип, положенный в основу составления данного весьма консервативного перечня, заключается в том, что в него включаются страны, в которых действуют высокоразвитые и надежные фондовые рынки в условиях стабильного и благоприятного законодательства, регулирующего операции с ценными бумагами. В Европе это страны ЕС, а также Швейцария, в Америке – США и Канада, в Азии – Япония, Гонконг, Сингапур, а также Австралия и Новая Зеландия. С 1 января 2000 г. по предложению правительства этот перечень был расширен и в него включены 7 новых стран: Бразилия, Греция, Мексика, Тайвань, Таиланд, Турция и Южная Корея.

Средства нефтяного фонда, предназначенные для инвестирования в акции, делятся на 2 пакета. 75% средств фонда, которые должны быть инвестированы в акции, рассредоточены по иностранным компаниям, причем пакет акций, приобретаемый фон-

дом в той или иной компании, должен быть пропорционален доле, занимаемой акциями этой компании на фондовом рынке соответствующей страны. Поэтому данная форма управления капиталом нефтяного фонда получила название «индексной». Цель очевидна: за счет дисперсии рисков и управления ими обеспечить сохранность вложений фонда в иностранные ценные бумаги. Второй пакет, составляющий 25%, предназначен для инвестирования в акции. Средства размещаются в более свободном режиме, исходя из соображений получения максимальной прибыли на вложенный капитал.

Необходимо отметить, что эффективность системы государственного регулирования нефтегазовой отрасли проявилась в том, что Норвегия оказалась одной из немногих стран, для которых мировой нефтяной кризис 1973 г. оказался выгодным. Положительным моментом для Норвегии оказалась фактическая готовность государственных органов к нефтяному кризису, что можно объяснить изначально твердо сформулированной позицией в отношении государственного регулирования национальной экономики в целом, и для нефтяного сектора в отдельности.

Интересам страны наиболее соответствует развитие нефтяной отрасли, способствующее, прежде всего, преимущественному росту других секторов экономики. В нефтяную политику Норвегии органически вошли экологические задачи сохранения чистоты прибрежных акваторий не только самих по себе, но и как места размещения других отраслей хозяйства: рыболовства, марикультуры, туризма. Выдача лицензий на разведку и разработку месторождений в Норвежском море проводится в небольших размерах и в ограниченных районах. Это объясняется стремлением сохранить контроль над уровнем активности и её географическим размещением, не потерять совместимость с промышленным рыболовством и не оказать на него отрицательного влияния. Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективное регулирование нефтегазовой отрасли способствует усилению роли государства во всей экономической жизни норвежского общества, давая правительству огромные рычаги влияния.

Государственный сектор в экономике Норвегии присутствует не только в топливно-энергетическом комплексе. Государство широко представлено в оборонных компаниях, таких как «Рауфос АСА» – 50,37% акций принадлежит государству, «Гродегаард АС» – 100%, «Наммо» – 45%, «Конгсберг Групен» – 50%. В государственный сектор норвежской экономики входят: «Энтра Айндом», компания, занимающаяся недвижимостью – 100% акций принадлежит государству, «Стор-Осло Локалтрафик», компания общественного транспорта в регионе Большого Осло – 33,33%, «Теленор», крупнейший телекоммуникационный концерн, – 77,68%, «Гаско», оператор газотранспортных систем, – 100%, «Статкрафт», крупнейшая энергетическая компания, – 100%, «Стор Норске Шпицберген Кулкомпани», компания, занятая в угледобыче на архипелаге Шпицберген, – 51%, «НСБ», государственные железные дороги, – 100%, «Постен», почтовая компания, – 100%, «Бане Теле», телекоммуникационная компания, – 100%, «Комуналбанкен», банк по региональному обслуживанию, – 80% и некоторые другие, менее значимые для норвежского хозяйства компании.

Но не только прямые методы государственного регулирования определяют экономическую политику королевства Норвегия, кроме них широко представлены косвенные методы регулирования. Наиболее значимыми среди косвенных мер являются социально-экономическая политика и региональная политика Норвегии.

Политика перераспределения доходов Норвежского государства призвана сократить разрыв в уровнях жизни высоко- и низкодоходных групп населения, но лишь в той мере, которая не угрожает подавлением деловой активности. Норвегия – страна с наилучшими в Европе социальными программами:

Норвежская семья, живущая за чертой города, получает за каждого ребенка более 1.600$.

Норвежские дети посещают бесплатные детские сады.

Работающим норвежским женщинам оплачивается десятимесячный декретный отпуск.

Работающим норвежцам полагаются специальные денежные доплаты на время отпусков.

Аренда квартир субсидируется государством.

Все расходы на образование покрываются государством.

Медицинское обслуживание, включая зубоврачебную помощь, является бесплатным для постоянных жителей Норвегии. Государство оплачивает им лечебные путевки на Канарские острова и в другие курортные места, если они в этом нуждаются.

Пособие по старости эквивалентно заработной плате квалифицированного индустриального рабочего.

При этом на ближайшие десятилетия в Норвегии не предвидится какого-либо сокращения государственных ассигнований на социальные нужды.

Одной из наиболее важных социально-экономических сфер, реформированию которой уделяется большое внимание в Норвегии, в последнее время является сфера пенсионного обеспечения. Сейчас выплаты пенсий по старости и нетрудоспособности из госбюджета уже составляют 100 млрд крон в год. При этом численность неработающих, составляющая более 1 миллиона человек на данный момент, будет в ближайшие годы увеличиваться по причине старения населения.

В Норвегии в 2002 г. была создана специальная комиссия по подготовке предложений о реформе системы пенсионного обеспечения. Комиссия, возглавляемая бывшим министром финансов С. Юнсоном, изучает возможности аккумулирования средств, получаемых от уплаты налогов по социальному страхованию, и «нефтяных денег» в крупных фондах. Такое фондирование позволит добиться определенной независимости от государственных финансов, а также использовать прибыль, получаемую от размещения этих средств на фондовых рынках, что также облегчит давление на бюджет. Все политические партии Норвегии поддерживают данную идею, расходясь лишь по отдельным непринципиальным деталям ее реализации.

Очень важное место в экономической политике королевства занимает региональная политика, так как она направлена на выравнивание различных регионов Норвегии в их экономическом развитии, что весьма актуально для нашей страны с ее проблемами в данной области.

В региональной политике внутри страны правительство провозгласило курс на децентрализацию, которая полностью опирается не на макроэкономические соображения, а на социально-культурные особенности регионов. Главный тезис региональной политики в Норвегии – люди должны жить там, где они родились, то есть поддержка направлена на то, чтобы помочь человеку остаться в районе, где он родился. Области региональной политики: развитие экономической деятельности, поддержка и сохранение рабочих мест (занятости), поддержка индивидуума (адресная направленность на человека).

Все виды механизмов поддержки можно разделить на прямые и косвенные, которые реализуются через общественную деятельность, то есть включены в государственную систему. В Норвегии трехуровневая система: первый уровень – государственный, второй – губернский, третий – коммуны.

Губернский уровень в Норвегии, в отличие от России, не имеет столько прав в экономической деятельности. Он отвечает за систему дорог, средней школы, больницы, региональное планирование (то есть система развития инфраструктуры и повышения квалификации населения, проживающего на данной территории). Причем главная задача – дать населению по всей Норвегии одина-

ковый набор услуг в данной области. Но в сравнении с губерниями коммуны предоставляют больше услуг.

Итак, в отличие от России, третий уровень – коммун – является ключевым как в определении региональной политики центра, так и в хозяйственной активности субъектов экономической деятельности. Коммуна – это город с прилежащими окрестностями, но никогда – два города. Экономический район – это объединение коммуны и прилегающего района другой коммуны, связанного экономической деятельностью. Однако это не мешает объединению позиций губерний и коммун для решения некоторых вопросов проведения экономических программ. Это процесс никак не регулируется со стороны государства, но всячески приветствуется.

Все механизмы поддержки регионов в Норвегии можно разделить на два механизма:

- широкий механизм, который «включен» в систему государства;
- узкий механизм, направленный непосредственно на регионы.

В стоимостном соотношении наблюдается преобладание широкого механизма над узким. Так, бюджет по финансированию программ в первом случае составляет 500 млрд норвежских крон, а во втором – 2 млрд.

Широкий механизм: самый важный инструмент данного механизма – это социальная защита населения. Так называемый фонд пенсий, куда включаются все виды пенсий, пособия по безработице, которые идут напрямую человеку. Бюджет данных мероприятий составляет 160 млрд крон. Второй инструмент региональной политики состоит из двух составляющих:

1) политика по секторам;

2) политика (механизмы) перед коммунами.

Сектор – это отношения к власти. Отрасль – вид экономической деятельности населения. Политика по секторам разделена на следующие виды: инфраструктура, отраслевые механизмы, образование. В основу политики положен региональный принцип распределения средств исходя из объективных оценок.

Деятельность коммун отчасти финансируется из центра. Местные налоги составляют большую долю доходов местного бюджета. Центр может изменить лишь механизм распределения. Переводы денег в коммуны носят рамочный или специализированный характер, то есть выделяются на специальные цели, которые заранее оговорены. Рамочные переводы денег в коммуны должны компенсировать недостатки в составе населения и качестве его, а также должны обеспечить равенство услуг, предоставляемых коммунами населению. Эти деньги переводятся государством независимо от приоритетов по отраслям. Коммуны сами определяют эти приоритеты. Рамочные переводы зависят от таких объективных факторов, как демографическая характеристика, доля детей, способы размещения населения, на которые коммуны не в состоянии влиять.

Программные цели (специализированные) на основе законности или добровольности. В первом случае государство, принимая закон, обеспечивает его финансирование на региональном уровне, во втором случае коммуна сама разрабатывает программу и берет деньги у государства для ее реализации. При этом соблюдается принцип коммунального самоуправления.

Узкий механизм в настоящее время приобретает большее значение, и ему уделяется повышенное внимание, так как наметилась тенденция урбанизации населения в Норвегии, а этот механизм направлен прежде всего на человека и не включен в государственную систему. Хотя по финансированию он уступает широкому механизму.

Существуют две географические области:

1) зона мероприятий (северный Тромс, Финнмарк). Существуют особенные мероприятия, которые реализуются только там. Самые важные – снижен налог на работодателя (в Финнмарк до 0 %), банк по образованию – с каждым годом проживания в

данных областях уменьшает долг на 10 %, однако существуют ограничения – данная льгота действует 10 лет, то есть не более 50 % от ссуды может быть уменьшено, а также подоходный налог ниже, чем по стране в целом.

2) Поддержка регионам. Вся Норвегия разделена на 4 зоны. Главное мероприятие – это поддержка инвестиций от 0 до 50 % через SND (структура под Департаментом по региональной политике), а также механизмы повышения квалификации проживающего населения и поддержка человеческим и материальным ресурсом.

В настоящее время существует мнение о том, что можно улучшить политику в отношении регионов другими способами, нежели переводами денег. Например, через повышение квалификации и поддержку программ губерний. Эти мероприятия лежат в компетенции широкого механизма, что еще раз подчеркивает важность его перед узким механизмом. При изменении политики в области поддержки регионов сначала изучаются последствия данных изменений для региона, а затем принимается решение на уровне правительства.

Е.Е. Веселкова

УДК 340.147

РЕЖИМ НАИБОЛЬШЕГО БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В данной статье автором рассматриваются ключевые вопросы, относящиеся к режиму наибольшего благоприятствования. Это история режима наибольшего благоприятствования, понятие режима наибольшего благоприятствования в международно-правовых документах и торгово-экономической практике государств, круг субъектов правоотношений, складывающихся на основе предоставления режима наибольшего благоприятствования. Автор анализирует соотношение содержания режима наибольшего благоприятствования и национального законодательства, оговорки в международных договорах о наибольшем благоприятствовании и их виды. Серьезное внимание уделяется проблемам применения режима наибольшего благоприятствования и толкованию режима наибольшего благоприятствования.

Ключевые слова: режим наибольшего благоприятствования, национальное законодательство, национальное законодательство.

Evgeniya E. Veselkova

THE MOST FAVORED NATION TREATMENT FOR THE DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL INVESTMENT COLLABORATION

In this article the author considers key problems relating to the most favored nation treatment. They make history of the most favored nation treatment, definitions the most favored nation treatment in international legal documents and trade practices of states, a range of subjects in relationship on the basis the most favored nation treatment. The author analyzes the contents of the most favored nation treatment and national legislation, reservations and their types on the most favored nation treatment in international legal documents. Particular attention is paid to the problems of the most favored nation treatment application and interpretation.

Key words: the most favored nation treatment, national legislation, international legal documents.

Многие исследователи ведут историю режима наибольшего благоприятствования (далее РНБ), начиная с торгового договора между Францией и Великобританией, так называемого договора Кобдена от 23 января I860 года. В течение многих лет РНБ был предметом двусторонних договоров и соглашений.

В мировой практике действовали различные формулы РНБ, существенно отличавшиеся друг от друга. РНБ мог предоставляться во взаимной и невзаимной форме, мог иметь форму условного РНБ или представляться в безусловной форме, предоставление РНБ могло сопровождаться изъятиями и ограничениями сферы его действия.

В марте 1929 года Совет Лиги наций принял модельную формулировку РНБ, согласованную на многосторонней основе. Позже, в 1946 – 1948 годах, в ходе подготовки устава Международной организации по торговле и занятости в ее текст была включена развернутая формулировка РНБ (статья 16) и национального режима (далее НР) (статья 18). Оппозиция США помешала созданию международной торговой организации в те годы. Возникшее из обломков несозданной организации Генеральное соглашение по тарифам и торговле включило полностью положение о РНБ /статья I ГАТТ/ и о НР /статья 3 ГАТТ/. Однако, это соглашение распространяло РНБ и НР только на вопросы, связанные с торговлей товарами. Позже, в 1973-1979 годах, в ходе так называемого Токийского раунда многосторонних торговых переговоров появилось Соглашение по техническим барьерам в торговле /ТБТ/, в котором нашло свое применение РНБ в отношении технических норм и стандартов. В ходе следующего Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров возникло Генеральное соглашение по торговле услугами /ГАТС/ и РНБ вместе с НР образовали многостороннюю правовую основу международной торговли более чем 160 видов услуг [Международное частное право... 2002: 127].

Одновременно с этим появление целого ряда многосторонних соглашений в области международных инвестиций и так называемых международных производственных схем /в рамках ТНК/ распространило действие РНБ и НР на эти области.

В настоящее время в международной торговле действует своего рода классическая формулировка РНБ, содержащаяся в Генеральном соглашении по тарифам и торговле. Другие многосторонние и двусторонние соглашения по существу в той или иной форме повторяют это положение ГАТТ, включая иногда различные оговорки, изъятия и исключения.

Конвенционная норма наибольшего благоприятствования означает в ее общем понимании право договаривающегося государства пользоваться всеми преимуществами, которые другое договаривающееся государство предоставляет любым третьим государствам по согласованному кругу отношений.

В клаузуле о наиболее благоприятствуемой нации закрепляется обязательство бенефициирующего государства распространить на государство-бенефициария режим не менее благоприятный, чем режим, предоставляемый любому третьему государству (ст. 4 Проекта КМП), а также определяется область его применения и возможные исключения.

В торгово-экономической практике встречаются различные формулировки соответствующего договорного положения о режиме наибольшего благоприятствования: так называемые позитивная и негативная формулы.

В первом случае речь идет о праве воспользоваться наиболее благоприятным режимом (обязательство государства предоставить произведениям почвы и промышленности другой страны все привилегии и преимущества, предоставленные третьим странам); во втором – о праве на не менее, по сравнению с любой третьей страной, благоприятный режим (не подвергать произведения почвы и промышленности соот-

ветствующей страны более обременительным пошлинам, правилам и формальностям по сравнению с третьими странами).

По существу, обе формулы имеют одну и ту же цель – обеспечить предоставление тому или иному государству таких же (равных) условий, какие предоставляются или будут предоставлены любому другому государству. Существует основанное на этом мнение, что различие в формулировках может только привести к смешению понятий «принцип наибольшего благоприятствования» и «принцип недискриминации» [Венгеров 2006: 42].

Принцип наибольшего благоприятствования направлен на установление в какой-либо определенной области равенства в положении государств, заключивших соответствующие договоры.

Этот принцип является «необходимым условием для развития международной торговли, основой всякого мирного обмена, ибо ставит всех конкурентов в равное положение» [Международное право... 2000: 45].

Вместе с тем предоставление режима наибольшего благоприятствования не всегда означает получение непосредственных материальных выгод в равном масштабе, на основании чего его можно назвать «абстрактной формулой взаимности».

Принцип наибольшего благоприятствования обеспечивает минимально необходимые гарантии для нормальной торговли и других взаимоотношений между государствами, «затрудняя произвольное, случайное, дискриминационное трактование одних стран другими» [Юрова 2008: 78].

Дополнительной гарантией соблюдения равноправия государств является и то, что права, преимущества, привилегии и льготы, предоставляемые государствам в соответствии с данным принципом в той иди иной, указанной в договоре области их взаимоотношений, должны быть столь же благоприятными, как и не только уже предоставленные, но и те, которые любое третье государство получит в будущем.

Содержащееся в договоре положение о предоставлении режима наибольшего благоприятствования не раскрывает конкретного содержания этого режима и имеет отсылочный характер. Объем и содержание прав и обязанностей, образующих соответствующий режим, определяется нормами внутреннего права бенефициирующего государства и правилами его договоров с другими государствами. Другими словами, стандарт наиболее благоприятствуемой нации имеет изменчивое и постоянно меняющееся содержание.

Таким образом, оговорка является правовым основанием для требования предоставить режим наибольшего благоприятствования, содержание которого каждое государство устанавливает самостоятельно.

В настоящее время практика и международно-правовая доктрина исходят из того, что принцип наибольшего благоприятствования – это диспозитивная норма, т. е. включение ее в соответствующие соглашения не является обязательным. Государства имеют основания требовать предоставление режима наибольшего благоприятствования только в силу включенной в договор клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации, т. е. не вправе претендовать на данный режим на иной основе, чем юридическое обязательство предоставляющего государства.

Принцип наибольшего благоприятствования настолько широко укоренился в международной торговле, что ряд стран применяет его и в тех случаях, когда с ними не заключены торговые договоры и соглашения или когда имеющиеся договоры не содержат упоминания о режиме наибольшего благоприятствования.

Помимо общепринятого согласования режима наибольшего благоприятствования в международных договорах, иногда достаточным основанием для его предоставления на практике другому государству без договорного закрепления может являться фактическое взаимное предоставление иным государствам соответствующего режима. Таким образом, понятием наибольше-

го благоприятствования может охватываться режим, которым пользуются другие государства, независимо от того, основывается он на международном договоре, национальном законе или фактической практике.

Содержащееся в договоре положение о наибольшем благоприятствовании предполагает, что пользование тем или другим преимуществом, вытекающим из соответствующего режима, основывается только на договоре с той страной, в договоре с которой это преимущество было установлено.

В связи с этим возникает вопрос о субъектах правоотношений, складывающихся на основе предоставления режима наибольшего благоприятствования. Следует различать государства, являющиеся сторонами соглашения, устанавливающего данный режим, и государства, являющиеся субъектами правомочий, вытекающих из факта заключения такого соглашения, так как преимущества, установленные между сторонами договора, распространяются и на все третьи государства, в соглашения с которыми стороны включили подобную оговорку.

Принимая во внимание то, что конкретное содержание режима наибольшего благоприятствования может определяться национальным законодательством, необходимо урегулирование взаимодействия международного договора и внутренних законов и постановлений бенефициирующего государства.

Следовательно, преимущества, установленные внутренним законодательным актом данной страны для какой-либо третьей, распространяются на все те страны, с которыми данная страна в торговых договорах установила режим наибольшего благоприятствования. В противном случае внутренним законодательством можно подорвать действие режима наибольшего благоприятствования, установленного международным актом.

И, наоборот, страна, получившая в силу внутреннего законодательства данной страны те или иные преимущества, но не имеющая с этой страной соглашения о режиме наибольшего благоприятствования, не может претендовать на пользование преимуществами, установленными в договорах этой страны с другими странами на основе принципа наибольшего благоприятствования. Этот вывод можно сделать из того положения, что субъектами правомочий, вытекающих из режима наибольшего благоприятствования, являются лишь страны, заключившие соответствующие соглашения.

В зависимости от числа субъектов, имеющих право претендовать на режим наибольшего благоприятствования на основе соответствующей оговорки и наличия взаимности при предоставлении данного режима, и различают одностороннюю, двустороннюю и многостороннюю оговорки о режиме наибольшего благоприятствования.

Поскольку одним из характерных признаков предоставления такого режима на современном этапе является взаимность, наиболее распространенным правовым актом, содержащим соответствующую оговорку, служит двусторонний договор. Каждая из сторон такого договора одновременно является и предоставляющим государством и государством-бенефициарием.

Практике известны и случаи одностороннего предоставления режима наибольшего благоприятствования. Поэтому возникает вопрос: можно ли считать одностороннюю оговорку о наибольшем благоприятствовании соответствующей принципу суверенного равенства. Представляется, что вопрос о допустимости односторонних оговорок должен решаться в контексте принципа взаимной выгоды. Определяя соответствие тех или иных международных экономических отношений этому принципу, следует учитывать не столько внешнее формальное проявление «равенства выгод», сколько реальную взаимную адекватность комплекса выгод, приобретаемых каждым из участников сотрудничества.

Таким образом, применение выше обозначенного подхода позволяет утверждать, что односторонние оговорки о режиме наибольшего благоприятствования могут

использоваться лишь как исключение из общего правила о взаимности предоставления режима наибольшего благоприятствования. Такое исключение допустимо при условии соблюдения принципа взаимной выгоды, например, в случае предоставления ответных адекватных уступок.

Не вызывает сомнения также право экономически развитого государства односторонне предоставить режим наибольшего благоприятствования одному или нескольким развивающимся государствам в виде своего рода преференции. Иначе говоря, одностороннее предоставление режима наибольшего благоприятствования допускается лишь при наличии условий, компенсирующих отсутствие формальной взаимности и обеспечивающих соблюдение принципа взаимной выгоды.

В торговых договорах государств можно выделить два основных вида режима наибольшего благоприятствования: безусловное и условное наибольшее благоприятствование, иначе – эквивалентное. При безусловном (некомпенсационном) режиме в торговом договоре устанавливается, что государства – стороны торгового договора – взаимно обязуются предоставить друг другу все преимущества, которые каждое из заключивших договор государств предоставило или предоставит какому-либо третьему государству. Тем самым каждое из контрагирующих государств обязуется в отношении другого контрагента, во-первых, не допускать дискриминации против торговой деятельности по сравнению с любым третьим государством и, во-вторых, поставить контрагента в такое же благоприятное положение, каким пользуется третье наиболее благоприятствуемое государство.

В большинстве торговых договоров принцип безусловного наибольшего благоприятствования формулируется одновременно и позитивно (предоставить все преимущества) и негативно (не применять дискриминации). При режиме безусловного благоприятствования предоставление государству-контрагенту преимуществ, которые получило или может получить в будущем третье государство, не обусловливается получением от государства-контрагента какого-либо встречного эквивалентного преимущества. В этом смысле можно говорить о безвозмездности режима безусловного наибольшего благоприятствования. Например, в ст. 2 советско-финляндского договора от 1 декабря 1947 года прямо указывается: «Договаривающиеся Стороны предоставляют взаимно друг другу безусловный и неограниченный режим наиболее благоприятствуемой нации» [Ганюшкин 1972: 91]. В Проекте статей Комиссии Международного Права ООН (КМП) о формах предоставления режима наибольшего благоприятствования говорится в статьях 11 – 13. Хотя Комиссия подчеркивает, что «можно смело утверждать, что в настоящее время как в доктрине, так и в практике государств преобладает презумпция о необусловленности клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации», тем не менее, государства по заключению КМП могут договориться о включении в соглашение условий, которые бы ставили их право на получение режима в зависимость от ответного предоставления государством согласованной формы возмещения. В связи с этим КМП ввела понятие «материальной взаимности», которое в окончательном варианте Проекта именуется «условием о возмещении» (ст. 2, п.1 «е»).

При условном (эквивалентном) наибольшем благоприятствовании преимущества, установленные для третьего государства, предоставляются государству-контрагенту без соответствующей компенсации с его стороны лишь в том случае, если третьему государству эти преимущества были предоставлены также безвозмездно. Если же третье государство за предоставленные ему льготы со своей стороны предоставило какой-либо эквивалент, то и контрагирующее государство может воспользоваться этим преимуществом лишь в том случае, если и оно предоставит эквивалентную компенсацию, установленную между договаривающимися государствами.

Известны несколько разновидностей условной оговорки. Исторически первой была так называемая американская форма возмездной оговорки, которая в настоящее время практически не применяется. Позднее появилась оговорка на условиях материальной взаимности.

Различие между этими формами состоит лишь в способе определения компенсации. В первом случае точкой отсчета для установления ее размера служит уступка третьего государства, а во втором – льгота бенефициирующего государства.

В целом же условная форма оговорки, допуская возможность дискриминации государства-бенефициария, неприемлема для торгово-экономических отношений, где наибольшее благоприятствование предназначено не столько для достижения равенства взаимно предоставляемых уступок, сколько для обеспечения равных условий конкурирующим партнерам.

Принцип компенсации выгодно применять развитым странам в отношениях с развивающимися, так как предоставившим очень широкие льготы на возмездной основе они практически расширяют круг преимуществ только для самих себя, в то время как развивающиеся страны не могут ими реально воспользоваться; и поскольку наибольшее благоприятствование компенсационное, такое расширение привилегий не опасно в отношениях развитых стран между собой.

Основным предметом клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации является определение объема наибольшего благоприятствования применительно к договаривающимся государствам.

Сфера действия принципа наибольшего благоприятствования в договорах между одними государствами может быть значительно шире или наоборот уже, чем в подобных соглашениях между другими, применяющими также этот принцип. В зависимости от этого используются различные методы определения объема – синтетический и аналитический.

Соответственно этим методам клаузулы о наибольшем благоприятствовании можно условно разделить на «общие» (содержащие генеральную формулу) и «специальные» (перечисляющие конкретные случаи). Термин «общая клаузула» однако, не означает, что она охватывает всю совокупность отношений между государствами, а подразумевает то, что принцип наибольшего благоприятствования будет применяться ко всем отношениям в определенной области (или областях), например: «во всех вопросах, связанных с торговлей, судоходством и всеми другими формами экономических отношений» (договор между ЧССР и ГДР 1959 г.).

Чаще всего синтетический и аналитический методы применяются кумулятивно, т.е. наряду с генеральной формулой перечисляются частные случаи применения режима наибольшего благоприятствования.

Принцип наибольшего благоприятствования широко применяется в различных сферах международных экономических отношений.

Одна из традиционных областей его применения – таможенный режим. В торговых договорах обычно указывается, что договаривающиеся стороны предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования во всем, что касается таможенных вопросов, в частности в отношении пошлин, налогов и прочих сборов, налагаемых на импорт или экспорт, или в связи с импортом или экспортом (включая метод взимания таких пошлин и сборов); складирования товаров под таможенным контролем; правил и формальностей, применяемых при таможенной обработке товаров.

Применяется принцип наибольшего благоприятствования также в отношении внутренних налогов и сборов, падающих на производство, обработку, обращение или потребление импортированных товаров страны-контрагента. Так, в ст. 2 Соглашения по общим вопросам торговли и мореплавания между СССР и ФРГ 1958 г. говорится: «Каждое из обоих договаривающихся госу-

дарств будет предоставлять товарам другого государства безусловный режим наибольшего благоприятствования во всех вопросах, касающихся внутренних налогов и сборов любого характера».

Следующей традиционной и обширной областью применения принципа наибольшего благоприятствования является мореплавание. В договорах обычно указывается, что стороны «предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования во всех вопросах ... судоходства» (статья 1 Договора о торговле и мореплавании между СССР и Данией 1936 г.), а также оговариваются важнейшие частные случаи его применения, как, например, в статье 5 того же договора:

«Торговым судам каждой из Договаривающихся Сторон, их экипажам, пассажирам и грузам будет предоставлен в портах другой Стороны режим наибольшего благоприятствования в отношении входа, выхода и пребывания в них; погрузки и выгрузки; сборов и налогов всякого рода; снабжения углем и водой; ремонта; пользования кранами, весами, причалами, якорными стоянками, сухими доками и складами; применения правил и формальностей, включая санитарные и карантинные формальности, и вообще в отношении всего того, что касается судоходства.

Всякие преимущества, облегчения, привилегии и льготы, которые предоставлены в этом отношении одной из Договаривающихся Сторон какой-либо третьей стране, будут немедленно и безвозмездно распространены на другую Сторону».

Подобные статьи, как правило, содержатся во всех торговых договорах, заключенных странами, между которыми возможно мореплавание или судоходство. Кроме того, в таких договорах нередко предусматривается распространение наибольшего благоприятствования на область применения портовых предписаний, а в некоторых случаях также и на суда, терпящие бедствие или кораблекрушение и на имеющиеся на них грузы (в большинстве случаев в этих вопросах предусматривается национальный режим).

В некоторых договорах принцип наибольшего благоприятствования применяется в отношении перевозок грузов, багажа и пассажиров по внутренним путям сообщения, правил и формальностей при транзите товаров, правил для иностранных средств транспорта (включая морские и речные суда, самолеты, железнодорожный подвижной состав, автомобили и т. д.).

Нередко принцип наибольшего благоприятствования распространяется на область запрещений и ограничений в торговле. Это значит, что если государство устанавливает какие-либо запрещения и ограничения в своей внешней торговле и при этом дает те или иные льготы определенной стране или странам, то оно должно распространить эти льготы на все страны, в договорах с которыми предусматривается распространение принципа наибольшего благоприятствования на эту область.

Например, в ст.1 Временного торгового соглашения между СССР и Великобританией 1934 г. указывается, что «каждая из сторон предоставляет произведениям почвы и промышленности другой стороны все льготы, права и преимущества, которые ныне предоставлены или будут предоставлены произведениям почвы и промышленности любой другой страны во всем, что касается запрещений и ограничений ввоза и вывоза» [Тяпышев 1999].

В других договорах (например, в Договоре о торговле и судоходстве между СССР и Австрией 1955 г.) используется иная /негативная/ формула: «ни одна из сторон не вправе применять какие-либо ограничения в отношении ввоза на территорию или вывоза с территории другой стороны, если таковые не применяются по отношению ко всем другим государствам». Выражение «все другие государства» в данной формуле по смыслу включает в себя и любое третье государство, т.е. и государство, пользующееся режимом наибольшего благоприятствования.

Эффективность применения принципа наибольшего благоприятствования зависит от адекватности толкования клаузулы о наибольшем благоприятствовании. Такое толкование основывается на правиле *ejusdem generis,* согласно которому государство-бенефициарий вправе претендовать лишь на те права, которые охватываются областью применения оговорки.

Этому вопросу посвящена статья 9 Проекта КМП («Объем прав в соответствии с клаузулой о наиболее благоприятствуемой нации»), которая гласит: «1. ... государство-бенефициарий ... приобретает только те права, которые вытекают из существа предмета клаузулы. 2. Государство-бенефициарий приобретает в соответствии с п.1 права в отношении только тех лиц и вещей, которые определенно установлены в клаузуле или могут быть определены, исходя из ее предмета».

Несмотря на очевидность и общепризнанность правила *ejusdem generis,* на практике возникают трудности с его применением. Они касаются преимущественно круга вопросов, составляющих предмет клаузулы.

Комиссия международного права в статье 10 Проекта предложила следующее уточнение: «Государство-бенефициарий приобретает права ... в отношении лиц или вещей, находящихся в определенной связи с ним, только в том случае, если они: а) принадлежат к той категории лиц и вещей, что и лица и вещи, которые находятся в определенной связи с третьим государством и на которые бенефициирующее государство распространило соответствующий режим; в) находятся в такой же связи с государством-бенефициарием, в какой лица или вещи, указанные в п. а) находятся с третьим государством».

Таким образом, объем прав государства-бенефициария ограничивается, во-первых, самой клаузулой, содержащей ссылку на определенный предмет, и, во-вторых, правом, предоставляемым третьему государству.

Необходимо уточнить, что требование принадлежности к той же категории вещей *(idem genus)* относится только к предмету клаузулы, но не к отношениям между государствами и не к виду договора или соглашения.

В целях уменьшения трудностей, которые могут возникнуть при толковании оговорки, государства должны стремиться предвидеть и максимально полно отразить в ее формулировке перечень охватываемых предметом клаузулы вопросов. Однако для избежания риска возможной неполноты перечисления в формулировке следует использовать выражения, свидетельствующие о том, что предложенный перечень не является исчерпывающим. В случае если проблема толкования возникнет, следует руководствоваться общепризнанными правилами толкования.

Литература

Международное частное право / под ред. Г.К. Дмитриевой. – М.: ПРОСПЕКТ, 2002.

Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б.Венгеров.– 3-е изд., испр. и доп. – М.: Омега-Л, 2006.

Международное право. Учебник для ВУЗов. / Ответственные редакторы Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М.: НОРМА, 2000.

Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. – М.: Волтерс Клувер, 2008.

Ганюшкин Б.В. Дипломатическое право международных организаций. – М., 1972.

Тяпышев О.Г. Условия и перспективы многостороннего регулирования трансграничной инвестиционной деятельности. – Внешнеэкономический бюллетень, 1999. № 6.

В.В. Климачев

УДК 339.7.01

РОЛЬ И ПОЛОЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ЦЕНТРОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

В статье анализируется современное положение международных финансовых центров (МФЦ) в мировой экономике как одного из основополагающих институтов и факторов финансовой глобализации, выявляются этапы развития МФЦ, их типология и тенденции взаимодействия в современных условиях. Освещается проблема создания международного финансового центра в России в качестве важнейшего инструмента повышения финансово-экономического потенциала страны и ее глобальной конкурентоспособности. Раскрывается содержание программы формирования МФЦ в России.

***Ключевые слова**:* международные финансовые центры, глобальная финансовая система, финансовая глобализация, глобальные города, международное движение капитала.

Vadim V. Klimachev

IMPACT OF INTERNATIONAL FINANCE CENTERS IN GLOBAL FINANCE SYSTEM

The article analyzes the current position of international financial centres (IFC) in the world economy as one of the essential institutions and factors for financial globalization, investigates stages of development of IFC, their typology and trends in their current interaction. The article also highlights the problem of establishing an IFC in Russia as a fundamental means of increasing the country's financial and economic potential and its global competitiveness. An insight is made into the Russia's IFC foundation action plan.

***Key words**:* international financial centers, global financial system, financial globalization, global cities, international capital flows.

Неотъемлемой частью и механизмом международной финансовой системы с конца XX века становятся международные финансовые центры (МФЦ). По мере развертывания и углубления процессов глобализации мировой экономики роль МФЦ, их значимость и влияние существенно возрастают.

При этом деятельность одних МФЦ становится все более комплексной, они сосредотачивают не только функции международного рынка ссудных капиталов, но и сопутствующую деятельность в области обслуживания международных валютно-финансовых, кредитных отношений, а также страховых, аудиторских и других услуг. Другие демонстрируют тенденции к дифференциации и специализации своей деятельности.

Многие страны заинтересованы в формировании собственных МФЦ, так как эти центры участвуют в создании и перераспределении мирового финансового дохода, способствуют значительному притоку капиталов в страну, приносят существенные доходы в виде налогов, в том числе на доходы высокооплачиваемых служащих, и обеспечивают рост занятости. МФЦ также влияет на состояние валюты страны пребывания и позволяет ей аккумулировать значительные доходы по статьям платежного баланса.

В МФЦ входят различные структуры, но ведущее место принадлежит банкам и другим субъектам, входящим в сеть международных экономических связей, предоставляющим финансовые услуги. МФЦ постепенно превращаются в мощные информационно-аналитические и организационно-управленческие комплексы, обладающие значительным кредитным потенциалом. Уверенные позиции в МФЦ занимают фирмы, обслуживающие их потребности, в том числе международные юридические и аудиторские, а также управленческие консультанты. Кроме того, МФЦ привлекают широкий круг экспертов по сопоставительному экономическому и юридическому анализу и других специалистов. Возрастает значение аналитических центров, способных обеспечить проведение междисциплинарных исследований, подготовку индексов и рейтингов финансовых центров. Ведущие МФЦ занимаются анализом состояния и перспектив развития мирового хозяйства и экономики стран мира. В последние годы одной из основных функций МФЦ является выработка и реализация совместно с международными финансовыми организациями и ведущими западными государствами долгосрочной стратегии реорганизации сложившейся в конце XX века мировой финансовой системы. Разрабатываются «правила игры» на финансовых рынках, предполагается создать институционально-правовую систему деятельности финансовых учреждений для обеспечения максимально свободного доступа к рынкам финансовых услуг.

Страны без развитых внутренних финансовых рынков и соответствующих финансовых центров в перспективе будут сильно зависеть от привлекаемого иностранного капитала при одновременном его оттоке из страны. Чтобы обеспечить международный уровень конкурентоспособности национального финансового рынка и удерживать достаточно устойчивые позиции в глобальной финансовой системе, страна должна быть ориентирована на создание МФЦ с той или иной степенью комплексного охвата финансовых операций, либо с упором на их специализацию. Для обеспечения суверенности и динамизма развития российской экономики вопрос создания собственного МФЦ становится крайне актуальным в современных условиях. Этот вывод подтверждается тем вниманием, которое оказывает Президент РФ и Правительство страны процессу создания МФЦ в России[1].

[1] Задача превратить Москву в мощный мировой финансовый центр была впервые озвучена Президентом РФ Д. Медведевым в начале июля 2008 года.

***

Современное значение МФЦ заключается в том, что финансовые центры являются важнейшим субъектом и фактором мировой экономики. Это образования институционального типа, принимающие участие в процессах разработки и реализации долгосрочных стратегий функционирования глобальной финансовой системы.

МФЦ являются неотъемлемым звеном интеграции мировых финансовых рынков. Функционирование финансовых центров стало основой становления финансовой глобализации, которая является одной из наиболее характерных особенностей современной мировой экономики.

Отправным моментом финансовой глобализации стало возникновение мировой финансовой сети, соединившей ведущие финансовые центры разных стран. Это произошло в 1980 г., когда система финансовых рынков начала функционировать на глобальном уровне. Укрепление связей между ведущими МФЦ (Нью-Йорк, Лондон, Токио и др.) привело к повсеместному присутствию международных финансовых институтов, международной финансовой интеграции и быстрому развитию финансовых инноваций.

Финансовая глобализация тесно связана с международной финансовой интеграцией, т.е. с устранением барьеров между внутренним и мировым финансовым рынком с развитием множественных связей между ними. Благодаря этому иностранные инвесторы могут вкладывать свой капитал в формирование новых МФЦ.

Существенным звеном финансовой глобализации являются финансовые инновации, т.е. создание новых финансовых инструментов и технологий. Финансовые инновации способствуют процессу секьюритизации, т.е. увеличению роли ценных бумаг на финансовых рынках, что является определенной альтернативой кредиту.

Деятельность мировых финансовых центров стала ведущим фактором формирования глобальной финансовой системы, в которой границы между регионами больше не играют решающей роли, и можно говорить о формировании «новой экономической географии».

В глобализирующейся мировой экономике МФЦ играет роль контролера над глобальными денежными и капитальными потоками. МФЦ формируют новый тип международного кредита – глобальный кредит.

МФЦ являются центрами по взиманию глобальной ренты, посредством легализации глобального кредита через банки, фонды, используя валютные курсы, процент и другие экономико-финансовые механизмы. Основная роль МФЦ в обобщенном виде сводится к выработке и реализации совместно с международными финансовыми организациями и развитыми странами долгосрочной стратегии по укреплению и реформированию мировой финансовой системы, перестройке мировой финансовой архитектуры.

***

Продолжительный по времени процесс эволюции МФЦ носит историческую природу. Процесс становления и развития МФЦ можно условно разделить на четыре этапа.

Первый этап включает период с XVII века до середины XVIII века и характеризуется становлением весьма узких рынков ценных бумаг, носивших региональный характер, оперировавших небольшим числом финансовых инструментов с невысокими стоимостными объемами (Лион, Антверпен, Амстердам). Их влияние на экономику страны базирования, а тем более на экономику других стран, было незначительным.

Второй этап становления МФЦ охватывает временной отрезок с 70-х годов XVIII века до второй половины XX века. Это биржевой этап эволюционирования МФЦ, поскольку функционирование фондовой биржи с соответствующей инфраструктурой закладывалось в основу их деятельности. Наиболее интенсивно и динамично МФЦ развивались в это время на территории Европы (Лондон, Париж, Берлин) и США (Нью-Йорк, Чикаго). Второй этап в формировании и развитии МФЦ характеризуется

растущей интернационализацией мировой хозяйственной жизни, которая в свою очередь оказала существенное воздействие на деятельность финансовых центров и способствовала распространению их влияния на мировую экономику.

Третий этап развития МФЦ связан с появлением наднациональных валютных рынков, еврорынков капитала, а также периферийных финансовых центров, формировавшихся в период с 50-х до 80-х гг. XX века. После 50-х гг. МФЦ все чаще начинают формироваться в Азиатском регионе. Новые МФЦ, возникшие в этот период, отвечают тренду на либерализацию, усиливают открытость многих экономик мира, способствуют повышению эффективности трансграничной миграции капитала, функционирования международного валютного рынка, рынка евровалют, еврорынков капитала, денежного рынка и фондовых бирж. Заметную роль начинают играть офшорные центры. Происходит кристаллизация современной структуры финансовых центров.

Четвертый, современный этап развития МФЦ (с 1980 г. по настоящее время), связан с общей тенденцией глобализации мировой экономики и возрастанием роли и значения финансового сектора. Укрепляются позиции ведущих мировых МФЦ, которые окончательно приобретают статус глобальных – Нью-Йорк, Лондон, а также подтягивающихся к ним Сингапура и Гонконга, бывших региональных центров. Возникает специализация в деятельности МФЦ, усиливается конкуренция между ними, появляется ряд новых МФЦ с достаточно серьезными амбициями на роль региональных лидеров, среди которых также отмечается существенная конкуренция. Среди финансовых центров, возникших в 90-е годы, можно выделить Бруней, а также китайский центр Пудун.

Новые МФЦ демонстрируют заметный динамизм роста по сравнению со «старшими по званию»: так, среднегодовой темп роста международных кредитных операций в новых МФЦ существенно выше, чем в большинстве традиционных МФЦ. Количество МФЦ, в мировой экономике увеличивается с каждым годом. При этом, если в начале 70-х гг. среди 15 крупнейших финансовых центров мира было лишь три расположенных в развивающихся странах, то в начале 80-х гг. таких центров стало уже в два раза больше.

Главная особенность в развитии МФЦ на современном этапе состоит в качественной модификации механизмов и направлений их деятельности. Они становятся бизнес-площадками для ведущих фирм, предлагающих финансовые и информационные услуги, равно как и транснациональными рынками, где фирмы и правительства могут покупать финансовые инструменты и специализированные услуги. Таким образом, МФЦ приобретают дополнительную функцию, становясь полюсами информационной экономики.

***

Физической основой развития МФЦ в условиях мировой экономической глобализации являются «глобальные города» – глобальные мировые центры, в большинстве которых сосредоточены развитые услуги и куда стекаются информационные потоки.

В середине 2000-х гг. число мегаполисов перевалило за двадцать. В настоящее время крупнейшим мегаполисом в мире является столица Японии – Токио, где проживает более 35 млн. человек. В большинстве развитых стран рост крупных городов практически прекратился. Наиболее динамично растут мегаполисы, расположенные в развивающихся странах, в особенности в Азии и Африке. По прогнозам к 2020 г. численность населения в таких городах, как Мумбаи, Дели, Мехико, Сан-Паулу, Дакка, Джакарта, Лагос, превысит 20 млн. человек. Сегодня в мегаполисах проживает 9% всего городского населения Земли.

Мегаполисы многими исследователями рассматриваются как «локомотивы» глобальной экономики, эффективно соединяющие потоки товаров, капитала, информации. В настоящее время 20% мирового ВВП соз-

Таблица 1
Рейтинг городов мира по уровню ВВП

Место в 2008 г.	Город	ВВП по ППС в 2008 г. (млрд. долл. США)	Место в 2025 г.	Город	ВВП по ППС в 2025 г. (млрд. долл. США)	Темп роста, (%, 2009-2025 гг.)
1	Токио	1479	1	Токио	1981	1,7
2	Нью-Йорк	1406	2	Нью-Йорк	1915	1,8
3	Лос-Анджелес	792	3	Лос-Анджелес	1036	1,6
4	Чикаго	574	4	Лондон	821	2,2
5	Лондон	565	5	Чикаго	817	2,1
6	Париж	564	6	Сан-Паулу	782	4,2
7	Осака/Кобе	417	7	Мехико	745	3,9
8	Мехико	390	8	Париж	741	1,6
9	Филадельфия	388	9	Шанхай	692	6,6
10	Сан-Паулу	388	10	Буэнос-Айрес	651	3,5
11	Вашингтон, округ Колумбия	375	11	Мумбаи	594	6,3
12	Бостон	363	12	Москва	546	3,2
13	Буэнос-Айрес	362	13	Филадельфия	518	1,7
14	Даллас/ Форт-Уорт	338	14	Гонконг	506	2,7
15	Москва	321	15	Вашингтон, округ Колумбия	504	1,8

Источник: PricewaterhouseCoopers. http://www.pwc.com/

дается десятью экономически наиболее развитыми мегаполисами мира.

В настоящее время уже практически аксиоматическим становится тезис о том, что информационные и телекоммуникационные технологии, глобальный финансовый рынок и международное производство, сформированное на основе многочисленных глобальных цепочек создания стоимости, способствовали возникновению нового международного разделения труда, в котором глобальные города играют роль стратегических центров (узлов) мировой экономической сети. Если в прошлом роль и место крупнейших городов мира определялись их культурно-религиозным значением или статусом столиц наиболее развитых и могущественных в политическом и военном отношении стран, то сегодня место того или иного города в новой иерархии городов определяет глобализация. По мнению американского исследователя Дж. Фридмана, формирование мировой иерархии городов, начавшееся с конца 1970-х гг., свидетельствует о фундаментальном сдвиге в развитии мирового капитализма, определяемом тем, что города включены в межгородские связи (цепи) и замещают государства в качестве основной территориальной инфраструктуры капиталистического развития [Friedmann 1995: 226]. В новых условиях возникает градоцентрическая структура мирового капитализма, конфигурация которой формируется под воздействием стратегий глобальных ТНК, осуществляющих перевод промышленного производства из развитых стран в развивающиеся, весьма часто на принципах аутсорсинга. Другим фактором, влияющим на изменение экономической сущности глобальных городов, стало превращение многих из них из центров промышленного производства в центры принятия решений,

административного управления и контроля в сфере глобального перемещения финансовых потоков. Деиндустриализация этих городов в последние три десятилетия сопровождается развитием в них секторов услуг, специализирующихся на обслуживании многообразной деятельности фирм и рынков: это финансовые, юридические, бухгалтерские, страховые, транспортные, логистические, рекламные, телекоммуникационные, инженерные, строительные, архитектурные и другие услуги.

Можно выделить следующие особенности развития современных глобальных городов:

- объективно-стихийное развитие МФЦ в эпоху индустриальной эконо-мики сменилось программно-регулируемым их созданием. Понимая важность развития финансового сектора экономики, правительства целого ряда стран заявили в последнее время о более чем десяти планах-проектах по созданию МФЦ (Мумбаи, Сеул, Тайбэй, Шанхай, Варшава, Астана, Москва и др.);
- развитие мегаполисов предполагает их специализацию. При этом наиболее предпочтительными сетями с точки зрения прибыльности являются высокотехнологичные сети, сети разного рода услуг, коммуникационные и транспортные сети;
- в настоящее время все более типичным для мирового города становятся высокотехнологичные инновации, высокая концентрация финансовых услуг, развитая интеллектуальная инфраструктура. В индустриальный период развития мировой экономики финансовые центры являлись центрами межрегиональной и международной торговли. В постиндустриальный период во все более высокой степени происходит взаимодействие между наукой, высокотехнологичными инновациями и финансовой деятельностью. Постоянно возрастающее значение приобретают вложения капитала в рисковые инновации, а рост высокотехнологичного производства и сокращение рисков будут центральными факторами, определяющими размер и рост региональных финансовых рынков.

***

Отдельного рассмотрения требует проблема построения классификации МФЦ, в частности, вопрос об определении круга критериев, используемых в настоящее время при отнесении финансового центра к категории глобального.

Разнородность существующих МФЦ требует разработки их определенной классификации по тем или иным критериям, для выяснения типических, сходных черт в их становлении и развитии. Многообразие подходов к классификации МФЦ обусловлено многофакторностью и многовекторностью их функционирования в условиях все более глобализирующейся мировой финансовой экономики.

Один из возможных подходов к классификации МФЦ предполагает использование таких критериев, как глобально-региональный критерий, критерий специализации / диверсификации их деятельности, степень развитости финансовых институтов. С точки зрения такой классификации глобальные, мировые финансовые центры – это ведущие центры, центры первого уровня, а зональные и региональные – МФЦ второго и третьего уровня (с общеэкономической, географической точки зрения, с точки зрения глобальности, финансовой позиции, например, по капитализации торгуемых на рынках этих стран акций) (см. Таблицу 2).

Классификация МФЦ не означает их статичности в той или иной ранжировке. За исключением, пожалуй, двух ведущих мировых (глобальных) МФЦ (Лондон и Нью-Йорк), остальные зональные, региональные и национальные финансовые центры находятся в подвижном состоянии, определяемом набором как национальных социально-экономических, так и геоэкономических факторов. Можно констатировать, что в отношении региональных финансовых центров наметилась достаточно устойчивая тенденция, свидетельствующая о том, что правительства тех стран, где расположены эти центры, предпринимают существенные

Таблица 2.
Комплексный критериальный подход к классификации МФЦ

	Диверсифицированные	**Относительно диверсифицированные**	**Относительно специализированные**	**Формирующиеся**
Глобальные	*Глобальные лидеры*: **Лондон** **Нью-Йорк**	*Глобальные диверсифицированные*: Гонконг Сингапур Чикаго Цюрих Франкфурт	*Глобальные специализированные*: Женева Люксембург	*Претендующие на статус глобальных*: Шанхай Дубай Пекин
Зональные	*Зональные лидеры*: Токио Сидней	*Зональные диверсифицированные*: Амстердам Вена Мадрид Милан	*Зональные специализированные*: Шензен Остров Мэн Каймановы острова Британские Виргинские острова Бахрейн Гибралтар	*Претендующие на статус зональных*: Москва Куала-Лумпур Мумбаи Бангкок
Региональные	*Региональные лидеры*: Вашингтон (D.C.) Йоханнесбург	*Региональные диверсифицированные*: Брюссель Сан-Паулу Осло Мехико Варшава Афины	*Региональные специализированные*: Катар Монако Рио-де-Жанейро Мальта Багамы Джакарта	*Возникающие региональные*: Рим Прага Эр-Рияд Санкт-Петербург Будапешт Стамбул Рейкьявик

Составлено по данным The City of London Corp. and Z/Yen Group. Режим доступа http://www.zyen.com

усилия по превращению их в международные финансовые центры, с дальнейшими планами их всесторонней глобализации. Даже МФЦ развитых стран, занимающие устойчивые позиции в глобальной финансовой системе, стремятся продвинуться на позиции грандов-МФЦ, занять их место в мировой иерархии этих институтов, например, Франкфурт-на-Майне, конкурирующий с Лондоном по ряду позиций.

***

Говоря об особенностях функционирования и тенденциях взаимодействия МФЦ в глобальной финансово-экономической системе, а также перспективах их дальнейшего развития, следует сфокусировать внимание на ключевых моментах деятельности ведущих МФЦ, в наибольшей степени отражающих их роль и значимость в современной глобализирующейся мировой экономике. Пристального внимания заслуживают

особенности эволюции новых финансовых центров развивающихся стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока – Гонконга с одной стороны, Бахрейна и Дубая – с другой.

Анализ взаимодействия МФЦ в условиях глобализации международных финансов позволяет выявить основные тенденции, отражающие сложные взаимозависимости и противоречия их развития.

Во-первых, можно говорить об отношениях конкуренции между МФЦ, обострению которой способствовал процесс глобализации, воздействующий на финансовый сектор мировой экономики. Так, англо-саксонские МФЦ в развитии новых финансовых продуктов всегда занимали ведущие позиции в финансовом секторе развитых стран, а в условиях глобализации, усилив инновационность и креативность новых продуктов, способствовали наращиванию своего превосходства по отношению к континентально-европейским МФЦ (например, взаимодействие МФЦ Лондона и Франкфурта-на-Майне).

В начале XXI века обострилась конкуренция между МФЦ в биржевом сегменте, в основном относительно проведения первичного размещения акций (IPO). Наиболее популярным местом проведения международных размещений являются фондовые биржи Европы, США и Гонконга. При этом лидерство по IPO продолжают удерживать европейские биржи, что объясняется либеральностью европейского законодательства, крупными размещениями последних лет (каждая в несколько млрд. долл.), а также успешной деятельностью новых торговых площадок (например, Alternext, Entry Standard, IEX и др.).

В последние годы бурный рост демонстрируют азиатские биржи, постепенно превращающиеся в конкурентов в деле IPO по отношению к признанным инвесторами площадкам. Быстрая динамика развития азиатских бирж обусловлена стремительным ро-

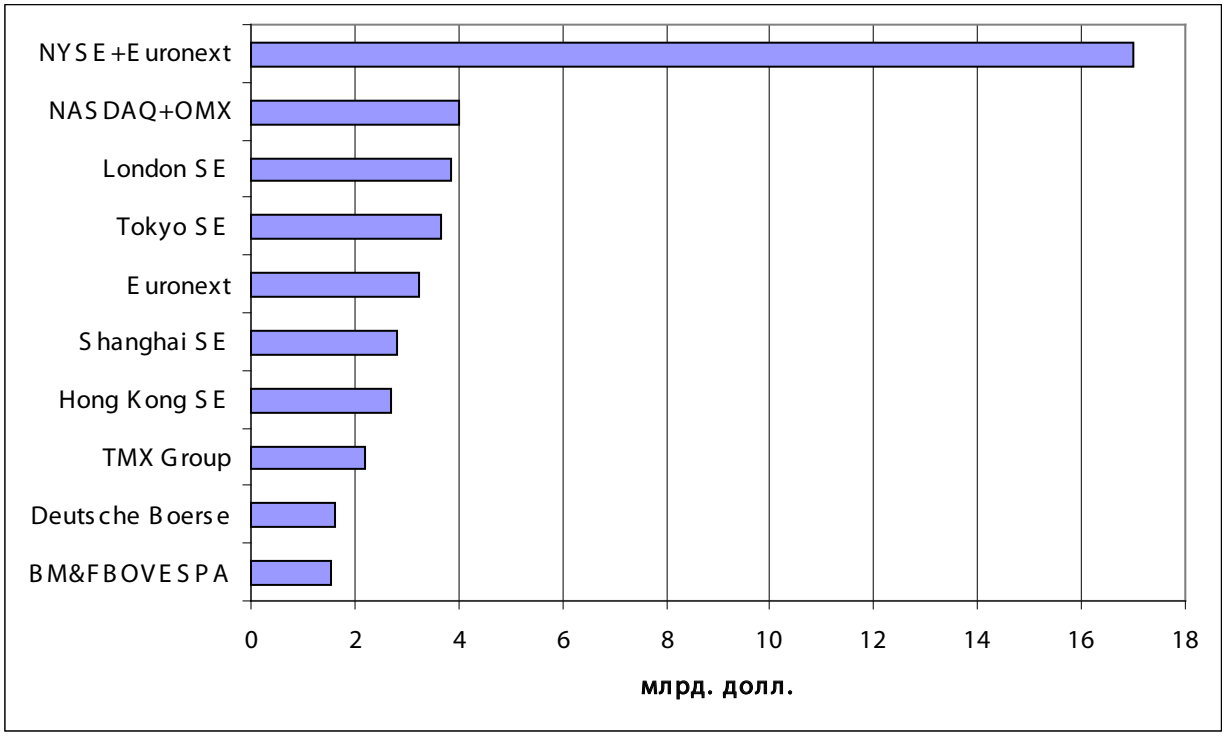


Рис.1. Рыночная капитализация крупнейших бирж мира на конец июня 2011 г.

Составлено по материалам Всемирной федерации бирж. Режим доступа http://www.world-exchanges.org/statistics/

стом развивающихся азиатских экономик, а в первую очередь Китая с его увеличивающейся потребностью в капитале.

Растущая конкуренция между МФЦ является немонопольной и неоднородной тенденцией, выражаясь, главным образом, в конкуренции между МФЦ одного типа и одного уровня.

Во-вторых, еще больший интерес вызывают отношения специализации и сотрудничества, которые являются более характерным для взаимодействия различных финансовых центров явлением. Необходимость сотрудничества между МФЦ продиктована тем, что в условиях глобализации в сфере движения капитала географически защищенные в прошлом МФЦ стали уязвимыми для конкурентов со всего мира. Консолидация МФЦ, которая выступает в роли механизма защиты от риска утраты ведущих позиций, проводится в форме слияний и поглощений, а также стратегических альянсов, что характерно для деятельности международных, глобализирующихся компаний.

Начавшись в 2005 г. с ряда поглощения фондовых бирж в США и Европе, данные процессы привели в 2006 г. к появлению первой в мире глобальной фондовой биржи, возникшей в результате сделки по трансконтинентальному объединению американской биржи NYSE и европейской Euronext. Новая биржа стала самой крупной биржей по рыночной капитализации, что заметно укрепило ее в конкурентной борьбе за инвесторов (Рис. 1).

***

Идея о необходимости создания финансового центра в России обусловлена общими тенденциями и закономерностями развития мировой экономики. В условиях нестабильности глобальной финансовой системы и ослабления американского доллара как глобальной валюты ускоряются процессы региональной валютной интеграции и формирования новых финансовых центров. Руководящие органы развивающихся финансовых рынков ряда стран, в том числе и стран СНГ, ищут сближения, стремятся по возможности интегрироваться с теми или иными финансовыми «центрами силы» с целью защиты от глобальных рисков и расширения привлечения иностранных инвестиций. Возникает такая ситуация, когда стремление России оставаться лидером среди постсоветских стран объективно требует новых подходов по финансовой интеграции с ними. Важнейшим путем такой интеграции, видимо, может стать всемерное позиционирование России как регионального лидера в сфере финансовой экономики и, прежде всего, как регионального МФЦ. Успех в этом направлении будет способствовать росту экономического потенциала страны, базирующемуся не только на природно-сырьевых ресурсах, но также на прочном геоэкономическом положении. В противном случае России придется стать составной частью другого финансового центра, что будет означать проигрыш в глобальной конкуренции. Это отрежет страну от инвестиционных потоков, которые активно используют для своего развития другие страны.

Существуют определенные количественные значения параметров, позволяющих квалифицировать страну как МФЦ. Системообразующая группа данных параметров исходит из доли финансовых активов страны в мировых финансовых активах, прежде всего, учитывается доля страны в мировой капитализации рынка акций. С этой точки зрения в России в настоящее время сложились базовые условия, необходимые для формирования МФЦ. Особую значимость представляет заметный рост показателей развития национального фондового рынка. В частности, финансовый рынок России по ряду показателей вышел в лидеры среди развивающихся рынков. По соотношению капитализации и ВВП Россия превосходит ряд стран Европы, несущественно отставая от других стран БРИК.

Вместе с тем, имеются серьезные проблемы, сдерживающие процесс формирования финансового центра на территории России. Среди них наиболее значительными

Таблица 3
Индекс международных финансовых центров

Финансовый центр	**2011**		**2010**		**2009**	
	Ранг	Рейтинг	Ранг	Рейтинг	Ранг	Рейтинг
Лондон	1	774	1	772	=1	775
Нью-Йорк	2	773	2	770	=1	775
Гонконг	3	770	3	760	3	739
Сингапур	4	735	4	728	4	733
Шанхай	5	724	6	693	11	668
Токио	6	695	5	697	5	692
Чикаго	7	692	7	678	6	678
Цюрих	8	686	8	669	7	677
Женева	13	672	9	661	8	671
Сидней	15	669	10	660	=9	670
Франкфурт	16	667	11	659	13	660
Париж	24	643	18	645	20	642
Шэньчжэнь	25	642	14	654	=9	670
Стокгольм	28	638	37	587	38	595
Дубай	36	622	28	607	24	618
Вена	42	615	47	571	43	583
Мадрид	48	608	39	584	45	581
Милан	50	606	43	577	47	579
Рим	54	597	50	563	49	574
Москва	***61***	***581***	***68***	***506***	***68***	***516***
Мумбаи	64	578	57	550	58	562

(The Global Financial Centers Index, 2009-2011)

Составлено по данным The City of London Corp. and Z/Yen Group. 2009-2011. Режим доступа http://www.zyen.com

являются неразвитость отдельных сегментов финансового рынка и банковской системы, несовершенство законодательства, инфраструктуры, недостаточный уровень развития деловой окружающей среды.

Именно по этим причинам наша страна пока не может похвастаться высокими позициями в международных рейтингах. В очередном рейтинге ведущих финансовых центров мира, составленным Всемирным экономическим форумом (WEF) в 2011 г., Россия заняла 39-е место, получив 3,18 балла. По мнению экспертов WEF, Россия может претендовать на звание международного финансового центра лишь в конкурентном поле развивающихся финансовых рынков.

Дальнейшее развитие конкурентоустойчивости России невозможно без практических шагов по улучшению, совершенствованию национального финансового климата, культивированию собственных национальных преимуществ, поиска инновационных направлений для развития.

Москва является наиболее вероятным кандидатом на роль МФЦ в России в силу своего лидирующего положения на нацио-

нальном финансовом рынке, статуса одной из крупнейших столиц мира и важного коммуникационного узла в системе международных хозяйственных связей. Москва является важнейшим политическим, транспортным, торговым и информационным центром.

Текущее положение Москвы среди ведущих городов мира отражают данные, публикуемые Лондонским Сити и компанией Z/Yen – так называемый индекс Международных финансовых центров (Таблица 3).

Примечательным является то обстоятельство, что всего за 2010-2011 годы Москва заметно поднялась в этом рейтинге: прирост составил около 16%, что свидетельствует о высоком потенциале дальнейшего динамичного развития столицы как города, претендующего на роль крупного финансового центра.

Говоря о путях и механизмах формирования МФЦ в России, необходимо отметить, что это событие не может быть результатом краткосрочной политической кампании. Это достаточно длительный общественно-экономический процесс. Определяющую роль в нем играют в большей степени федеральные, а также городские власти (имеется в виду власти Москвы). Как показывает опыт развития ряда МФЦ, их становление и функционирование практически невозможно без целенаправленной поддержки правительства. Большинство проблем, связанных со становлением финансового центра в Москве, носит системный характер и не может быть эффективно решено только на уровне города без участия федеральной власти и участников финансового рынка.

По нашим прогнозам реальный финансовый центр может быть создан не ранее 2020-2025 гг. Предлагаемый нами алгоритм формирования в Москве МФЦ призван ликвидировать отставание российского финансового рынка от ведущих МФЦ и сделать его конкурентно устойчивым в отношении новых, растущих МФЦ Европы и Азии. Программа создания МФЦ включает в себя мероприятия, направленные на обеспечение прямого допуска иностранных инвесторов и иностранных активов к российскому финансовому рынку.

Алгоритм формирования МФЦ в Москве состоит из ряда взаимосвязанных шагов:

1. Построение единой вертикально интегрированной инфраструктуры фондового рынка с консолидированной биржевой структурой и высококвалифицированными инфраструктурными финансовыми институтами.

2. Повышение ликвидности рынка ценных бумаг путем расширения круга эмитентов и диверсификации обращающихся на нем инструментов.

3. Обеспечение упрощенного доступа иностранных инвесторов к национальному финансовому рынку посредством налогового стимулирования. В частности, предлагается освободить от налогообложения доходы физических лиц, получаемые от реализации ценных бумаг (если срок владения бумагами свыше 1 года) и от дивидендов на акции. Условия налогообложения операций с ценными бумагами будут одинаковыми для физических лиц, как резидентов, так и нерезидентов. При этом стратегические инвесторы, которые владеют не менее чем 25% пакетом акций также не менее 1 года, получат освобождение от налога и на прибыль.

4. Создание в России крупных инвестиционных банков, открытие дочерних отделений иностранных инвестбанков, повышение капитализации российского банковского сектора.

5. Совершенствования финансового и корпоративного законодательства, в частности, принятие федеральных законов о секьюритизации финансовых активов, клиринге и клиринговой деятельности, инсайдерской информации.

6. Развитие московского транспортного пассажирского узла и создание дружественной среды обитания для иностранцев.

7. Формирование общего финансового пространства стран СНГ с возможностью включения Москвы в систему центров стран СНГ (прежде всего, это Астана – финансовый центр Казахстана) и других сопредельных

стран, с образованием полицентрической сети, в которой могут действовать институциональные соглашения единой финансовой системы.

По результатам диссертационного исследования МФЦ можно охарактеризовать как комплексные образования в составе глобальной финансовой системы, основная роль которых состоит во взимании глобальной финансовой ренты и перераспределении мирового ВВП. МФЦ непосредственным образом включены в процессы выработки и реализации совместно с международными финансовыми организациями долгосрочных стратегий функционирования глобальной экономической системы. Наличие самостоятельно финансового центра – один из важнейших признаков конкурентоспособности национально экономики, и с этой точки зрения формирование МФЦ в Москве представляется объективно необходимой задачей, решение которой возможно в рамках реализации комплексной модернизационной стратегии России в области финансов.

Литература

Friedmann J. Where We Stand: A Decade of World City Research // World Cities in a World System / Ed. by P. Knox, P. Taylor. N.-Y., 1995.

О.В. Сонин

УДК 314.74

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена теоретическим аспектам интеграционных процессов, в частности, в экономиках стран СНГ, интерес к которым обусловлен необходимостью анализа изменений, произошедших на постсоветском пространстве за годы, последовавшие за обретением независимости. Данное исследование отражает общие и частные аспекты интеграционных процессов национальных экономик стран СНГ. Значительное внимание уделяется факторам интеграции, в особенности взаимозависимости региональной экономической кооперации и модернизации.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, Интеграция постсоветского пространства.

Oleg V. Sonin

THEORETICAL CONCEPTS OF REGIONAL INTEGRATION PROCESSES

This article is devoted to the problems of modernization of the economies of the CIS countries. Interest to these problems is determined by the necessity of analysis of the changes going on in the economies of the countries which have lost their Soviet identity. The present research feeds reflection of general and specific features in the processes of modernization of the national economy. Considerable attention is devoted to the factors collection to of modernization and especially to interdependence of the processes of regional economic cooperation and modernization of national economies.

Key words: CIS countries, Post Soviet countries, economic cooperation and integration, CIS integration factors.

Анализ современных мировых экономических тенденций позволяет выделить 2 основных направления формирования региональных группировок:

1. Региональная интеграция вырастает из интенсивных торгово-экономических отношений между определенными странами, динамика которых значительно опережает развитие взаимодействия с другими государствами. Эта тенденция объективно способствует одновременному расширению каналов политической коммуникации между субъектами объединения и подталкивает к интеграционным инициативам в политической сфере.

2. Региональная интеграция возникает в результате политических условий, которые не всегда могут опираться на соответствующий уровень экономического взаимодействия и учитывать географические и исторические особенности. Эти две тенденции глубоко взаимосвязаны между собой.

Развитие мировой экономики породило к концу XX столетия целый ряд общих тенденций, возникших из объективной потребности стран и народов координировать свои усилия в использовании природно-сырьевых и людских ресурсов, обмене товарами, капиталами и т.д. Среди этих тенденций значительно выделялись усилия к международной интеграции, активно обозначившей себя после окончания 2 мировой войны и развивающейся с тех пор как форма интернационализации жизни, как объективный процесс переплетения национальных экономик и проведения согласованной международной экономической политики.

Многочисленные региональные интеграционные группировки во второй половине XX века стали возникать в различных частях планеты. При этом объединения создавались не только в регионах с высоко и среднеразвитым индустриальным хозяйством, как например Североамериканская Ассоциация Свободной Торговли (НАФТА), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЕС), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Латиноамериканская интеграционная Ассоциация (ЛАИ), Центральноамериканский Общий рынок (ЦАОР), но и в самых отсталых регионах мира: Экономическое сообщество Западно-африканских государств (ЭКОВАС), Южноафриканская конференция развития и координации (ЮАКРК), Карибский Общий Рынок (КОР) и множество других.

Общепринятого определения интеграции как такового не существует. Исследователи и коллективы авторов трактуют региональную интеграцию по-разному. Известный голландский экономист В. Моле трактует интеграцию как «постепенное устранение экономических барьеров между независимыми государствами, в результате чего хозяйства этих стран начинают функционировать как единое целое. Экономическая интеграция не является целью сама по себе, а служит более высоким целям, как экономического, так и политического порядка». К ним можно причислить благосостояние, как государства, так и его граждан, права человека, демократия и т.д. Высшей стадией интеграции Молле называет «полный союз», при котором происходит полное объединение хозяйств стран участниц, в результате чего они начинают функционировать как федерация или конфедерация [Molle 2001: 17].

Н. Ливенцев и В. Харламова под региональной экономической интеграцией в самом общем виде понимают «процесс постепенного хозяйственного объединения ряда стран, в результате которого формируется новый целостный хозяйственный организм – международный хозяйственный комплекс» [Ливенцев, Харламова 2001: 114].

Электронная библиотека трактует интеграцию как «…процесс развития устойчивых взаимосвязей национальных хозяйств разных стран, ведущий к их постепенному экономическому слиянию, основанный на проведении этими странами согласованной межгосударственной экономики и политики» [Свободная энциклопедия Википедия http://ru.wikipedia.org].

Согласно Большой Советской Энциклопедии, интеграция – это «форма интернационализации хозяйственной жизни, возникшая в XX в. после 2-й мировой войны, объективный процесс переплетения национальных хозяйств и проведения согласованной межгосударственной экономической политики. Она включает развитие производственной и научно-технической кооперации, торгово-экономических и валютно-финансовых связей, создание различных межгосударственных объединений политического и экономического характера, региональных экономических группировок, зон свободной торговли, таможенных союзов, экономических и валютных союзов».

На наш взгляд, наиболее полно региональную интеграцию охарактеризовал один из основателей школы российских исследователей этой проблематики – Шишков Ю.В (д.э.н. проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН). Он определяет ее как «сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и формирование единого рыночного пространства с единой валютно-финансовой системой , единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики» [Шишков 2000]. В данном исследовании мы придерживаемся именно этой трактовки понятия региональной интеграции (РИ).

Региональное экономическое сотрудничество (РЭС) предполагает более широкую трактовку, чем РИ и подразумевает полный спектр экономических, политических и социальных взаимоотношений между странами исследуемого региона.

Научное исследование проблемы интеграции связано с осмыслением реальных интеграционных процессов и направлено на то, чтобы выявить в них общие тенденции, связанные с причинами, детерминирующими фактами, основными чертами данного феномена. Исторически было обусловлено, что в теориях интеграции преобладали экономические предпосылки как движущие интеграцию факторы. В процессе эволюции этих воззрений в некоторых концепциях прослеживается появление политического фактора наравне с экономическим. Социальные аспекты, как правило, упоминаются поверхностно. Но в процессе исторической эволюции концепций региональной интеграции, последним отводится все возрастающая роль.

Одну из первых попыток теоретического осмысления процессов международной интеграции предприняли исследователи либеральной и неолиберальной экономической школы (1950-1960 гг.) (А. Мюллер-Арамак, А. Предоль, В. Репке). Представители либерального подхода отстаивают тезис, что путем экономической интеграции можно достичь свободной международной торговли, при этом государства сохраняют свой суверенитет. Феномен «интеграции» они сводили к созданию единого рыночного пространства в составе нескольких стран, где была бы обеспечена свобода действующих рыночных сил. По их мнению свободная международная торговля сама по себе интегрирует сферу сотрудничества, потому и не требуется создания обособленных наднациональных институтов, которые бы регулировали и направляли процесс развития интеграции. Вместе с тем, для достижения такого развития необходима отмена государственного вмешательства в валютно-финансовую сферу, что создает предпосылки расширения финансовых рынков. У представителей этого подхода преобладали сугубо экономические воззрения на процесс интеграции.

Представители социального либерализма исходили из принципа, что должно использовать свою власть для восстановления социальной справедливости. Яркие представители этой школы Дж. Дьюи (1859–1952), Симон де Сисмонди (1773–1842), Фридриха Альберта Ланге (1828–1875) объясняли, что все индивидуумы, будучи основой общества, для реализации своих способностей должны иметь доступ к базовым нуждам, таким как образование, экономические воз-

можности. Социальный либерализм поддерживает введение некоторых ограничений на экономическую конкуренцию. Он также ожидает от правительства предоставления социальной защиты населению (за счёт налогов), чтобы создать условия для развития всем талантливым людям, для предотвращения социальных бунтов и просто «для общего блага».

Сторонники раннего неолиберализма (В. Репке, М. Алле) представляли полную интеграцию как единое рыночное пространство в региональном масштабе, где действуют стихийные рыночные силы независимо от политики государств, национальных и международных законодательных актов. Роль национальных институтов в контексте интеграции состоит в том, чтобы не дать государству воздействовать на региональные рынки ради поддержания для всех экономических субъектов конкурентных условий. Государству, выступающему при этом в качестве субъекта политической интеграции, отводится роль формирования многоуровневой функциональной политической системы. Наднациональность как политическое качество остается в этом плане малоэффективным фактором, поскольку существует «над» национальным государством в роли своеобразного политического арбитра, фактически не вмешиваясь в происходящие интеграционные процессы. Весь комплекс социально-экономических явлений, таких как экономический рост, занятость населения, уровень жизни находятся в прямой зависимости от рыночных сил.

Ярким представителем неолиберализма был немецкий экономист, министр экономики земли Бавария Л. Эрхард. В своей работе он предложил модели развития «социального рыночного хозяйства» [Эрхард 1989], главным постулатом которой была установка на достижение высокого уровня благосостояния всех слоев населения. Ученый также считал, что необходимо в определенной степени удерживать рынок в определенных границах, чтобы уменьшать его негативные последствия для слабых общественных групп (безработные, малоимущие).

Представитель школы позднего неолиберализма, американский ученый Б. Балаша рассматривает феномен интеграции в другой плоскости: ведет ли экономическая интеграция к более интенсивному участию государства в экономической сфере интегрирующихся хозяйств. При этом большое внимание уделяется эволюции интеграции, под влиянием как политических, так и экономических процессов.

К.Р. Макконел и С.Л. Брю пишут что «интеграция – объединение рынков двух и более стран в зону свободной торговли – является решающем сдвигом в сторону либерализации торговли» [Макконел, Брю 2002].

«Интеграция – пишет П.Ф. Родидек – это одновременно и процесс, и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями, наделенными минимальными полномочиями…в одной или нескольких определенных областях, которые входят в компетенцию базовых единиц» [Rodidek 1969: 97].

Тот же Б. Балаша рассматривает интеграцию не как состояние, возникшее вследствие проведения активной политики в процессе создания региональных межгосударственных союзов, а как эволюцию развития от простых форм к сложным. Рассматривая интеграцию как состояние, он определял ее как отсутствие различных форм дискриминации между национальными экономиками. Интеграция как процесс включает в себя меры, которые должны устранить дискриминацию между экономическими единицами различных национальны государств.

Среди концептуальных подходов к международной экономической интеграции большое распространение получили различные направления, в частности корпорационализм (С. Рольф, Ю. Ростоу), где основным стержнем интеграции международной экономики выступают крупные экономические еденицы – ТНК. Ученые считали, что

интегрирование международной экономики способны обеспечить не рыночный механизм и государственное регулирование, а международные корпорации, функционирование которых способствует рациональному и сбалансированному развитию мирохозяйственных связей.

Некоторую взаимосвязь интеграции и социальных процессов можно проследить в теории интеграции трактуемой школой структурализма (Г. Мюрдаль, А. Маршаль, П. Стриен, Ф. Перу). Их воззрения на интеграцию отличалась критическим подходом к идее государственного регулирования и стимулирования рыночных механизмов с полной либерализацией движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в интегрированном пространстве.

Социальным моментом в данной теории интеграции является экономическое благополучие и равенство населения интегрирующихся стран. Мюрдаль Г. считал, что «равенство шансов» – основное необходимое условие в рамках наднациональной интеграции. При этом имелось в виду достижение равенства и достатка населения в пределах одной страны, а в рамках международной интеграции – создание предпосылок для выравнивания условий развития отдельных государств и регионов, повышение экономического развития слаборазвитых стран до уровня передовых, что в конечном итоге приведет к интеграции в мировом масштабе. Именно их уровень развития, говорил ученый, будет являться показателем степени интегрированности мирового сообщества в целом [Мюрдаль 1958].

Экономическая интеграция рассматривалась структурной школой как процесс серьезных преобразований в экономике интегрирующихся стран, в результате которых возникают качественно новые интеграционные механизмы со сбалансированной экономической структурой. При этом для формирования подобных механизмов представители этой школы предполагают использование различных рычагов: рыночных, политических, экономических, институциональных.

Представители неокейсианской школы (Р. Купер) считали, что для использования многообразных выгод широкого международного экономического взаимодействия с сохранением в то же время для каждой страны максимальной степени свободы необходимо согласование внутренней и внешней политики интегрирующихся сторон с целью достижения оптимального сочетания двух возможных вариантов развития экономической интеграции:

- объединение государств с последующей утратой ими суверенитета и взаимным согласованием экономической политики;
- интеграция с максимальным сохранением национальной автономии.

Как разновидность неокейнсианства в тот период обозначилось направление дирижизма в теории интеграции (Я. Тинберген, Р. Санвальд, И. Штоллер). Другими словами, это теория – концепция «управления интеграцией». Основывается концепция на активном вмешательстве государства в межгосударственные интеграционные процессы. При этом теоретики отрицают роль рыночного механизма в интеграционных процессах, а создание и функционирование международных экономических структур считают возможным на основе разработки интегрирующимися сторонами общей экономической политики, согласования социального законодательства и координации финансо-кредитной политики».

По Я. Тинбергену «под интеграцией понимается создание наиболее желательной структуры международного хозяйства путем устранения искусственных преград для оптимальной деятельности и сознательного введения всех желательных элементов координации и инфраструктуры». «Экономическая интеграция представляет собой экономическую политику, которая выражает собой оптимум централизации» [Экономическая политика…1956: 46].

Именно в теории дирижизма социальным факторам интеграции отводилась значимая роль. Представители этой школы важнейшим моментом интеграции полагали

согласование между правительствами интегрирующихся стран технических или иных мер социальной или экономической политики. В своей работе «Пересмотр международного порядка» Ян Тинберген предложил рекомендации по искоренению диспропорций между развитыми и развивающимися странами мира. Но его мечта о «справедливом социальном порядке» – «гуманистическом социализме», о стратегии развитии, сочетающей образование, искоренение нищеты, развитие на собственной основе и взвешенную экологическую политику, так и осталась мечтой. «Такой мир невозможен и не нужен. Верить в то, что он возможен – иллюзия, пытаться воплотить его – безумие. Осознавать это – значит признавать необходимость изменения моделей потребления и развития…» [Reshaping the International Order… 1976].

Я. Тинберген и Дж. Пиндер предлагают различать «негативную» интеграцию, суть которой заключается в устранении дискриминации и «позитивную» интеграцию, направленную на формирование координационной политики для достижения экономических целей и всеобщего благосостояния. «Негативная» интеграция содержит меры по ликвидации торговых барьеров между национальными экономиками, что неизбежно приводит к обострению принципов конкурентной борьбы в рамках блока; «позитивная» же требует создания новых институтов с соответствующими механизмами принятия решений и манипулирует существующими инструментами экономической политики в соответствии с требованиями центрального управления. Главной задачей при этом являются координация экономической политики государств-членов, имеющих целью смягчить неравномерность хозяйственного развития отдельных стран группировки и обеспечить ее оптимальную структуру.

Таким образом, ученые этого направления теории интеграции делают вывод о неизбежности создания экономического, а затем и политического союза государств, наделенными наднациональными полномочиями. В этом плане ими постулируется необходимость создания всемирной схемы интеграции, суть которой заключается в формировании мирового правительства путем постепенной передачи государственной власти наднациональным органам все более крупных региональных группировок.

Интересный характер исследований интеграционных процессов носит рыночно-институциональное направление, развитие которого пришлось на 60-е годы XX века. Его представители (М. Аллэ, К. Майер, Р. Кремер) – не отвергают процесс региональной интеграции, но будучи сторонниками неокейнсиканского подхода они настаивают на активном вмешательстве государства в регулировании рыночных механизмов, развития и создания национальных и межгосударственных монополий. Согласно их мнению, в отличии от либеральной школы, либерализация международных экономических отношений и свободная деятельность рыночных законов сама по себе недостаточна для действия интеграционных процессов.

Экономическая интеграция стала самостоятельным объектом исследования в экономической теории благодаря опубликованному Дж. Вайнером в 1950 г. работы «Проблема таможенного союза», носившей новаторский характер, несмотря на наивность ряда допущений, концепция которого, как отметил в начале 90 гг. XX века А. Товинас, была явным продолжением теории свободной торговли [Tovinas Vol. XV].

Помимо экономической теории, которые изучают процесс и состояние интеграции только с точки зрения экономических процессов, большое распространение получили политические теории интеграции. Одно из таких направлений «функционализм» – предполагает устранение любой напряженности, особенно военной, из политических взаимоотношений.

Наличие тесной связи между экономической и политической стороной интеграции подчеркивается М.М. Максимовой: «интеграция есть одновременно и экономический, и политический процесс. Экономи-

ческий – поскольку речь идет о все более широких и прочных связях и углублении разделения труда между национальными хозяйствами, о все более тесном их сближении и взаимном приспособлении, о тенденции к объединению в региональные хозяйственные комплексы, политический – поскольку он включает межгосударственные отношения, двусторонние и многосторонние взаимосвязи между правительствами на почве выработки совместных действий в той или иной области экономических отношений» [Максимова 1971: 137].

В этом определении справедливо обосновывается, с одной стороны, необходимость разграничения, а с другой – наличие неразрывной связи двух аспектов интеграционного процесса – экономического и политического. Перенесение исследования только лишь в одну из указанных предметных областей неизбежно искажает значение получаемых теоретических выводов и разработанных на их основе практических рекомендаций.

Один из основателей функционализма Д. Митрани в своем анализе международной интеграции исходил из возможности создания международного общества на новых функциональных основах с надежной гарантией мира. Он предложил решение конфликтов между государствами «установление такого рода форм сотрудничества внутри существующих государственных границ, которые сближали бы народы и государства» [Mitrany 1966: 97].

Сторонники функционализма в своих рассуждениях об интеграционных процессах исходили из приоритета человека и его нужд и интересов, которые по их мнению, стоят выше любого государства-нации. Д. Митрани был убежден, что интернациональные организации могут лучше удовлетворить некоторые человеческие нужды, чем национальные государства, из чего следует, что люди должны рационально определить свои нужды и творчески подойти к созданию институтов, способных выполнить вверенные им функции.

Одно из основополагающих положений функционализма заключается в том, что интеграция между нациями должна быть максимально деполитизирована, а эффективное сотрудничество государств и избежание конфликтов могут и должны быть достигнуты путем согласования усилий в решении в первую очередь общих для всех участников интеграционного образования вопросах благосостояния. Согласно функционализму, развитие интеграционных процессов приводит к появлению функциональных организаций, располагающих определенными полномочиями, предоставленными непосредственно самими государствами. Конечным продуктом интеграции становится образование «функциональной системы, элементы которой могут начать работать и без общей политической настройки…». Представители функционализма рассматривают международную интеграцию как процесс постепенного перехода от традиционной системы межгосударственного сотрудничества к некоему функциональному сообществу, процесс передачи властных полномочий суверенных государств в пользу создаваемой надгосударственной структуры, обладающей функциональной эффективностью.

Митрани был убежден в том, что интер- и транснациональные организации могут лучше удовлетворить некоторые человеческие нужды, чем национальные государства-эффективное выполнение поставленных перед ними задач будет отвлекать лояльность людей от национальных государств; и их существование резко сократит риск возникновения международных конфликтов.

Развивая данную теорию неофункционалисты (Е.Хаас и др.) рассматривают интеграцию как процесс, в «котором политические факторы в отдельных национальных областях на основе измененного чувства национальной принадлежности направляют ожидания и политическую активность к новому национальному центру, который обладает компетентностью для существующих

национальных проектов. Конечным результатом является новая политическая общность» [Haas 1964: 29].

Кардинальным отличием воззрений неофункционалистов от теории Митрани стало непринятие тезиса об обязательной деполитизации интеграционного процесса. Под интеграцией неофункционалистами понимается процесс, ведущий к формированию национальных государственных сообществ с центральными органами. В результате создается система новых, мощных надгосударственных институтов, которым, государства участники интеграционного процесса, постепенно передают свой суверенитет.

Отдельным направлением этой школы можно считать структурный функционализм. Это методологический подход в социологии, состоящий в трактовке общества как социальной системы, имеющей свою структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию. Базовой идеей структурного функционализма является идея «социального порядка», то есть имманентное стремление любой системы поддержать собственное равновесие, согласовать между собой различные ее элементы, добиться согласия между ними. Касательно социальной интеграции они отмечали, что общество является крепкой тканью, сотканной из различных нитей, формируется на основе согласия большинства граждан страны следовать единой системе ценностей.

Неофункционалисты, прежде всего Э. Хаас и Л. Линдберг, считают себя сторонниками прагматического детерминизма. Они ставят в основу интеграции материальную выгоду от передачи части суверенитета какой-либо надгосударственной структуре. Сильной стороной неофункционализма стало стремление к управляемой интеграции на региональном уровне. А наиболее существенным отличием от классического функционализма было то, что на первый план выдвигалась политика, стремление к политическому сотрудничеству, но через сотрудничество экономическое. Это означает, что любые экономические договоренности могут иметь и политический характер. Характер экономических и политических аспектов в концепции «неофункционализма» обозначается понятием «перелива». Его суть состоит в следующем: иногда та или иная акция порождает ситуацию, в которой достижение первоначальной цели может быть облегчено лишь принятием новых акций, в свою очередь порождающих новые условия и потребности в более активной деятельности. Однако суть процесса «перетекания» заключается не просто в увеличении взаимозависимости между государствами, но в том, что дальнейшая экономическая интеграция потребует создания наднационального регулирующего органа. В таком случае экономическое сотрудничество будет подкреплено сотрудничеством политическим. При этом крайне важно, чтобы политика следовала за экономикой, а не наоборот. Концепция «перелива» была, в частности, использована неофункционалистами в целях объяснения экономической цепочки интеграции: переход зоны свободной торговли в таможенный союз, затем – в общий рынок, и далее – в экономический и валютный союз.

Социальный аспект учения неофункционалистов заключается в том, что по их мнению интеграция должна помогать удовлетворению определенных потребностей, возникающих у тех или иных социальных групп и преследует цель повышения социального благосостояния и уровня жизни населения.

Таким образом, неофункционалисты трактуют интеграцию, прежде всего как процесс, направленный на удовлетворение материальных интересов. Во главу угла ставятся выгоды экономического взаимодействия, только в дальнейшем экономическое сотрудничество обрастает различными политическими институтами, в том числе и наднациональными.

Теория федерализма (А. Спинелай, К. Фридрих, К. Этциони, К. Уиэр). Если функционалисты отводят немаловажную роль

политическим институтам, то федералисты берут их за основу своей теории. По мнению классика федерализма К. Уиэра, принцип федерализма представляет собой юридический принцип, в соответствии с которым суверенитет законодательно распределен между двумя территориально разделенными уровнями управления [Wheare 1963]. «Интеграция, по федерализму, требует создания двух уровней правительства – разделенных, но работающих скоординировано – правительство, стоящее над целым (федеральный уровень) и правительство, регулирующее части (государственный уровень)» [Taylor 1993: 90]. Таким образом, предлагается трансформировать государство так, чтобы оно стало одной из ступенек организации власти в человеческом сообществе и, как следствие, перестало быть фактором политической разъединенности мира.

Целью федерализма является сохранение особого типа отношений между различными политическими образованьями, суть которого состоит в создании «союза без стремления к единению» [Dicey 1959: 143]. Таким образом, федеральное государство – это политическое сооружение, призванное «примирить национальное единство и власть с сохранением прав государства» посредством федерального принципа. То есть государства, входящие в федерацию, оставаясь в целом автономными, отдают часть полномочий в пользу общих институтов.

Важным аспектом теории федерализма является социальный фактор благосостояния населения. Он признается ключевым для построения федерального государства. Высокий уровень жизни, наличие возможностей для самореализации человека, высокие социальные стандарты – это те условия, признают федералисты, построения устойчивого политического образования.

Еще одним крупным течением политической мысли в сфере политической интеграции стала коммуникационная школа. Основателем данной концепции считается американский политолог К. Дойч. Он рассматривал мировое сообщество как совокупность различных политических групп, находящихся постоянно в процессе взаимодействия (коммуникации) и взаимовлияния, обладающих механизмами принуждения и возможностью идти на уступки. Основное внимание на пути создания интеграции должно уделяться условиям и путям создания так называемого сообщества безопасности. К. Дойч полагал, что главными движущими силами интеграции являются не только национальные государства, но и партийные системы, группы политического давления, другие участники внутриполитической жизни. По его мнению, внешняя интегрированность страны в интеграционное объединение может быть достигнута только тогда, когда возникает сообщество безопасности.

Ученый проводит параллель между взаимоотношениями внутри государства и сотрудничеством в международной сфере, когда государства создают «сообщество безопасности» представляющие собой «группу государств, достигших значительного уровня интеграции друг с другом и осознавших необходимость определенной общности (единства)» [Deutsch 1953: 31]. В рамках такого сообщества государства стараются свести к нулю риск возникновения войны, изыскивая иные пути для решения своих разногласий, обеспечив тем самым «мирное сосуществование» членов сообщества.

В этой связи сторонники данной концепции выделяли два основных фактора, влияющих на интеграцию:

Обеспечение собственной безопасности в обществе, где не интегрированные группы находятся в постоянной конфронтации.

Возможность сконцентрировать усилия в условиях политически интегрированного общества.

Представители коммуникационной школы подробно разработали условия, при которых достигается интегрированное сообщество. Суть их сводиться к следующему: совместимость основных ценностей в политической сфере; ожидание более тесных эко-

номических связей; рост административных и политических возможностей среды субъектов интеграции; более интенсивный экономический рост; наличие общественных коммуникаций между разными территориями, диверсифицированность и многочисленность коммуникаций между субъектами интеграции; паритетный (взаимный) характер коммуникаций, плавная смена политических групп в интеграционном пространстве, высокий уровень предсказуемости поведения субъектов интеграции [Барановский 1983]. Важную роль в создании такого общества они отводили и социальным факторам.

Материальной основой интеграционных процессов согласно исследованиям отечественных ученых (Ю. Шишков, В. Зуев, Ю. Борко, М. Максимова, И. Соколов, О. Родионова и др.) является интернационализация производства и капитала, которая одновременно выступает движущей силой эволюции интеграционных процессов.

Н.П. Шмелев исходит из того, что необходимым условием реальной международной интеграции выступает сочетание достаточно высокого уровня экономического развития и политических отношений интегрирующихся государств [Шмелев 2001].

Е.Ф. Авдокушин полагает, что «экономическая интеграция, в свою очередь, создает условия для ускорения интернационализации производства стран участниц этого процесса, выравнивая их социально-экономические параметры». Согласно замечаниям ученого, формальная интеграция не всегда носит достаточно эффективный характер, иначе «формальное международное обобщение производства, или формальная интернационализация производства – это когда страны участвуют в международном разделении труда, когда они трудятся друг на друга, но затраты на производство одних и тех же товаров не одинаковы, а иногда и очень разные» [Авдокушин 1999: 92].

О.А. Родионова, считает, что экономическая интеграция – более высокая степень сотрудничества, при которой достигается объединение экономических субъектов, их приспособление друг у другу, углубление взаимодействия, развитие связей между ними. При этом особую роль приобретает согласованное развитее элементов системы межотраслевого взаимодействия и обмена.

Б.Е. Фрумкин сущность интеграции видит в совместном использовании природно-ресурсного и экономического потенциала интегрирующихся сторон, направленной на повышение народного благосостояния.

В теории интеграции Ю.В. Шишков выделяет три основных аспекта: производственно-технический, экономический и политико-правовой.

Углубление разделения труда, выделение и обособление отраслей и целых функциональных сфер общественного производства, развитие и усложнение связей и взаимозависимостей между ними ведут к росту его обобществления, международного переплетения отношений собственности и обмена результатами хозяйственной деятельности. В ходе такого взаимодействия происходит постепенное переплетение кругооборотов национальных капиталов и национальных процессов обобществления производства. Когда эти процессы охватывают все три функциональные формы капитала – денежную, производительную, товарную, происходит сращивание национальных процессов воспроизводства всего общественного капитала, проявляющееся в непрерывном развитии производственных, торговых, валютных, кредитных и других связей между национальными экономиками.

Высокая степень взаимозависимости национальных хозяйств в сфере производства и обращения вызывает необходимость согласования хозяйственной политики государств таких регионов, международной координации их целенаправленных действий по регулированию экономических и социальных процессов. Поступательное развитие интеграционных процессов приводит к переходу от согласований к тесной координации и унификации национальной политики, методов и инструментов ее реализации,

выработки их единых форм. Происходит интеграция в сфере государственного регулирования внутри- и внешнеэкономических процессов.

При всем многообразии теоретических концепций и расхождении в оценках механизма региональной интеграции, она характеризуется рядом отличий, которые, в сущности, и отличают его от других форм экономического и политического взаимодействия стран. К числу таких отличий политического характера относятся: согласование экономической политики стран участниц; сближение национальных законодательств и правовых норм; целенаправленное регулирование интеграционного процесса и развитие совместных органов управления взаимодействием в региональном масштабе.

Развитие региональной интеграции предполагает также наличие определенных условий и предпосылок, в том числе политических:

- политическая воля государств, наличие стран лидеров или своеобразного интегрирующего центра, состоящего из одной или нескольких стран;

- демонстрационный эффект, состоящий в появлении желании у ряда государств вступить в те или иные интеграционные объединения под влиянием очевидных успехов в их развитии.

«Эффект домино» заключается в том, что интеграция ведет к переориентации экономических отношений стран членов на внутрирегиональное сотрудничество, а остальные страны региона в связи с ухудшением условий экономического взаимодействия вынуждены вступить в интеграционное объединение.

В практических подходах к анализу характера и глубины региональной интеграции доминирует, основанная на опыте Евросоюза, модель поэтапного пятиступенчатого развития. *На первом уровне,* когда страны еще только делают первые шаги к взаимному сближению, между ними заключаются ***преференциальные торговые соглашения.*** Такие соглашения могут подписываться либо на двусторонней основе между отдельными государствами, либо между уже существующей интеграционной группировкой и отдельной страной или группой стран. В соответствии с ними страны предоставляют более благоприятный режим друг другу, чем они предоставляют третьим странам. В известном смысле это отход от принципа наибольшего благоприятствования, который санкционирован ГАТТ/ВТО (Генеральное соглашение по тарифам и торговле, ныне Всемирная Торговая организация) в рамках так называемых временных соглашений, ведущих к образованию таможенного союза. Преференциальные соглашения, предусматривающие сохранение национальных таможенных тарифов каждой из подписавших их стран, должны рассматриваться даже не как начальный, а как подготовительный этап интеграционного процесса, который становится таковым, только когда приобретает более развитые формы. Никаких межгосударственных органов для управления преференциальными соглашениями не создается.

На втором уровне интеграции страны переходят к созданию ***зоны свободной торговли,*** предусматривающей уже не простое сокращение, а полную отмену таможенных тарифов во взаимной торговле при сохранении национальных таможенных тарифов в отношениях с третьими странами. В большинстве случаев условия зоны свободной торговли распространяются на все товары, кроме продуктов сельского хозяйства. Зона свободной торговли может координироваться небольшим межгосударственным секретариатом, расположенным в одной из стран-членов, но зачастую обходится без него, согласовывая основные параметры своего развития на периодических совещаниях руководителей соответствующих ведомств. Классическим примером такой зоны свободной торговли считается Европейская ассоциация свободной торговли, существующая с 1960 года.

Третий уровень интеграции связан с образованием ***таможенного союза*** – со-

гласованной отменой группы национальных таможенных тарифов и введением общего таможенного тарифа и единой системы нетарифного регулирования торговли в отношении третьих стран. Таможенный союз предусматривает беспошлинную внутриинтеграционную торговлю товарами и услугами и полную свободу их перемещения внутри региона. Обычно таможенный союз требует создания уже более развитой системы межгосударственных органов, координирующих проведение согласованной внешнеторговой политики. Чаще всего они принимают форму периодических совещаний министров, руководящих соответствующими ведомствами, которые в своей работе опираются на постоянно действующий межгосударственный секретариат.

Когда интеграционный процесс достигает *четвертого уровня* – ***(общего рынка)*** – интегрирующие страны договариваются о свободе движения не только товаров и услуг, но и факторов производства – капитала и рабочей силы. Свобода межгосударственного передвижения, под защитой единого внешнего тарифа, факторов производства требует организационно значительно более высокого уровня межгосударственной координации экономической политики. Такая координация осуществляется на периодических совещаниях (обычно один-два раза в год) глав государств и правительств участвующих стран, значительно более частых встречах руководителей министерств финансов, центральных банков и других экономических ведомств, опирающихся на постоянно действующий секретариат. В рамках Европейского Союза, например – это Европейский Совет глав государств и правительств, Совет министров ЕС и Секретариат ЕС.

Наконец, *на пятом,* самом высоком, уровне интеграция превращается в ***экономический союз,*** который предусматривает наряду с общим таможенным тарифом и свободой движения товаров и факторов производства также и координацию макроэкономической политики и унификацию законодательств в ключевых областях – валютной, бюджетной, денежной. На этом этапе возникает потребность в органах, наделенных уже не просто способностью координировать действия и наблюдать за экономическим развитием, но и принимать оперативные решения от лица группировки в целом. Правительства согласованно отказываются от части своих функций и тем самым уступают часть государственного суверенитета в пользу надгосударственных органов. Такие межгосударственные органы с надгосударственными функциями наделены правом принимать решения по вопросам, касающимся организации, без согласования с правительствами стран-членов. В рамках ЕС – это Комиссия ЕС.

Валютный союз – форма и одновременно крупная составляющая экономического союза. Характерными чертами валютного союза являются: 1) согласованное (совместное) плавание национальных валют; 2) установление по соглашению фиксированных валютных курсов, которые целенаправленно поддерживаются Центробанками стран-участниц; 3) создание единой региональной валюты; 4) формирование единого регионального банка, являющегося эмиссионным центром этой международной валютной единицы. В развивающихся странах под валютным союзом понимают клиринговые соглашения. На сегодняшний день так называемая «зона Евро» – наиболее яркий пример валютного союза.

Принципиально возможно существование и *шестого уровня* интеграции- ***политического союза,*** который предусматривал бы передачу национальными правительствами большей части своих функций в отношениях с третьими странами надгосударственным органам. Это фактически означало бы создание международной конфедерации и потерю суверенности отдельными государствами. Однако ни одна интеграционная группировка не только не достигла такого уровня развития, но даже и не ставит перед собой подобных задач. Большинство из существующих в мире ин-

теграционных группировок находится пока на стадии формальной интеграции, т.е. проходит второй и третий этапы интеграционного процесса.

Таким образом, интеграция – многоуровневый процесс, на каждом уровне предусматривающий объединение различных секторов национальных экономик, а в перспективе и сфер управления государствами. Интеграционный процесс проходит поэтапно по причине различия в структуре и развитии отдельных экономик. На каждом уровне существует своя система критериев оценки эффективности и глубины интеграционных процессов, позволяющая говорить о степени взаимопроникновения экономик национальных государств.

В этой схеме каждая предшествующая ступень понимается как логическая предпосылка к последующей, а направлением региональной интеграции считается поступательное движение от экономического к политическому союзу (объединению). Таким образом, формируется новое качество международных отношений, выражающееся в определенном единстве процесса экономического и политического сближения каждой ступени, где первой составляющей является новая фаза во втором компоненте. Более того, в схеме поэтапного пятиступенчатого развития переход от одной стадии экономического объединения стран участниц группировки к другой невозможен без достижения адекватного этапа новой ступени политического сближения. Высокая степень такого взаимодействия предполагает: отказ от взаимных территориальных претензий, неучастие в военно-политических и прочих союзах, деятельность которых направлена прямо или косвенно на партнеров по интеграционному объединению; постепенный переход по согласованию основных целей внутренней и внешней политики; формирование особых региональных политических структур с постепенной добровольной передачей им определенных над национальных полномочий, реализуемых в интересах вех участников.

Практика формирования и становления ЕС и других интеграционных группировок показывает, что создание специальных органов сначала с координационными функциями (стадия зоны свободной торговли), а затем и с распорядительными и контрольными функциями является неотъемлемым условием совершенствования процесса межгосударственной интеграции. При этом подобные органы начинают реально функционировать уже на стадии таможенного союза, когда возникает потребность в согласовании совместных действий стран-участниц и проведение единой внешней политики в отношении 3-х стран.

А. Максимова отмечает диалектическое единство экономической и политической сторон региональной интеграции. Экономической, поскольку речь идет о глубоких связях в разделении труда между национальными хозяйствами, о все более тесном их сближении и приспосабливании, о тенденции к объединению в региональные хозяйственные комплексы. Политической – поскольку она включает межгосударственные отношения, двусторонние и многосторонние соглашения между правительствами на почве выработки совместных действий в той или иной области экономический отношений.

Важнейшей предпосылкой развития последовательной и динамичной экономической интеграции является наличие определенного политического консенсуса государств участников по основным, головным проблема, прежде всего дву и многосторонних отношений. Более того, интеграция может оставаться без желаемых последствий во всех сферах, или даже смениться противоположным процессом, если не будет подкреплена соответствующими политическими мероприятиями.

Развитие интеграционного процесса имеет внутреннюю логику и определенную последовательность. Причем экономическая интеграция в международном масштабе обладает логикой собственного развития, предполагая прохождение через определенные этапы, рассмотренные выше.

Однако во всех случаях обязательным параметром остается объединение национальных экономик в единый экономический блок с целью повышения эффективности хозяйственной деятельности, обеспечения мобильности факторов производства, использование конкурентных преимуществ, оптимизация использования ресурсов и гармонизация экономической деятельности.

В заключении, подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что интеграция как самостоятельный процесс исторически рассматривалась с точки зрения либо экономической, либо политический. Под социальными мотивами интеграции обычно интерпретировали благосостояние или уровень жизни населения, которые являлись либо конечной целью интеграции или выступали необходимым компонентом ее реализации. Но все концепции объединяет характерная черта – социальные факторы интеграции ставились в зависимость от политических и экономических мотивов стран участниц региональной интеграции.

Безусловно, на современном этапе развития общества интеграция представляет процесс хозяйственно-политического объединения стран на основе глубоких устойчивых экономических взаимосвязей. Экономическое сотрудничество выгодно для всех субъектов данного процесса и, безусловно, задает тон развития региональной интеграции. Социальные же цели, провозглашаемые интегрирующимися государствами, носят либо декларативный характер, либо выполняются в самом минимальном объеме.

Современная геополитическая картина не поменяла расстановку сил в интеграционных объединениях. Экономическое и политическое сотрудничество остаются основами региональной интеграции, во многом определяя цели и задачи интеграционных объединений. Но постепенно процессы региональный интеграции во всем мире приобретают социальный окрас и нацелены на улучшение жизни населения во всех ее проявлениях. Изменения касаются всех сфер человеческой деятельности – от уровня и качества жизни населения, проблем образования и здравоохранения до перемещения населения в пространстве (миграций). Ярким примером интеграционной группы, уделяющей значительное внимание благосостоянию и уровню жизни населения, как составляющей социальной политики является Европейский Союз (ЕС). Построенный на принципах неофункционализма, он может и способен подавать пример положительной интеграции другим странам, основанной на грамотном сочетании политических, экономических и социальных факторов.

Литература

Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения: Учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп.– М.: ИВЦ «Маркетинг», 1999. С. 92.

Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983.

Ливенцев Н.Н., Харламова В.Н. Международная региональная экономическая интеграция // Международные экономические отношения. Учебник. – М.: РОССПЭН, 2001.

Макконел К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т . – М.: 2002.

Максимова М.М. Основные проблемы империалистической интеграции. Экономический аспект. – М.: Мысль, 1971.

Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. – М., 1958.

Свободная энциклопедия Википедия http://ru.wikipedia.org

Шишков Ю.В. Европа и процессы глобализации экономики // Современная Европа №1. 2000.

Шмелев Н.П. Экономическая составляющая российской внешней политики // Современная Европа. 2001. №2.

Экономическая политика: принципы и формы (Economic policy: principles and design, 1956).

Эрхард Л. Благосостояние для всех. – М., 1989.

Deutsch, K. Political Community at the International Level: Problems of Definition and Measurement. — Princeton, New Jersey: Princeton University, 1953. – P. 31.

Dicey A., Introduction to the Study of the Law of the Constitution. – L., 1959.

Mitrany, D. A Working Peace System. – Chicago: Quadrangle Books, 1966.

Molle W. 2001. The Economics of European Integration. Theory, Practice, Policy. Aldershot, Ashgate.

Reshaping the International Order. A Report to the Club of Rome. Coordinated by Jan Taylor P., International Organization in the Modern World: The Regional and the Global Process. – L., 1993.

Tinbergen. New York: Dutton, 1976.

Rodidek P.F. Modern world integration. – Stanford, 1969.

Tovinas A. Survey of the Theory of Economic Integration // journal of Economic Integration. Vol.XV, no.1.

Wheare K., Federal Government. – Oxford, 1963. Ch. 1.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВО – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В XXI ВЕКЕ»,
МОСКВА, 7 ДЕКАБРЯ 2011,
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

Прошедшая 7 декабря 2011 года в Московском институте лингвистики Шестая международная научно-практическая конференция «**Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке**» стала уникальной по многим показателям.

Впервые конференция проходила в новом здании. Впервые число участников, подавших тезисы докладов, превысило 100 человек. Значительно расширилась и география участников (в алфавитном порядке): Академия языков Казахстанского университета Дружбы народов, Башкирский государственный университет, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Житомирский государственный университет имени Ивана Франко, Ивановский государственный университет, Институт социологии РАН, Институт языкознания РАН, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, МГЛУ, МГПУ, МГУ, Международный славянский институт, МИЛ, Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю.А. Сенкевича, Московский Государственный Университет Экономики, Статистики и Информатики, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Новый гуманитарный институт г. Электросталь, Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Прикамский социальный институт, РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина, Российская академия правосудия, Российский государственный социальный университет, Тверской государственный университет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Черниговский государственный институт экономики и управления, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

5 декабря 2011 после тяжёлой и продолжительной болезни ушла из жизни главный научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН доктор филологических наук профессор Вероника Николаевна Телия. Крупный ученый в области теории языка, Вероника Николаевна была ведущим специалистом по проблемам номинации, семантики и прагматики языковых единиц, всеми признанным классиком в области общей и русской фразеологии, автором лингвокультурологической парадигмы исследования в лексике и фразеологии. Собравшиеся почтили память Вероники Николаевны минутой молчания.

Пленарное заседание открыл ректор Московского института лингвистики кандидат политических наук **Ливиу Михайлович Терентий**, приветствовавший участников конференции и представивший доклад «*Параллели между научным и дипломатическим дискурсом*», в котором на примере ди-

пломатических переговоров и их сходства с научной коммуникацией рассматривалась актуальная проблематика профессиональной коммуникации.

Доклада доктора филологических наук профессора **И.А. Бубновой**. «*Доминанты языкового сознания студенческой молодежи России и Китая*» захватил внимание собравшихся. Известно, что международные и внутриполитические изменения, агрессивное воздействие СМИ, экономический и социальный кризис в значительной мере формируют сознание современной молодёжи, замещая либо трансформируя базовые категории, стереотипы и нормы. Выявление сходства и различий в восприятии доминантных для обеих культур концептов «семьи», «родины», «человека», «дружбы», «друга», «доброты», «терпения», «счастья», «успеха», «денег» представляет в этой связи особый интерес. Многочисленные примеры, иллюстрировавшие сообщение, получены в ходе серии экспериментальных исследований, проведённых докладчицей в КНР.

Доклад кандидата филологических наук доцента МИЛ **Н.С. Рыжук** «*Организация обучения переводу в вузе*» затрагивал вопросы профессиональной подготовки переводчиков в Московском институте лингвистики. Единая концепция обучения в этом смысле предполагает формирование необходимых навыков и умений с использованием широкой палитры технических средств. Главной целью обучения становится соответствие современным требованиям, предъявляемым работодателями к выпускникам переводческих школ.

Пленарное выступление доктора филологических наук профессора **А.Г. Сонина** «*Автономность языка: старый вопрос в новых парадигмах*» предлагало по-новому взглянуть на известную проблему. Автономность языка может быть рассмотрена в современной научной парадигме одновременно в двух аспектах: онтологическом и гносеологическом. В онтологическом аспекте автономность языка может предполагать его способность сохранять организацию независимо от внешних воздействий. С точки зрения гносеологии, автономность языка может исследоваться сквозь призму возможностей его объяснения через отсылку на другие объекты (редукция к другим объектам).

Доклад «*Три формы иронии*» кандидата филологических наук доцента НОУ ВПО «МИЛ» **А.Б. Зайцева** обладал ярко выраженным прикладным характером. Докладчик обратил внимание собравшихся на специфику указанного стилистического приема, отметив «простейшее бытование иронии» (употребление фрагмента речи, обладающего смыслом противоположным тому, что адресат намеревался выразить), иронию как «стилистический эффект» при использовании других стилистических приемов и так называемую ситуативную иронию, наблюдаемую на уровне сверхфразовых единств или целого текста в диахронии. Соотнесение иронии и юмора и изучение ситуативной иронии имеют на сегодняшний день особую теоретическую и практическую значимость для теории и практики перевода.

Завершила пленарное заседание проректор по научной работе Московского института лингвистики доктор филологических наук профессор **А.В. Кирилина**. В своём докладе «*Некоторые общие закономерности развития ведущих европейских языков в эпоху глобализации*» Алла Викторовна особо выделила лингвистическое измерение проблемы глобализации. Формирование глобального языка (Globalish) на базе английского языка, образование «языка гастарбайтеров» и их вариантов, диаспоризациая мира, вытеснение из научной сферы языков с некогда высоким коммуникативным статусом, стихийные меры по защите ведущих европейских языков требуют более пристального изучения.

Далее работа конференции продолжалась в пяти секциях: «Теория и практика перевода. Проблемы лингводидактики» (руководители секции: А.Я. Багрова, Н.С. Рыжук, А.Б. Зайцев); «Коммуникация, культура и межкультурные контакты» (руководители секции: Е.А. Картушина, А.Е. Бажа-

нов); «Теория языка» (руководители секции: С.Л. Фурманова, А.Г. Сонин); «Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания и образования в XXI веке. Туризм, социально-культурный сервис, менеджмент как факторы перемен в межкультурной коммуникации» (руководители секции: М.С. Федорова, В.В. Климачев); «Проблемы текста и дискурса» (руководители секции: А.В. Кирилина, Г.Г. Слышкин).

В первой секции **А.Я. Багрова** в докладе «*Обучение чтению в рамках межкультурной коммуникации*» озвучила основные цели и задачи обучения в вузе чтению как самостоятельному виду речевой деятельности. Докладчица перечислила основные виды и умения чтения, способствующие решению тех или иных речевых задач; обратила внимание на специфику формирования практических навыков, необходимых для эффективного чтения на иностранном языке.

Е.В. Ильченко в своём выступлении «*Специфика перевода юридических терминов в текстах на древне- и среднеанглийском языке*» обратилась к этапу зарождения юридической терминологии, проанализировав первые заимствования и отметив присутствие, например, в древнеанглийском языке юридической лексики скандинавского происхождения.

Доклад **Н.П. Дедова** «*Социально-психологические перспективы создания благоприятной ситуации обучения человека иностранным языкам*» был посвящён социальным процессам, происходящим в обществе и непосредственно связанным с глобальным перемещением и передвижением значительного количества людей. Высокая мобильность, необходимость, способность либо желание перемещаться на большие расстояния предполагает изменение подходов к изучению иностранного языка и активное применение полученных знаний на практике с целью дальнейшей успешной социализации.

П.В. Морослин обратил внимание участниковконференциина«*Функционально-психолингвистический аспект обучения*», подчеркнув необходимость построения функциональной системы, служащей для передачи (экстралингвистических) значений в ходе речевого общения и предложил рассмотреть ряд русско-вьетнамских примеров функциональной эквивалентности: русское «юг» - вьетнамское «север»; русское «берёза» - вьетнамское «бамбук» и т.д.

Работа второй секции была открыта выступлением **А.Е. Бажанова** «*Выявление культурных ценностей лингвоэтнокультурного сообщества через анализ метафорического потенциала лексем, означающих материальные артефакты*», в котором докладчик обратился к исследованию наименований в немецком языке материальных рукотворных артефактов тематической группы «железная дорога» с позиции изучения корпусов (электронных) письменных текстов.

Доклад **Л.А. Борботько** *«Лингвокогнитивная специфика вводных ремарок как отражение поэтики пьес театра "парадокса"»* был посвящён изучению драматургического дискурса на примере исследований пьес Э. Ионеско, семантики лингвистического оформления «обстановочных ремарок», предшествующих началу актов или сцен, и выявлению примеров языковой игре.

«Пермь в представлении горожан: культурно значимые оценки», анализ значения слова «Пермь» в направленном ассоциативном эксперименте, проведённом среди студентов пермских вузов (пермяков; студентов, приехавших из городов Пермского края; студентов, приехавших из других регионов России; студентов-арабов), а также выявление специфики восприятия деятельности местной администрации и СМИ в рамках проводимой культурной политики в городе стали темой выступления **К.П. Вдовиной**.

М.В. Гаранович в своём докладе «*Языковые субкультуры как форма существования группового языкового сознания*» обратила внимание на феномен группового языкового сознания, отчетливо проявляющийся в сплоченных группах, общностях и субкультурах (игроки онлайн-игр, любители

аниме, ролевики, спортивные болельщики и пр.). Несовпадение в использовании языковых кодов, а также стереотипов мышления и поведения приводит к возникновению дополнительных коммуникационных барьеров.

Завершила работу секции **Е.С. Ощепкова**, затронувшая «*Психолингвистические методы изучения идентичности*», ряд вопросов, касающихся формирования актуализации идентичности сосуществования у одного человека различных идентичностей, и особенности переключения между ними.

Работу третьей секции открыл руководитель А.Г. Сонин.

С.Л. Фурманова в докладе «*Критика языка: история и современность*» отметила периодичность оживления критики языка и значимость этого факта. Докладчица указала на разнообразие точек зрения, среди которых можно выделить два основных направления: критика языка как инструмента человеческого общения и мышления в целом и критика состояния языка в определённый период времени.

Выступление **Е.Н. Овчинниковой** «*Международные стандарты грамотности чтения в век информации*» касалось международных исследований грамотности, проводимых под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития среди пятнадцатилетних школьников (PISA), взрослых и студентов (PIAAC).

Руководитель секции **В.В. Климачев** отметил в своём секционном докладе «*Роль международных финансовых центров в трансформации глобальной финансовой системы в начале XXI века*», выявив существенные изменения в сложившейся системе МФЦ, и определив воздействие на контуры глобальной финансово-экономической системы мирового кризиса 2008-2009 гг. с последующим формированием эффекта излишней концентрации финансовых ресурсов на одних рынках при их недостатке на других, а также сформулировал основные задачи, стоящие перед МФЦ на современном этапе развития.

В совместном докладе **В.В. Климачева** и **Н.В. Любимовой** «*Иностранные инвестиции в туристскую отрасль России как фактор повышения ее конкурентоспособности*» речь шла о барьерах, стоящих на пути российского въездного туризма; о слабой инфраструктуре, низком качестве предоставляемых услуг в массовом сегменте рынка; о сохраняющемся негативном образе России и об отсутствии глобально ориентированных маркетинговых стратегий, направленных на завоевание зарубежного потребителя.

Е.А. Рожнова обратилась к особенностям формирования социального феномена – глобального гражданского общества, выходящего за пределы национальных государств и объединяющего рядовых граждан и представителей неправительственных организаций разных стран с целью достижения глобального общественного блага. «*Транснационализация*» в этом контексте рассматривалась «*как ключевая тенденция развития гражданского общества в контексте глобализационных процессов современности*».

Доклад **И.С. Самохина** «*Всеобщая НИЭР в тормоплесизме (этико-философская и функциональная значимость)*» был посвящён НИЭР (нулевой итоговой эмотонной разнице), т.е. равному количеству приятных и неприятных эмотов, полученных индивидом с момента рождения до момента смерти. Предполагается, что НИЭР обладает функциональной значимостью и имеет функцию установления строя, функцию сохранения строя и функцию развития строя.

П.Е. Цыпин перечислил основные «*Демографические риски в России и перспективы отечественного образования*», отметил сохранение демографического кризиса, необходимость решения пяти ключевых демографических вызовов (вызова высокой смертности, вызова низкой рождаемости, вызова демографического старения, вызова депопуляции и вызова иммиграции), а также охарактеризовал влияние демографического положения на образование в РФ с учетом

уровня безработицы и уровня затрат на образование в структуре потребительских расходов домохозяйств.

«*Теория кризисов в российской экономической мысли*» **А.А. Щепилова** касалась разработок общего учения о промышленных кризисах и их влиянии на хозяйственную жизнь страны, исследования циклического развития экономики и долгосрочных циклических колебаний (циклы Кондратьева).

Пятая секция была открыта выступлением директора Центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета *доктора философских наук профессора* **О.В. Рябова** «*Медвежья метафора России как фактор международных отношений*». Метафора «Россия-медведь» является одной из наиболее знаковых, призванных служить выполнению многообразных функций: преимущественному сохранению негативных коннотаций, гомогенизации и дегуманизации Врага, выявлению и закреплению противоречий между Россией и западным миром и представлению указанных противоречий как вечных и неустранимых.

Л.С. Жукова в своём докладе «*Пуристическая ситуация в современной России: основные тенденции*» отметила повышенное внимание общественности к вопросам языкового нормирования и подъем языкового пуризма как возможное следствие кризиса идентичности россиян и проанализировала два типа языкового пуризма (согласно типологии Дж. Томаса): элитарный (негативное отношение к сленгу, жаргону, попытка проведения языковых реформ) и ксенофобный (сопротивление англоязычным заимствованиям).

С.Г. Иняшкин определил далее «*Понятие "научно-фантастического дискурса" и его классификацию*», исследовав историю развития жанра научной фантастики, выявив периоды, имеющие специфический подход к написанию научно-фантастических произведений, и классифицировав субжанры с учетом «тематического» и «содержательного подходов».

Доклад **Г.И. Купцовой** «*Конструирование лингвистического ландшафта в эпоху глобализации и смены технологий*» особо подчеркнул стремительные изменения в языке и социуме, способствующие отходу от традиционных моделей исследования. Возможным методологическим основанием описания «динамической синхронии» могла бы стать «концепция повседневности», фиксирующая изменения внутри языка и социума в ходе наблюдения за общественными символами и знаками городской среды.

«*Коммуникативная установка и заданность текста*» **Е.М. Масленниковой** затронула особенности существования текстовой коммуникации, протекающей в непрерывном динамическом режиме «текст-читатель» с позиции художественного двуязычного и переводного текстов.

А.Я. Плюснина поставила целью определить «*Характеристики мужской и женской письменной речи в гендерном сознании коммуникантов*», понять, какие языковые средства в сознании носителей языка обладают гендерными маркерами и выявить активные и пассивные стереотипные параметры мужской и женской речи, параметры, которые респондент выделяет сам, без подсказки или наводящего вопроса, и наоборот.

В своём исследовании «*Н.С. Хрущев: лингвокультурная концептуализация политика*» **Г.Г. Слышкин** обратился к лингвокультурному концепту «Хрущев», ассоциативным факторам, обусловившим формирование данного концепта, оценочной нагруженности и реализацию его в сферах топонимики и антропонимики.

Завершила работу секции **В.М. Хаимова** докладом «*Некоторые наблюдения над звуковой организацией поэтических образов в лирической поэме В.Маяковского и М.Цветаевой*». Докладчик отметила типологическую общность лирической выраженности указанных авторов, проявление общих тенденций в индивидуальной форме, особенность цветаевского этимологизирования и звуковых соответствий Маяковского.

По материалам конференции издан сборник тезисов.

Публикация тезисов и участие в Шестой международной научно-практической конференции «Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке» традиционно не предполагали взимания регистрационных и комиссионных сборов.

Материалы конференции размещены на сайте вуза, к публикации готовится сборник докладов.

И.В. Шишканов

КОНФЕРЕНЦИЯ

«Полифония большого города – 2: проблемы, решения, перспективы»,

14 декабря 2011 года, Москва,
Московский институт лингвистики,
кафедра общей теории словесности филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Впервые совместная конференция «Полифония большого города» была проведена в 2010 году и имела широкий резонанс, собрав большой круг участников, представителей научной интеллигенции, заслуженных деятелей науки, ведущих специалистов-практиков, преподавателей и аспирантов из различных регионов Российской Федерации. Ввиду высокой востребованности и актуальности проблематики решено было сделать ее регулярной, и 14 декабря 2011 года в Московском институте лингвистики состоялась конференция **Полифония большого города – 2: проблемы, решения, перспективы**», организованная совместно с филологическим факультетом МГУ и посвящённая проблемам «внутренней» и «внешней» полифонии коммуникации.

С приветственным словом к собравшимся обратился ректор Московского института лингвистики кандидат политических наук **Ливиу Михайлович Терентий**, отметивший общее удовлетворение результатами работы предыдущего форума и выразивший уверенность в необходимости укрепления и расширения выбранного формата обсуждения.

Участников и гостей приветствовали также проректор по научной работе МИЛ **А.В. Кирилина** и зав. кафедрой общей теории словесности МГУ **Т.Д. Венедиктова**.

Открывая конференцию докладом «*Язык большого города: "поле борьбы" или "плавильный котел"?*» сокоординатор и соорганизатор конференции со стороны Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова доктор филологических наук профессор **В.В. Красных** отметила: «внутренняя» полифония подразумевает соотношение вербальных и невербальных составляющих современного поликодового и полимодального текста, его роль и место в современном (большом) городе, а «внешняя» полифония, в свою очередь, характеризует языковое и культурное многообразие личности, её (само)идентичность и (само) идентификацию в условиях современного мегаполиса. В.В. Красных поставила вопрос: является ли политика «мульти-культи» (единственно) возможной или в современном мегаполисе допустимы альтернативные подходы? Коснувшись понятия языковой нормы и изменений, имевших место в современном обществе, в культуре и языке нашей страны, докладчица особо выдели-

ла аспекты разрушения единого языкового пространства и возникновения проблемы терпимости к чужой речи в повседневной жизни. Как следствие были сформулированы предложения по минимизации возникшей напряжённости – введение единого культурно-языкового минимума (основ русской языковой культуры, курса культуры речи и т.д.), продвижение и сохранение русского языка и культуры как государственных в регионах, ближнем и дальнем зарубежье, культурная адаптация мигрантов, несводимая исключительно к обучению азам русского языка.

Проректор по научной работе МИЛ и соорганизатор конференции со стороны Московского института лингвистики доктор филологических наук профессор **А.В. Кирилина** остановилась в своем докладе на общих тенденциях развития языков в эпоху глобализации и указала на значимые изменения в сферах функционирования языков с высоким коммуникативным статусом под влиянием глобальной экспансии английского языка, в частности, на возникновение термина «неанглийские языки», вытеснение этих языков из международной научной и политической коммуникации и некоторые другие тенденции, свидетельствующие о неблагополучии. В докладе А.В. Кирилина представила «*Описание городского лингвистического ландшафта как метод исследования языка в динамической синхронии*». «Знаки городской среды» (public sights) предлагается рассматривать как один из способов описания повседневного существования языка. Фиксация скоротечных моментов в развитии языка, изменения категоризации, обусловленные социальными изменениями и появлением доминирующих культурных идей, роль и воздействие миграционных групп на языковой ландшафт мегаполиса и страны в целом, возникновение новых метафор заслуживают в этой связи более пристального изучения.

Доктор филологических наук профессор **Г.Т. Хухуни** выступил с докладом «"*Русскоязычный мигрант": проблема этнокультурной идентичности*». Известно, что вопросы культурной адаптации мигрантов нередко сопровождаются отсутствием внятной государственной политики. «Растворение мигранта» в иноязычной и инокультурной среде vs сохранение его культурной идентичности выводят на проблему различения этнокультурной самоидентификации, проводимой по семейно-родственному принципу, и лингвокультурной самоидентификации, в основе которой по-прежнему находится русский язык с сохранением символической функции национального языка.

Старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН кандидат филоогичеких наук **Е.М. Лазуткина** представила доклад «*Проблемы языковой нормы и языковой политики в современном мегаполисе*» и подняла вопрос о необходимости поддержания и сохранения национального литературного языка. Современное, порой искусственно навязываемое сужение узуса русского языка, закрепление ненормированного элемента как «бренда», сокращение диапазона речевой практики, факт текстовой безграмотности зачастую приводят к изменению качества узуса и, как следствие, изменению культурных стереотипов и этических норм общества. Характерная для СМИ жаргонизация и вульгаризация языка, общая (языковая) распущенность и отказ от культурных эталонов являются серьёзными угрозами обществу. Тем самым нарушается одно из прав массовой аудитории – право на правильную русскую речь.

Заведующая кафедрой русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета доктор филологичеких наук профессор **Н.С. Сергиева** поддержала свою коллегу, отметив возможные «*Способы сохранения культурной идентичности в городской среде*». Сохранение культурной идентичности происходит сегодня в рамках исторической специфики урбанизации Российской Федерации и демографического фактора, ведущего к сокращению численности городов. Возникающая при этом цепочка «город» – «село» – «деревня» – «дом» – «ро-

дина» – «семья», отслеживается, в том числе, на языковом и ассоциативном уровнях.

Доктор филологических наук профессор **О.И. Максименко** предложила на время отойти от обсуждения общероссийских проблем и обратиться к зарубежному опыту. Сессионный доклад «*Семиотический шок (лингвистический опыт европейцев в Сеуле)*» знакомит с поликодовой ситуацией, существующей в одном из пяти «городов будущего», столице «завтрашнего дня» – Сеуле. Отличие семиотического фона азиатских городов от общеевропейских возможно на уровне зрительных, слуховых и даже тактильных ощущений. «Дружелюбный интерфейс» общегородских пространств, в частности, городского метрополитена может служить примером для подражания.

Однако современный город – это не только общественный транспорт. «*Почтовый ящик горожанина*» может быть также предметом аналитического исследования. **И.И. Валуйцева** предлагает взглянуть на почтовый ящик не как на артефакт либо звено ассоциативной цепочки («Почта России», «электронная почта» и пр.), но элемент дискурса, политического, например, если речь идёт об агитационной или пропагандисткой кампании.

«*Город как топос и топика*» – тема выступления зав. отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, старшего научного сотрудника Института языкознания РАН кандидата филологических наук **С.А. Ромашко**. Тотальная семиотизация, использование любого носителя информации, в том числе асфальтовой поверхности, и интерперсональная коммуникация становятся современными спутниками повседневной жизни горожанина. Расширение области «non-lieux», «не-местья» в интерпретации Марка Оже – городских пространств, принадлежащих городу и нередко располагающихся за его пределами и не предназначенных для жилья. Ещё одной проблемой городского жителя становится «гетеротопия» – возможность нахождения одновременно в разных местах, обусловленная возникновением и активным развитием сетевых структур и способствующая определённому расщеплению идентичности.

Старший преподаватель Московского архитектурного института **А.В. Егорова** открыла сессию, посвящённую архитектурному пространству современного мегаполиса. Доклад «*Динамика и статика монумента как выражение временных модусов*» продолжил заявленную на первой конференции тему «будущего здесь и сейчас», «переориентации временных модусов на рубеже XX-XXI веков». Исследование проводилось на примере выдающегося памятника монументального искусства, советского павильона, спроектированного для Всемирной выставки в Париже 1937 года архитектором Б.М. Иофаном и украшенного динамичной скульптурной группой В.И. Мухиной – «Рабочим и Колхозницей». Сочетание динамического и статического, духа разнонаправленных начал, устремлённых одновременно в будущее и в вечность, символ, ставший эмблемой киностудии «Мосфильм» оказались в центре внимания развернувшейся дискуссии.

Доклад **С.Л. Шутемовой** продолжил заявленную тему. «*Театральная полифония Екатеринбурга*» объединила Екатеринбургский государственный академический театр оперы и балета, академический театр музыкальной комедии, академический театр драмы, «Коляда-театр», театр юного зрителя, театр «Провинциальные танцы» и другие театры. Противостояние профессионального и любительского, академического и авторского, классического и современного наглядно проиллюстрировало настоящее положение культурной «столицы Урала».

Выступление **Я.А. Астаховой** «*Цвета большого города*» касалось в большей степени специфики рекламы в жизни города, рекламных цветообозначений в косметической продукции. Сопоставление и анализ цветообозначений из популярных каталогов «Эйвон» и «Ив Роше» с классификациями А.П. Василевича и А. Вежбицкой позволили в определённой мере дополнить существующие положения.

Кандидат филологичексих наук, заведующая кафедрой английского языка МИЛ **Е.А. Картушина** представила в докладе «*Языковая полифония в городах Финляндии»* специфику языковой ситуации в Финляндии и ее урбанизированной части.

Е.А. Каркищенко завершила работу конференции докладом «*Трансформация базовых гендерных стереотипов: от фольклора до современного городского текста*». Реализация в социальных сетях гендерных стереотипов, заимствования из популярных психологических энциклопедий для мальчиков и девочек, а также анализ сказочных фольклорных персонажей легли в основу заключительной дискуссии.

После подведения итогов, участники конференции смогли получить вышедший накануне в свет сборник «Полифония большого города» с материалами предыдущих выступлений.

И.В. Шишканов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атаман Валерий Валерьевич, кандидат экономических наук, доцент Московского института лингвистики, e-mail: corporate@mfei.ru

Баринова Анастасия Олеговна, аспирантка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, e-mail: stacey84@list.ru

Брагина Анжелика Давлетовна, кандидат филологических наук, Московский институт лингвистики, e-mail: russiananjelika@yahoo.com

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук ГУ ВПО «Московский городской педагогический университет» (МГПУ), e-mail: aribubnova@gmail.com

Веселкова Евгения Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института лингвистики, e-mail: decemvee@mail.ru

Зыкова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, докторант Институт языкознания РАН, e-mail: zykova_iv@mail.ru

Караневский Петр Ильич, член Президиума Международной Туристской Академии, профессор, e-mail: pikar40@mail.ru

Кардович Ирина Кимовна, кандидат филолологических наук, доцент Российского государственного торгово-экономического университета, e-mail: Ik_125212@mail.ru

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, e-mail: akirilina@inyaz-mil.ru

Климачев Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и информационных технологий, декан факультета международного менеджмента Московского института лингвистики, e-mail: klimachev_vad@mail.ru

Комлева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ФГБОУВПО «Волгоградская государственная академия физической культуры», e-mail: kaf_lang @ mail.ru.

Путрик Юрий Степанович, Первый Вице-президент Международной Туристской Академии, заведующий кафедрой СКС и туризма Московского гуманитарного университета, доктор исторических наук, кандидат географических наук, e-mail: putrik@list.ru.

Путрина Елена Александровна, магистрант Академии языков Казахстанского университета Дружбы народов, г. Шымкент, Казахстан, e-mail: elenapytrina@list.ru

Рыжук Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, член Союза переводчиков России, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Московского института лингвистики, e-mail: lingva@inyaz-mil.ru

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, e-mail: elena-neutral2@rambler.ru

Сонин Олег Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и информационных технологий Факультета международного менеджмента Московского института лингвистики, e-mail: sonin_oleg@list.ru

Терентий Ливиу Михайлович, ректор Московского института лингвистики, кандидат политических наук, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Убушаева Валентина Васильевна, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, e-mail: v.v.ubushaeva@mail.ru

Шишканов Илья Викторович, кандидат филологических наук, доцент Московского института лингвистики, e-mail: eliassh@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МИЛ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: akirilina@inyaz-mil.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в Вестнике.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- название вуза полностью и города (курсивом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
- ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
- перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке;
- ключевые слова на английском языке.

Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;
- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);
- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;
- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 14. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 20000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать О (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации не принимаются. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: http://www.bookchamber.ru/gost.htm).